

В. Ф. ГЕНИНГ

АЗЕЛИНСКАЯ КУЛЬТУРА III—V вв.

История древнего населения Удмуртии имеет немало интересных и ярких страниц. Но не все здесь изучено в одинаковой степени. Одни периоды мы знаем лучше, другие хуже, а некоторые вообще еще не выяснены. Это открывает перед археологией, изучающей древнейшую историю народов нашей Родины, широкое поле деятельности.

Предлагаемая вниманию читателей книга посвящена истории сравнительно небольшого периода в жизни древнего населения Волго-Вятского междуречья. Основные материалы для этой книги добыты археологическими раскопками летом 1955 года Удмуртской археологической экспедиции, организованной Удмуртским республиканским музеем и Удмуртским научно-исследовательским институтом. В работах экспедиции приняли участие также Кировский областной краеведческий музей и Антропологическая экспедиция Московского государственного университета под руководством М. С. Акимовой.

Как известно, в литературе, особенно дореволюционной, широко распространено мнение, что предки удмуртов в древности жили по р. Вятке. Основная задача, которая стояла перед экспедицией при исследовании памятников на р. Вятке, состояла в выяснении вопроса, как следует рассматривать древнее население Вятского края в связи с этногенезом удмуртского народа.

Для исследования были избраны два могильника III—V вв. н. э.: у д. Азелино Малмыжского района и у д. Суворово Уржумского района Кировской области. Раскопки на этих могильниках оказались чрезвычайно удачными и дали огромное количество интереснейшего материала для истории населения местного края. Дальнейшее изучение вновь полученных материалов из раскопок позволило сопоставить их со многими другими ранее известными памятниками, но изученными значительно хуже и не дававшими такого яркого представления о культуре древнего населения этого района.

Азелинский и Суворовский могильники содержали материалы, характеризующие развитие этнически единой группы племен Волго-Вятского междуречья в период III—V вв. н. э. В археологии такой этап

в развитии истории какой-либо группы родственных племен, общность культуры которых обусловлена определенной степенью в их общественно-экономическом развитии, выделяют обычно в археологическую культуру и придают ей условное название по имени одного из изучённых памятников. Исследования Азелинского и Суворовского могильников, вместе с ранее известными памятниками III—V веков в Волго-Вятском междуречье, позволили выделить здесь самостоятельную археологическую культуру, названную нами «азелинской».

Время азелинской культуры представляет интересную страницу древней истории местного края. В этот период далеко на юге, в степях, происходили бурные события, связанные с великим переселением народов, которые отразились и в Вятском крае. Сюда, по-видимому, раньше, чем в степные районы Восточной Европы, докатились волны этого переселения. Правда, это была уже самая окраина его, но все же и здесь произошли значительные перемещения населения.

Настоящий очерк посвящен истории населения Вятского края в период азелинской культуры III—V вв. н. э.

АЗЕЛИНСКИЕ ПЛЕМЕНА В ВОЛГО-ВЯТСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ

1.

Археологические памятники III—V вв. в Волго-Вятском междуречье, относящиеся к азелинской культуре, представлены тремя категориями — могильниками, гордищами и случайными находками, степень изученности которых далеко не одинакова.

Лучше всего известны могильники. В настоящее время их насчитывается уже четырнадцать. Первые азелинские могильники были обнаружены еще в дореволюционное время. В 1881 г. С. К. Кузнецов раскопал одно погребение на могильнике Атамановы Кости у д. Мари-Малмыж (Малмыжский район Кировской области). Погребение содержало сравнительно немного вещей. Гораздо больше древних предметов С. К. Кузнецов приобрел у местного населения, собиравшего их из разрушенных могил (Кузнецов, 1884). Эта коллекция была опубликована затем А. А. Спицыным (1901, табл. V).

Казанский любитель древности В. И. Заусайлов собрал в 1891—92 гг. небольшие коллекции вещей из Казанского и Айшинского могильников, где случайно во время хозяйственных работ было раскопано несколько погребений. Вещи эти попали позднее в Хельсинки (Финляндия) и их опубликовал финский археолог А. М. Тальгрэн (1919, 1920).

В 1915—1919 гг. на р. Вятке так же совершенно случайно были обнаружены Воробьевский и Сунцевский могильники, вещи из которых поступили в местные музеи. Небольшие раскопки этих памятников проводили местные краеведы, а затем и археологи — М. Г. Худяков (1929) и Е. И. Горюнова (1934), собравшие, однако, сравнительно небольшие материалы.

В 1927 году Н. Ф. Калинин открыл и частично исследовал Сюкеевский могильник — единственный азелинский погребальный памятник на Правобережье Волги (Калинин, 1928). В 1931 году О. Н. Бадер собрал несколько вещей азелинской культуры на могильнике Тюм-Тюм на р. Вятке (Талицкая, 1952, № 65). Из остальных памятников этой культуры — Хлюпинского, Красно-Ключского и Масловского могильников — происходят лишь отдельные вещи, случайно найденные местным населением. Материалы эти не опубликованы и мало известны.

Хотя все эти сборы и дали некоторое количество свособразных

вещей, но коллекции их были невелики и весьма невыразительны, поэтому памятники азелинской культуры относили обычно к так называемой пьяноборской культуре. Лишь с проведением в 1955 году обширных раскопок на Суворовском (31 погребение) и Азелинском (20 погребений) могильниках удалось получить чрезвычайно богатые и разнообразные по своему составу коллекции вещей и достаточно обширный, хорошо документированный материал по погребальному обряду (Генинг, 1956), что позволило подойти к рассмотрению археологического материала в совершенно новом плане. Результатом исследования памятников III—V вв. в Волго-Вятском междуречье явилось выделение их в самостоятельную азелинскую культуру (Генинг, 1958, стр. 83—92).

В 1956 году большие раскопки на Мари-Луговском могильнике производил А. Х. Халиков, вскрывший 45 погребений (Халиков, 1962). Еще ранее этот памятник исследовался Е. И. Горюновой (1934а). Материалы раскопок А. Х. Халикова только что опубликованы и нами в большинстве не анализируются, но, в общем, они повторяют и подтверждают то, что было открыто на Азелинском и Суворовском могильниках.

Могильники Азелинской культуры содержат грунтовые захоронения в ямах, где погребенные лежат вытянуто на спине. Ориентировка умерших по сторонам горизонта на одном могильнике, как правило, единая, но не одинаковая для всех азелинских могильников.

На могильниках, подвергнутых более или менее обширным исследованиям, выделяются ряды могильных ям, расположенных параллельно друг другу.

В расположении площадок могильников на местности нет какой-либо закономерности. В одних случаях они находятся у самой реки, то на высоком берегу, как Воробьевский, Азелинский и некоторые другие могильники, то в пойме или на второй террасе, как Сунцевский и Атамановы Кости. Некоторые могильники расположены на значительном расстоянии от реки, например, Суворовский (рис. 1).

В погребениях при костяках находилось большое количество вещей. Многочисленны украшения и принадлежности костюма из меди, бронзы, серебра, железа, стекла и камня. Это всевозможные застегжки, подвески, бусы, браслеты, перстни, шейные гривны, бляшки-накладки, нагрудники, пряжки, наконечники ремней и другие вещи. Все эти предметы находятся в могилах при костяках в том порядке, как они в свое время при жизни погребенного носились на костюме.

Многие погребения сопровождаются довольно большим количеством орудий труда и оружия. Это железные топоры, ножи, косы, мечи, кинжалы, наконечники копий, стрел и т. д. В могилах встречаются даже такие уникальные вещи, как железные кольчуги, шлемы, кузнечные клещи, молотки, напильники, наральники и другие. Глиняных сосудов, часто встречающихся в могилах в других районах, здесь нет.

Поселения азелинского времени до настоящего времени почти совершенно не изучены.

На Бурягинском городище еще в 1864 году произвел раскопки

П. В. Алабин (1865), а затем в 1883 г. А. А. Спицин (1893) и в 1887 году П. А. Пономарев. Но все эти раскопки не ставили своей целью планомерное выявление характера поселения, а скорее велись ради добычи отдельных «интересных» вещей. На городище было обнаружено большое количество шлаков, глиняных льячек, много костяных предметов, медных украшений, железных топоров, ножей и обломков глиняной посуды. Исследователи городища не смогли правильно определить ни время обитания на нем, ни его культурную принадлежность.

Судя по отдельным сохранившимся сведениям и материалам, городище было основано в азелинское время, о чем свидетельствует такая характерная для азелинской культуры вещь, как халцедоновый диск, найденный на городище. Вторично оно было заселено в IX—XI вв. (Аспелин, 1877). Авторы раскопок не оставили достаточно полных описаний раскопок и вещей, чтобы в этом материале с полной достоверностью можно было бы разобраться сейчас.

Рис. 1. Общий вид раскопок Суворовского могильника.

Аналогичная судьба постигла Ижевское и Еманаевское городища, раскапывавшиеся в 1887 г. А. А. Спицыным (1893). Новые раскопки на Ижевском городище были проведены в 1961 г. (Архипов, 1962).

При раскопках могильника Атамановы кости С. К. Кузнецов осмотрел городище, находившееся рядом, но не исследовал его.

Достаточно четко азелинский комплекс удалось выделить на Буйском городище при наших раскопках 1955 года. Основной слой его относится к ананьинской культуре VII—III вв. до н. э. В азелинское время мыс, на котором сохранились следы вала, был вновь укреплен. На площади, где производились раскопки, удалось обнаружить несколько очагов-кострищ и, по всей вероятности, развал примитивного сыродутного горна для выплавки железа из болотной руды.

Значительная группа городищ, которую можно отнести к азелинской культуре, обнаружена в 1956 году разведками Марийской археологической экспедиции в среднем течении правобережья р. Вятки. Среди них: Каракулинское, Шевнинское, Сабуяльское, Куш-Бияморское, Чапаевское. Но ни на одном из этих памятников раскопки не производились (Архипов и Халиков, 1960). По всей вероятности, к азелинскому времени относятся Ашиязское и Соловцовское городища вблизи Айшинского могильника.

К этому же времени должны быть отнесены городища Тарасова Пристань и Черепашье на правом берегу р. Камы, обследованные археологической экспедицией Казанского филиала АН СССР в 1955 году, а также ранний слой Именьковского городища (Калинин и Халиков, 1960).

Вблизи Сюкеевского могильника Н. Ф. Калининым было обследовано Елховское городище, содержащее в нижнем горизонте керамику, одновременную могильнику (Калинин и Халиков, 1954, стр. 44).

В общем, эти, еще весьма скудные, сведения об азелинских поселениях, которыми мы располагаем в настоящее время, все же позволяют дать предварительную характеристику городищ.

Городища азелинской культуры расположены, как и все поселения такого рода, на высоких мысах вблизи рек (рис. 2). Городища имеют, как правило, весьма небольшие размеры по площади — 3—5 тыс. кв. м. С напольной стороны, где площадка не защищена крутым склоном, сооружался большой земляной вал и перед ним ров. Культурный слой на городищах весьма незначителен и беден находками.

Чаще всего встречаются остатки металлургического производства. Возможно, что на городищах постоянно жили лишь мастера-литейщики и кузнецы. Основная же масса населения жила, видимо, на неукрепленных селищах и скрывалась за валами городищ только в минуты опасности. Селища азелинского времени, к сожалению, пока не найдены.

Довольно многочисленны так называемые случайные находки вещей азелинского типа. Это различные украшения и принадлежности костюма, среди которых встречаются такие обычные для могильников вещи, как эполетообразные застёжки (Урахча, Ковали, Кибачи, Ташкермень, Безводное), ожерелья из медных гривен с халцедоновыми подвесками и бусами (Шуран), всевозможные подвески и бляшки (Ковали, Калкомерка, Верх Верески, Шурма, Кичма, Безводное).

Большинство из этих находок, надо полагать, происходит из разрушенных погребений могильников, которые пока что не обследованы специалистами-археологами.

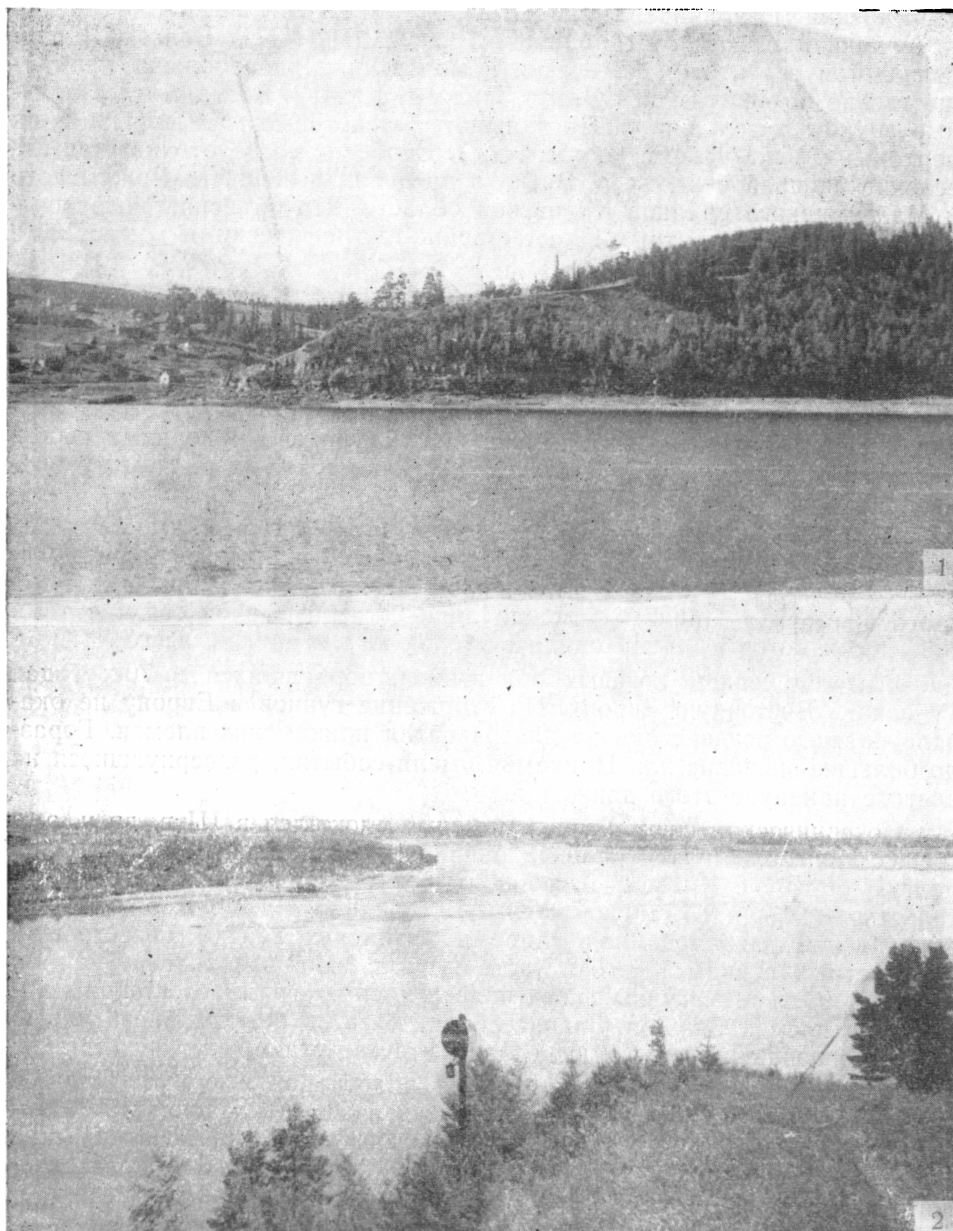

Рис. 2. Буйское городище. 1 — общий вид с р. Вятки, 2 — вид с площадки городища вниз по течению реки.

Территория, занятая памятниками азелинской культуры, ограничена Волго-Вятским междуречьем до р. Пижмы на севере (рис. 3). Лишь Вичмарский могильник на востоке находится за Вяткой, а Сюкеевский могильник и Елховское городище на юго-западе — за Волгой. В пределах этой территории поселения и могильники расположены преимущественно по берегам рек Вятки, Пижмы, Камы и Волги, хотя отдельные группы населения уже осваивают и некоторые малые реки и их верховья (Мёша, Илеть, Немда и др.). Особенно сосредоточивается население на правобережье р. Вятки в пределах нынешнего Уржумского и Малмыжского районов Кировской области, что объясняется, вероятно, более благоприятными естественно-географическими условиями этого района.

Азелинские племена не являлись исконными обитателями Волго-Вятского междуречья. Об этом свидетельствует тот факт, что на данной территории нет не только памятников III в. до н. э. — II в. н. э., которые можно было бы считать исходными в развитии культуры азелинских племен, но и то, что азелинская культура всеми корнями своего развития уводит нас в другой район — к востоку, на р. Каму у впадения в нее р. Белой.

Волго-Вятское междуречье во II в. до н. э. — II в. н. э. оставалось незаселенной территорией и появление здесь азелинских племен связано с великим переселением народов. Понять сложнейшие события этого времени в Прикамье можно лишь в неразрывной связи с теми событиями, которые происходили в степях юга, и, прежде всего, с грандиозным движением кочевых орд гуннов, ворвавшихся в 70-х годах IV века в Восточную Европу. Но вторжение гуннов в Европу не оказало прямого воздействия на ход развития прикамских племен. Гораздо большее значение для Прикамья имели события, развернувшиеся на востоке накануне этого движения.

Кочевнический союз «хунну» (гунны) сложился в III в. до н. э. в степях Монголии и Центральной Азии, где с переменным успехом вел долгую борьбу с Китаем. Для защиты от гуннов было начато строительство Великой Китайской стены. В середине I в. до н. э. гуннское объединение распалось под ударами китайских войск и восставших подвластных гуннам племен. Часть гуннов была вынуждена уйти на запад. В 93 г. н. э. гунны вновь подверглись разгрому со стороны китайцев и племен Сянь-би. Значительная часть их бежала вновь на запад. Обосновавшись в Средней Азии и Казахстане, они значительно расширяют свои территории, проникая вплоть до Северного Прикаспия и Нижнего Поволжья, где становятся известными западным авторам. Продвигаясь к северу, гунны и увлеченные ими кочевнические племена столкнулись с местным оседлым земледельческо-скотоводческим населением степных и лесостепных районов Западной Сибири и Южного Зауралья. Большинство этого населения состояло из угров, в том числе предков современных мадьяр (венгров), хантэ и манси. В ближайшем соседстве с этими группами, по крайней мере с мадьяра-

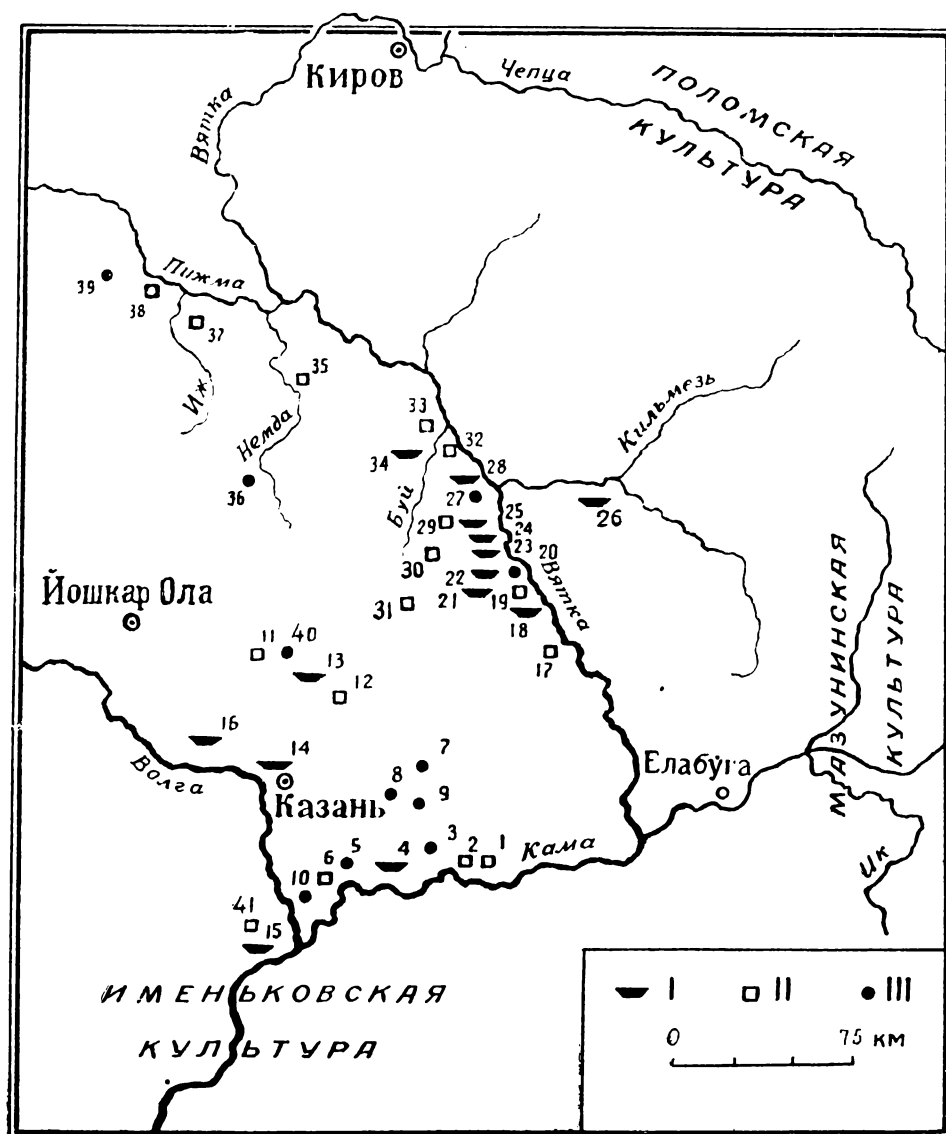

Рис. 3. Карта памятников азелинской культуры.

I — Могильники:

4 — Масловский, 13 — Айшинский, 14 — Казанский, 15 — Сюкеевский, 16 — Мари-Луговской, 18 — Атамановы Кости, 21 — Азелинский, 22 — Сунцевский, 23 — Хлюпинский, 24 — Воробьевский, 25 — Тюм-Тюм, 26 — Вичмарский, 28 — Красный Ключ, 34 — Суворовский.

II — Городища:

1 — Тарасова Пристань, 2 — Черепашье, 6 — Именьковское, 11 — Ашиязское, 12 — Солдовцовское, 17 — Каракулинское, 19 — Атамановы Кости, 29 — Шевнинское, 30 — Сабудьяльское, 31 — Куш-Биласорское, 32 — Чапаевское, 33 — Буйское, 35 — Бурягинское, 37 — Ижевское, 38 — Еманаевское, 41 — Елховское.

III — Случайные находки:

3 — Урахча, 5 — Шуран, 7 — Ковали, 8 — Калкомерка, 9 — Кибачи, 10 — Ташкермень, 20 — Малмыж, 27 — Шурма, 36 — Кичма, 39 — Безводное, 40 — Верх Верески.

ми, обитали какие-то древнетюркские племена, занимавшие, вероятно, южные окраины Западной Сибири и север Казахстана.

Гунны при своем продвижении проявили чрезвычайную жестокость. Один из античных авторов Аммиан Марцеллин пишет, что «этот подвижный и неукротимый народ, пылающий неудержимой страстью к похищению чужой собственности, двигаясь вперед среди грабежей и резни соседних народов, достиг до аланов».

Под натиском надвигавшихся гуннских орд угорские и древнетюркские племена отступают к северу. Но здесь находилась тайга, мало благоприятная для обитания скотоводческо-земледельческого населения, и значительная часть угорских и тюркских племен направляется к северо-западу, переваливая на западные склоны Урала.

В Прикамье накануне эпохи великого переселения народов сложилось четыре племенных союза, имевших вполне обособленные небольшие территории. На северо-востоке, у устья реки Чусовой, и несколько к югу находилась территория Гляденовского союза. Далее, вниз по Каме, в бассейне ее левого притока — р. Тулвы, расселялась Осинская группа племен. В дальнейшем, после включения ряда пришлых групп населения, из гляденовского объединения развивается народность коми-пермяков, а осинская группа явилась основой в развитии удмуртской народности.

На границе среднего и нижнего течения реки Камы, у устья р. Белой, находилась территория Пьяноборского союза племен (Генинг, 1962), а по реке Белой, в районе г. Уфы и далее к югу, расселялась группа уфимских племен.

Наиболее крупным, как по территории, так и по численности населения, было Пьяноборское объединение, но и оно было сравнительно невелико. Все население союза насчитывало едва ли более 4—5 тысяч человек, а территория его расселения имела в поперечнике не более 100—120 км.

Угорская волна, имевшая на юге уже значительные примеси тюркских групп, захлестнула все Прикамье. Гораздо более малочисленные прикамские племенные объединения не могли противостоять этому натиску.

Пришлые племена отличались от прикамских по материальной культуре, хотя по языку угорские группы и были близки к пермским. Угорское население характеризуется употреблением посуды шаровидной или вытянутой формы с высокими шейками сосудов. У различных групп населения эта посуда имела некоторые различия по форме и орнаментации. Так, по р. Уфе сконцентрировались племена, у которых вся поверхность посуды украшалась беспорядочными ямочными наколами (бахмутинская культура, Шмидт, 1929). И точно такую же посуду мы находим далеко на востоке, в Барабинской степи Западной Сибири. По р. Белой, в районе г. Уфы и северо-западнее, расселилась группа племен, имевшая весьма оригинальную посуду вытянутой, почти яйцевидной формы, богато украшенную по шейке различными узорами

(Мажитов, 1959). * В Западной Сибири подобные формы сосудов встречаются по реке Ишиму и р. Иртышу, у г. Омска и в ряде других мест (Левашова, 1948).

Тюркские группы населения употребляли, главным образом, плоскодонную горшковидную посуду очень грубой выделки.

Среди пришлых племен довольно широко был распространен обычай сооружения над могилами курганных насыпей, хотя многие хоронили и в простых грунтовых ямах, без курганов. По всей вероятности, тюркским был обычай устройства в могильной яме ниши—подбоя у изголовья, куда помещался глиняный сосуд и жертвенные куски мяса. Для этих же групп характерно погребение с умершим человеком головы и конечностей коня. Среди значительной группы тюркских племен был распространен обряд трупосожжения (Генинг, 1960, 1962 а).

Одна из смешанных групп угорско-тюркских племен обрушилась на Пьяноборский племенной союз у устья р. Белой. Надо полагать, не без жестокой борьбы Пьяноборское объединение было разгромлено и население вынуждено было спасаться бегством. Следы этого разгрома обнаружены были при раскопках пьяноборских поселений, где конец жизни на них отмечен слоями пожарищ (городище Чеганда I). Довольно часто на Пьяноборской территории находят огромные клады бронзовых вещей, преимущественно украшений. Вещи эти были запрятаны мастерами, которые при столь поспешном бегстве не могли их унести с собой. Наглядно это видно по Каракулинскому кладу, где вещи после отливки в форме не подвергнуты еще очистке и отделке. В начале III века прекращаются захоронения на пьяноборских могильниках, что также свидетельствует об уходе населения. Но не всему пьяноборскому населению удалось скрыться (Генинг, 1962). Значительная часть его была поглощена пришлыми племенами и здесь, в районе устья р. Белой, по р. Ижу и Каме, сложилась своеобразная культура из смешения нескольких этнически разнородных элементов—мазунинская культура (Генинг, 1958). Это смешение особенно заметно на керамике поселений, которую можно разделить на три комплекса. Один из них безусловно происходит от пьяноборского. Это обычные для Прикамья низкие открытые круглодонные чаши с поясочком ямочных вдавлений вокруг горловины. Второй комплекс полностью сходен с той посудой, которая бытовала у населения по р. Уфе (бахмутинская культура). Третий представлен плоскодонными горшковидными сосудами.

Смешение населения можно наблюдать и в погребальном обряде. Пришлые группы при захоронении обычно ставили в могилу глиняный сосуд, что весьма часто встречается и в других районах. Пьяноборские погребения никогда не имеют сосудов. Население мазунинской культуры сохранило пьяноборский обычай—не ставить в могилы сосуды, но в то же время усвоило обычай пришлых племен—класть рядом с умершим пояс, ставить в изголовье берестяной туесок, в который сложены отдельные вещи, кусок мяса и т. д. (Генинг, Стоянов, 1961).

* В 1959 г. Археологической экспедицией Казанского университета под руководством В. Ф. Генинга проведены значительные раскопки памятников этого типа — селища и могильника у с. Кушнаренково на р. Белой.

Пьяноборские группы населения, избежавшие захвата со стороны пришельцев, отступили на запад вниз по Каме, вплоть до Волги, и вверх по Вятке. Территории эти, как уже указывалось выше, не были заселены. Расселившись на новых местах, эта группа населения продолжала развитие своей культуры, которую мы называем теперь азелинской. Но новое название культуры мы даем отнюдь не потому, что население перешло на другую территорию. Это событие вполне могло быть и при развитии одной археологической культуры. Занятие новых территорий пьяноборским населением совпало с крупнейшими изменениями в его общественно-экономической формации. Если в пьяноборское время добыча железа была еще чрезвычайно трудоемким процессом и орудий труда из железа тогда встречалось еще немного, то совершенно другая картина предстает перед нами в памятниках азелинской культуры. Здесь железо получило массовое распространение, что связано с крупными достижениями в технике его производства. Это, в свою очередь, вызвало многие коренные изменения других сторон жизни и быта.

В пьяноборское время основной хозяйственной ячейкой был род, включавший несколько патриархальных семей, коллективно ведших общее хозяйство. В азелинскую эпоху род распадается, и каждая патриархальная большая семья ведет теперь обособленное хозяйство.

Эти основные изменения повлекли за собой и многие другие, происшедшие во всем облике материальной и духовной культуры (Генинг, 1959).

Вполне естественно может возникнуть вопрос, насколько достоверна генетическая связь между пьяноборским и азелинским населением. В археологии это доказывается, прежде всего, сходством ряда вещей, когда удается доказать, что формы более поздних вещей развиваются из более ранних. В данном случае такая цепочка в развитии хорошо прослеживается. В пьяноборском женском костюме употреблялась поясная застежка в виде круглой бляхи с несколькими жгутами и пластиной с крючком на конце. По очень большому сходству с эполетами такую застежку и называли эполетообразной (табл. VI, VII). На территории пьяноборской культуры удалось проследить постепенное развитие этих застежек от небольших крючков длиной всего в 3—4 см до огромных массивных и сложных конструкций в 34—35 см. (Генинг, 1959 а, рис. 42, 1962). Но после третьего века на пьяноборской территории не употребляются ни такие поздние экземпляры, ни какие-либо другие. А в памятниках азелинской культуры имеются и поздне-пьяноборские типы (Воробьевский, Суворовский могильники)* и, еще более часто, выработанный на этой основе новый тип меньшего размера и более изящный (табл. VI, VII). Здесь же удастся проследить процесс полного вырождения этого типа украшения (рис. 4).

В пьяноборском женском костюме довольно широкое распространение имели нагрудные слегка выпуклые бляхи круглой формы (Генинг, 1958, рис. 28, 1962, рис. 7—69). Изготовлены они из серебристого сплава. После III века в качестве нагрудных украшений мы находим эти бляхи

* Обе застежки происходят из случайных сборов. Хранятся в Кировском областном музее.

опять-таки в азелинском костюме. Причем изредка встречаются выпуклые из серебристого сплава, а чаще плоские медные, несколько иначе оформленные (табл. IX—10, 11).

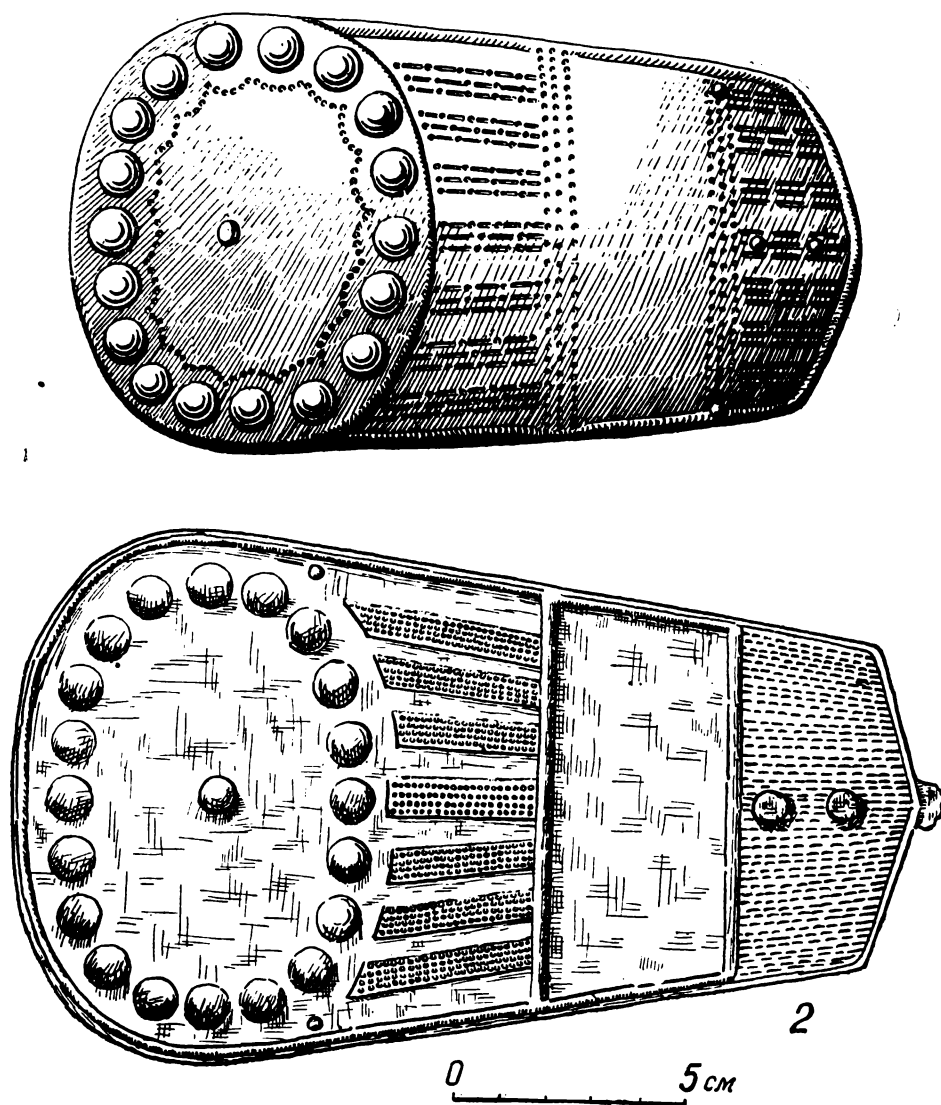

Рис. 4. Эполетообразные застёжки из медных пластин, наклепанных на бересту. Азелинский могильник. 1 — погребение 3; 2 — погребение 11.

Такое же сходство можно обнаружить и во многих других вещах. И даже весь общий характер украшения женских костюмов азелинского и пьяноборского времени почти совершенно одинаков.

Очень близки также форма и орнаментация глиняной посуды. Вообще следует заметить, что в древности глиняная посуда имела гораздо большее разнообразие в форме и, особенно, в орнаментации. Каждая группа населения употребляла определенные формы сосудов и украшала ее своеобразным орнаментом, только ей присущим. Поэтому

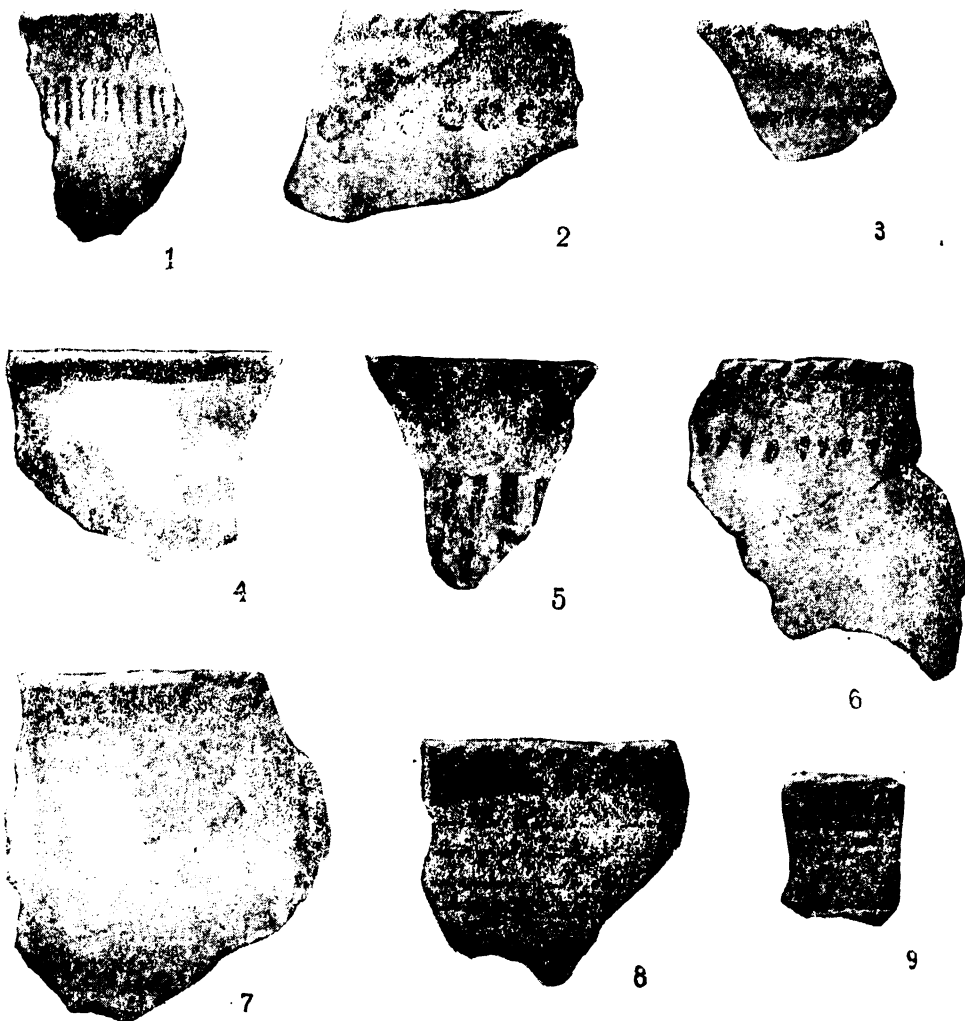

Рис. 5. Образцы керамики азелинской культуры. Буйское городище (верхний слой). керамика является одним из самых устойчивых этнических признаков той или иной культуры и она наиболее чувствительна к всевозможным изменениям, происходящим в составе населения. Пьяноборские сосуды представляли собой низкие открытые чаши с округлым дном, украшен-

ные обычно по шейке пояском ямочных отпечатков (Генинг, 1958, рис. 23, 1962, рис. 10). Точно такую же форму и орнаментацию имеет большинство сосудов азеленский культуры (рис. 5).

Все эти факты позволяют нам с полной достоверностью утверждать, что азелинские племена являются потомками пьяноборских на новой территории и на новом, более высоком этапе общественно-экономического развития.

Правобережные районы Нижнего Прикамья недолго оставались во владении азелинских племен. Вещи с известных здесь памятников (Кибачи, Ковали, Калкомерка, Масловский могильник) еще в очень многом сходны с пьяноборскими типами, а иногда и полностью аналогичны и не содержат более поздних типов, встречающихся в других, более северных памятниках.

К югу от Камы на запад двигалась многочисленная, преимущественно тюркская, группа племен именьковской культуры. (Генинг, 1962 а). После занятия поволжских районов начинается проникновение отдельных групп именьковского населения на Каму и за Каму, что и приводит уже в IV веке к вытеснению из прибрежных районов азелинских племен. По Волге наиболее южным рубежом азелинского расселения стала р. Казанка (могильник в городе Казани).

Именно в этот период и происходит, по-видимому, сосредоточение большинства азелинского населения на Вятке, где мы прослеживаем его пребывание по археологическим материалам до начала VI в. Здесь азелинские племена на последнем этапе своего развития создали чрезвычайно богатую и яркую культуру, описанию которой посвящен настоящий очерк.

ХОЗЯЙСТВО И БЫТ

Волго-Вятское междуречье в той части, которую заселили азелинские племена, представляет собой, в основном, возвышенную холмистую равнину (Марийско-Вятский Вал). Свое начало этот Вал берет в центральной части Кировской области. Проходя в меридианальном направлении к югу, он разрезается средним течением р. Вятки и заканчивается в пределах Татарии. Высота возвышенностей Марийско-Вятского Вала невелика—до 200—250 м, обычно же гораздо меньше. Отличительной чертой Вала является куполообразный характер возвышенностей, причем широкая вершина вала часто куполообразна.

Речные долины, прорезывающие Вал, обычно имеют незначительную ширину, но довольно глубокие. Речная система в Междуречье состоит из сравнительно небольших речек. В р. Пижму справа впадают рр. Иж и Немда. Вятка имеет лишь один крупный приток — р. Шошму и ряд более мелких—Буй, Уржумку и др. Притоки Волги и Камы также немногочисленны, хотя и более многоводны—Илеть, Казанка и Мёша с их многочисленными мелкими притоками.

Волго-Вятское междуречье в свое время было в значительной мере покрыто лесами, сейчас в большинстве уже вырубленными и занятыми пашнями, особенно на возвышенностях. Здесь находится южная граница зоны лесов.

Развитие хозяйства древних обитателей Вятского края неразрывно связано с естественно-географическими условиями тех районов, которые они занимали. Из приведенного выше описания можно заключить, что особенно благоприятных условий для жизни здесь не было и человеку приходилось затрачивать много труда для добывания средств к существованию.

Основными, ведущими отраслями хозяйства населения азелинской культуры являлись скотоводство и земледелие. За неимением пока достаточно хорошо исследованных поселений этого периода, трудно отдать предпочтение одной из двух отраслей. Вероятнее всего, что они развивались в тесном сочетании. Скотоводство, которое, собственно, не выходило за пределы разведения домашнего скота со стойловым содержанием, в условиях длительной и холодной зимы являлось весьма трудоемкой отраслью. Ограниченность запасов кормов не давала воз-

возможности развивать его широко. Но, по сравнению с предшествующей эпохой, для заготовки кормов все же стало больше возможностей в связи с появлением косы. И хотя это орудие еще очень примитивно и невелико, но оно уже играло немалую роль в хозяйстве. Коса представляла собой небольшую железную обоюдоострую полосу, сужающуюся к концу, с коленчатым изгибом (рис. 6—2). Длина лезвия была

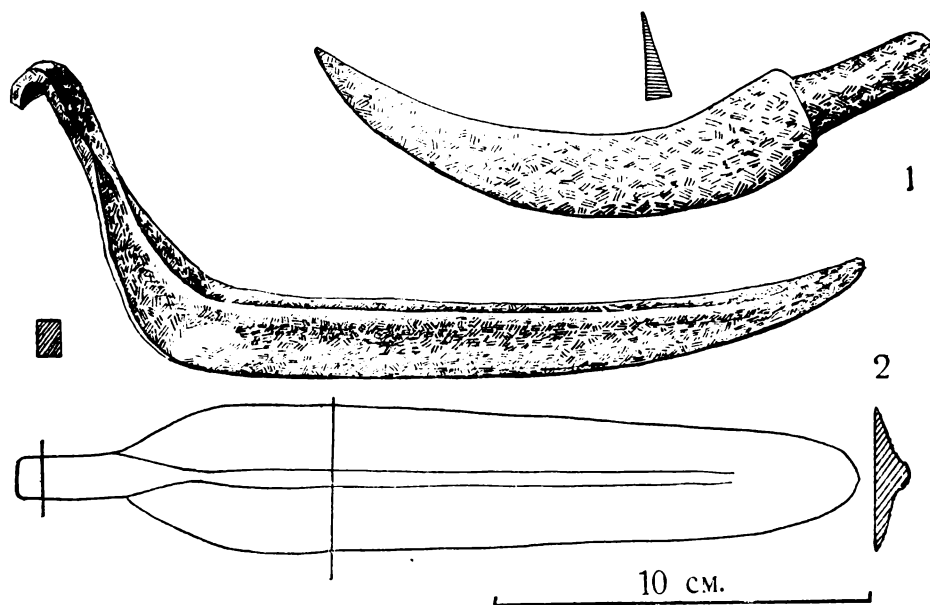

Рис. 6. Железная коса (2) из погребения 30 Суворовского могильника и железный серп (1) из Тураевского могильника.

в пределах 14—19 см., ширина 3—3,5 см. Для прочности по верхней плоскости лезвие имело ребро. Конец лезвия несколько изогнут вверх. К рукоятке коса крепилась так же, как и у кос в настоящее время, при помощи изогнутого под прямым углом стерженька, вставлявшегося в паз рукоятки и замотанного плотно кожей. В наше время последнее заменено железным кольцом. Но еще косы-горбуши прикреплялись обычно ремнем. Рукоятка у азелинской ковы, надо полагать, была также изогнута. В отличие от современной косы и косы-горбуши, азелинская коса имела обоюдоострое лезвие и ею скорее не срезали, а рубили траву, причем «рабочий ход» был у нее при движении в ту и другую сторону. Такое употребление косы вполне допустимо. Известно, что коса-горбуша также косит в ту и другую сторону, но при взмахе лезвие ее переворачивают. Столь сложные движения, по всей вероятности, вырабатывались именно на опыте работы с простейшей косой азелинского типа.

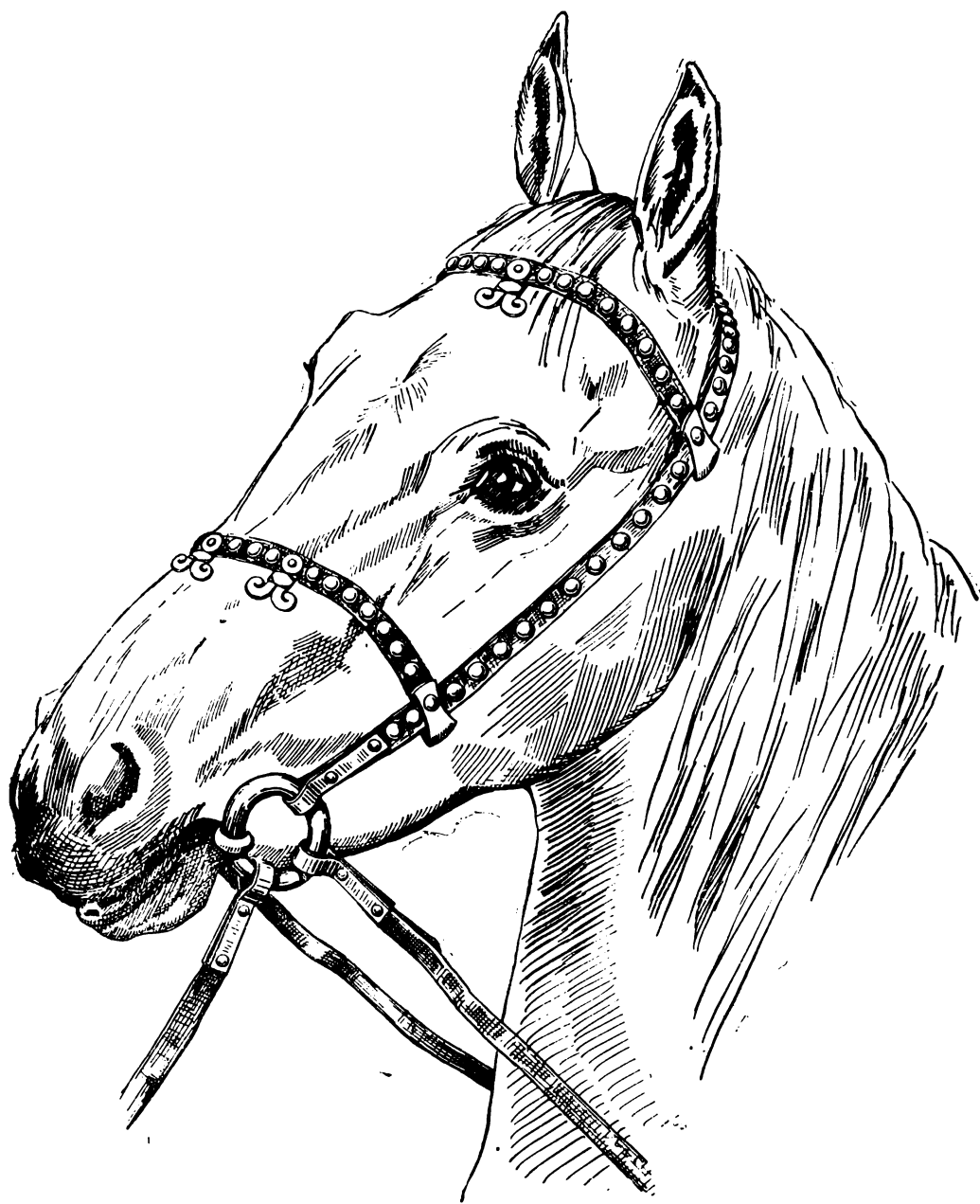

Рис. 7. Уздечка из погребения 1 Азелинского могильника.

По костям, которые собраны на поселениях, можно заключить, что в стаде были уже все домашние животные, разводимые в этих краях и в наше время: крупный рогатый скот, лошади, свиньи и козы или овцы. Вероятно, особое распространение получает разведение лошадей. Особенно ярко это отражается в погребальном обряде и искусстве. В очень многих погребениях при умерших лежат остатки уздечек (Суворово, №№ 1, 10, 28, 29, 30; Азелино, №№ 1, 5, 12; рис. 7). Причем эти остатки бывают не только в мужских, но и в женских могилах, правда, гораздо реже. В искусстве азелинцев мотив коня является преобладающим. Конь изображается как в замечательных скульптурных фигурках подвесок, так и в чеканке на плоских медных вещах (табл. X—7, 8; XII, XV; рис. 8).

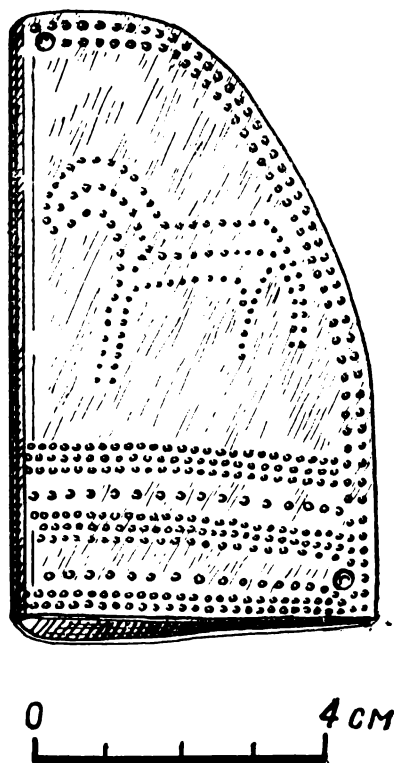

Рис. 8. Медный футлярчик из погребения 11 Азелинского могильника.

Широкое развитие коневодства в III—V вв., как и позднее, вплоть до IX в., не составляет чего-либо особенного для азелинского населения, а скорее, наоборот, связано с известным влиянием извне, со стороны южных племен, которые в это время вторглись в Прикамье.

шадь использовалась не только для верховой езды, но разводилась и для употребления в пищу. Остатки костей на поселениях говорят об этом достаточно убедительно.

Азелинские племена до прихода на Вятку были уже хорошо знакомы с земледелием. Оно было мотыжным и, естественно, малопродуктивным. Под пашни использовались обычно легко возделываемые почвы поймы и надпойменной террасы. Но в Волго-Вятском междуречье такие площади были весьма невелики. Долины и надпойменные террасы здесь очень узкие. Продолжая по возможности использовать под посевы эти низменные места, азелинское население начало осваивать и новую подсечно-огневую форму земледелия.

При подсечно-огневой форме земледелия исключительное значение приобретает железный топор, необходимый для очистки от леса площади под пашни. Находки железных топоров в могильниках весьма часты. Только в погребениях Азелинского и Суворовского могильников их было 12 экземпляров. Найдены они были и во многих других могильниках. По форме топоры разделяются на два типа: втулчатые—кельты (табл. XVI—1—3) и проушные (табл. XVI—4—9; XXIV—6—8). Несмотря на резкое отличие в способе крепления топоров этих двух типов к рукояти, размеры их и формы рабочей части очень близки. Длина лезвия топоров 10—15 см, ширина лезвия 5—6 см. Лезвие у всех топоров слегка расширено и оттянуто назад, что является одним из признаков хозяйственного назначения этого орудия. Во многих экземплярах сохранились остатки деревянных топорниц. У проушных топоров топорница в разрезе овальной формы диаметром 2,5 × 3—4,5 см. О длине топорниц можно только высказать предположение, что сравнительно небольшая масса топора требовала длинной рукояти, в пределах, возможно, одного метра. Безусловно, все эти топоры в случае необходимости использовались и как боевое оружие.

Азелинская эпоха — начало широкого распространения железного топора, в предшествующую эпоху он встречается еще крайне редко.

Из орудий обработки почвы известна уникальная находка наральника (наконечника рала) из погребения кузнеца Азелинского могильника. Наральник представляет собой массивную железную пластину длиной более 24 см (конец его обломлен) и наибольшей шириной в средней части 18 см. Верхняя часть пластины имеет небольшие загнутые бортики высотой в 2 см, при помощи которых наральник крепился к деревянной основе сохи. В нижней, рабочей плоскости наральника пластина вдоль оси имеет небольшое утолщение (табл. XXIV—5). Трудно представить себе достоверно конструкцию всего рала, но, как и в позднейшее время, соха была из дерева и лишь на рабочий конец, взрыхлявший почву, надевался железный наконечник. Тягловой силой при работе таким орудием служила, наверное, лошадь, но как показали опыты, произведенные в недавнем прошлом, такую соху без особого труда могут тянуть 1—2 человека. О том, что когда-то вспашка поля производилась вручную, может свидетельствовать и интересный

пережиток в среде марийского населения. В XIX веке у марийцев существовал обычай «опахивания деревни» во время падежа скота. Две женщины, «одетые в старые шубы, опахивали» деревню с помощью сохи, т. е. проводили борозду вокруг деревни. Одна из них впрягалась в соху, вместо лошади (Крюкова, 1956, стр. 96). Как видно, тянуть примитивную соху было вполне под силу одному человеку.

Рало азелинского типа взрыхляло только самые верхние слои почвы, легко выскакивало из земли, когда попадались корни, что было весьма удобно при обработке нови после расчистки леса. Наряду с сохой, имевшей железный наральник, для обработки почвы употреблялись, вероятно, гораздо чаще и обычные бороны-суковатки. Это нетолстый ствол дерева, на котором оставлены очищенные сучки. Протаскивая такую борону по полю, взрыхляли землю сучками. На лесных почвах такое орудие весьма удобно, оно легко обходит и корни, и пни. Подобные бороны-суковатки можно нередко увидеть в музеях. Еще в XVIII и даже XIX вв. ими широко пользовались крестьяне лесных районов (в том числе и удмурты) при обработке почвы.

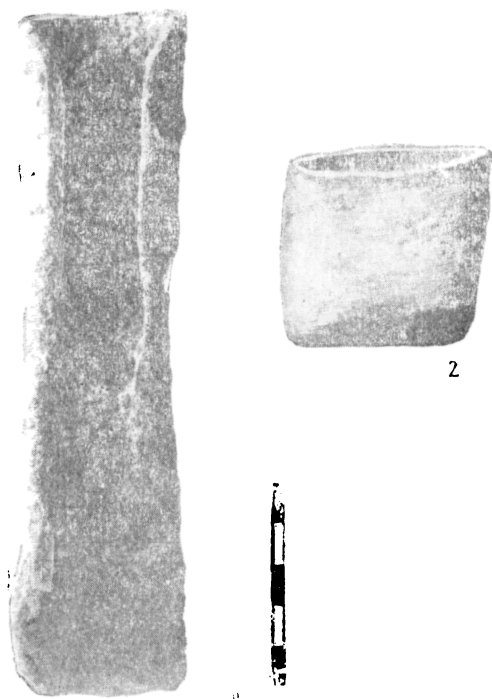

Рис. 9. Железные наконечники мотыг из Буйского городища (1) и могильника Атамановы Кости (2).

Как и в предшествующую эпоху, для обработки земли употреблялась мотыга с железным наконечником. Массивный наконечник мотыги был найден при раскопках Буйского городища (рис. 9—1). Он представлял собой железную пластину, согнутую на одном конце в незамкнутую трубицу, которая насаживалась на деревянную рукоять. Рабочий конец пластины, более массивный, заточен на клин. Подобные мотыги также употреблялись в недавнем прошлом. При помощи таких мотыг хорошо обрабатывать лесные почвы, подрубать корневую систему кустарников при очистке площади под поле, а также рыхлить землю между корнями. (Крюкова, 1956, стр. 14). Другой тип наконечника известен из могильника Атамановы Кости. Это так называемый кельт (рис. 9—2). Интересно, например, что у марийского населения мотыги с примитивным железным наконечником сохранялись долго и получили специальное назначение—для выкапывания корней красителя-морены (Крюкова, 1956, рис. 40). Для уборки урожая употреблялись небольшие серпы, во многом похожие на длинный нож с изогнутым клинком. В памятниках азелинской культуры такие серпы еще не были найдены, но они известны по находкам на соседних территориях, например, в Тураевских курганах около г. Бондюга в Татарии (рис. 6—1). При уборке хлебов могли также употребляться очень примитивные косы (табл. XXIV—4), описанные выше (рис. 6).

Из орудий, которые хотя и не связаны непосредственно с обработкой почвы, но свидетельствуют о развитии земледелия, найден обломок каменного жернова из Буйского городища, представляющего собой массивную каменную плиту округлой формы толщиной до 7—8

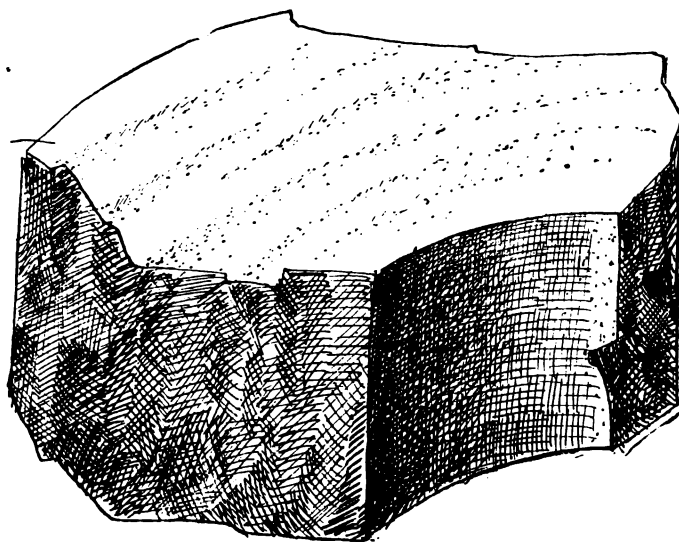

Рис. 10. Обломок каменного жернова. Буйское городище.

см (рис. 10). В середине ее находится отверстие. Такие жернова от ру́чных мельниц встречаются и позднее.

Для азелинской культуры из орудий труда, свидетельствующих о развитии новых, прогрессивных форм ведения земледелия, следует особо отметить железные топоры, косы, наральник, серп и каменный жернов. Находки их здесь одни из самых ранних в Прикамье. Правда, эти орудия едва ли получили уже широкое распространение. Во всяком случае, археологические материалы показывают, что лишь к IX—XI вв. эти орудия становятся основными в земледелии. Появление в азелинское время перечисленных выше орудий связано с развитием новой формы земледелия — подсеčno-огневой, более продуктивной и перспективной по сравнению с мотыжной системой земледелия.

Вятский край богат лесами. И в те отдаленные времена в них, несомненно, водилось много зверей и дичи и, естественно, что они являлись объектами охоты древнего населения края. Охота пополняла запасы пищи, но не являлась уже главным занятием населения. Основной целью охоты было не пополнение пищевых запасов, а добыча ценного меха — соболя, куницы, горностая, белки и др. В азелинскую эпоху широко развивается обмен между отдельными племенами и иногда с весьма отдаленными странами. В южных передовых государствах того времени северные меха ценились очень высоко. В обмен на них к северным народам отправлялись различные вещи, преимущественно украшения. Через многочисленные посредствующие звенья они доходили до самых отдаленных уголков. У азелинских племен из вещей, которые безусловно имеют южное происхождение, отметим многочисленные стеклянные бусы, халцедоновые диски (табл. X—9), крупную раковину каури из Персидского залива (табл. XXIII-1). Для обмена на эти и другие вещи и добывались ценные меха.

Главным оружием охотника были лук и стрелы. Остатки лука нигде не сохранились, но стрелы, вернее, наконечники их встречаются очень часто как в могильниках, так и на поселениях. В большинстве они изготовлены из кости, реже из железа. Железные наконечники представлены тремя типами: трехперыми (табл. XXI—1, 2), плоскими двушипными и ромбовидными с ромбическим или линзовидным в сечении пером (табл. XXI—3—5). И те и другие небольшого размера. Костяные наконечники также довольно однотипны. Большинство имеют хорошо отделанный короткий черешок округлой или слегка граненой формы (табл. XXI—7, 9—13, 17—20). Стрелы ромбической формы, где перо и черешок мало чем различаются, встречаются редко (табл. XXI—8, 14, 15). По форме сечения пера выделяются трехгранные (табл. XXI—7—10, 18), ромбические (табл. XXI—11—16) и четырехгранные (табл. XXI—19, 20). Известен также оригинальный экземпляр наконечника с коническим пером (табл. XXI—17). Наибольшее распространение в азелинской культуре имели наконечники стрел ромбического и трехгранного сечения с резким, под прямым углом, уступчиком у перехода от пера к черешку (табл. XXI—9—12).

Можно предполагать, что на охоте широко применялись всевозможные ловушки, но, к сожалению, никаких остатков их пока не найдено.

Группы населения азелинской культуры, обитавшие по берегам больших рек, занимались также рыбной ловлей, о чем свидетельствуют находки грузила шаровидной формы (табл. XVII—3) и находки железных рыболовных крючков (табл. XVIII—1, 2). Огромные размеры этих крючков (длина 7,5 и 10,5 см) говорят о том, что в Вятке тогда водилась крупная рыба.

Для пополнения своих пищевых запасов население собирало ягоды, грибы, орехи. Получает широкое распространение бортничество, связанное с добыванием меда диких пчел. К сожалению, о развитии этих отраслей хозяйства мы можем только высказать предположение. Вещей, связанных с этими отраслями, не сохранилось.

Таковы немногочисленные сведения, которые мы имеем для характеристики отраслей хозяйства, связанных с добыванием средств к существованию.

Но жизнь людей не ограничивается этой деятельностью. Для того, чтобы жить и трудиться, необходимы орудия труда, одежда и украшения, жилище и многое другое. На изготовление их люди тратят немало времени.

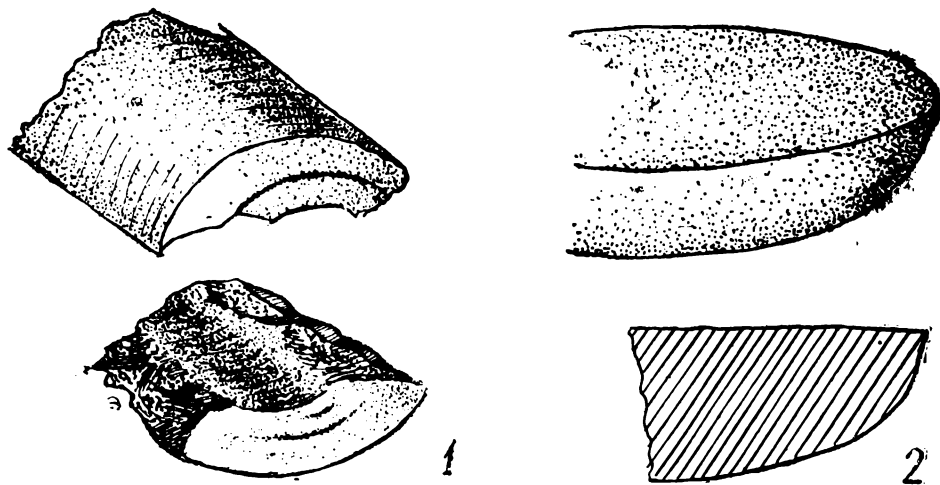

Рис. 11. Обломки глиняного сопла и кружка из Буйского городища.

Азелинские племена уже хорошо овладели искусством добычи железа и его обработки. Все основные орудия труда и оружие изготовлены из железа. Многочисленность находок железных вещей свидетельствует о его широком внедрении в быт. Именно с этого времени железо становится главным сырьем для изготовления орудий, хотя добыча его имела уже тысячелетнюю давность. До III—V вв. процесс добычи железа оставался весьма трудоемким и поэтому всеобъемлющего распространения оно не имело. О самом процессе добычи железа

сведения пока весьма ограничены. Еще в старых раскопках прошлого столетия на Ижевском и Бурыйгинском городищах отмечались массовые находки шлаков и железных вещей (Спицын, 1893, стр. 144 и сл.). По всей вероятности, здесь варили железо. Добывалось оно из болотной руды и варилось в небольших домницах. Во многих районах Прикамья домницы устраивались в ямах. Полезный объем печей домниц на Опутятском городище в Верхнем Прикамье был в среднем 0,7—0,9 куб. м. Крицы, выплавленные в этих домницах, представляли собой блюдцеобразные лепешки диаметром 20—25 см и весом 4—5 кг. Обязательной принадлежностью домниц являются глиняные сопла, через которые нагнетается воздух в печь. Сопла представляют собой толстостенные глиняные трубки. Обломки такого сопла были найдены нами при раскопках Буйского городища (рис. 11). Домницы Буйского городища, в отличие от опутятских, были наземными. При раскопках здесь зафиксированы сильно прокаленные площадки, представлявшие собой остатки пода домниц, верхние части которых оказались полностью разрушенными. Крицы из таких домниц представляют собой сильно пористую массу железа с большими примесями шлаков и угля, поэтому после варки они подвергались многократной проковке для уплотнения массы железа и его очистки. И все же кричное железо оставалось весьма низкого качества, предметы, изготовленные из него, непрочны.

Замечательной по своей полноте была могила кузнеца на Азелинском могильнике (погребение 1), в которой найден почти полный набор кузнечных инструментов (рис. 12). Кузнечные клещи длиной 42 см по форме совершенно сходны с современными (табл. XXIV—1). Также очень близок к современному молоток, имеющий квадратное сечение размером 3,5 × 4 см и высоту около 10 см (табл. XXIV—3). Сильная сбитость заостренного конца показывает, что и эта часть являлась рабочей. Здесь же находился напильник прямоугольного сечения (9 × 6 мм) с длиной рабочей части в 11,5 см (табл. XXXIV—2), насечки на нем, довольно редкие, нанесены крест-накрест. Сюда же следует отнести небольшие ножи для гравировки (рис. 13—1, 2), своеобразную наковаленку (рис. 13—5). Но эти инструменты служили уже, в основном, для обработки меди и бронзы, использовавшихся большей частью для изготовления украшений. Такие медные вещи, как пряжки, оковки ножен мечей и кинжалов, украшения уздечек, делал обычно кузнец.

Интересный набор инструмента для обработки медных изделий был обнаружен в женском погребении 5 Суворовского могильника.

Замечательны небольшой (высота 7,5 см) ювелирный молоточек и наковаленка из железа (табл. XVII—6,7), здесь же была небольшая каменная (сланцевая) литейная форма для отливки каких-то мелких украшений (табл. XVII—9), по две заготовки меди и олова в виде длинных палочек закругленно-овального сечения, много проволочек, пластинок и пр. Все это дает довольно полный набор инструментов и полуфабрикатов, употреблявшихся при изготовлении медных вещей. Для выяснения техники изготовления медных вещей могут быть использо-

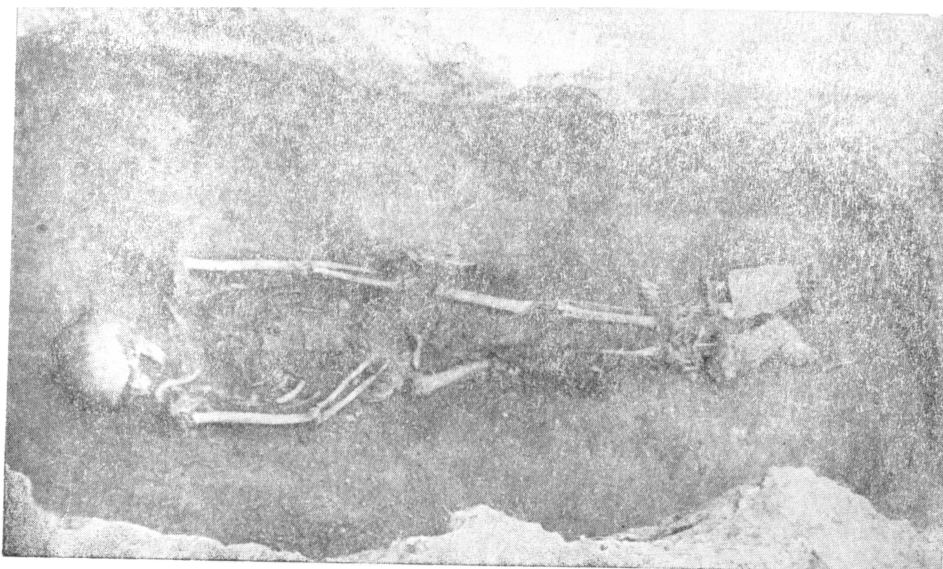

Рис. 12. Азелинский могильник. Погребение кузнеца: 1 — общий вид, 2 — деталь, железный наральник отложен в сторону, для масштаба рядом перочинный нож.

ваны результаты химического анализа их и сопоставление этих данных с наблюдениями над сохранностью и внешним видом вещей в настоящее время.

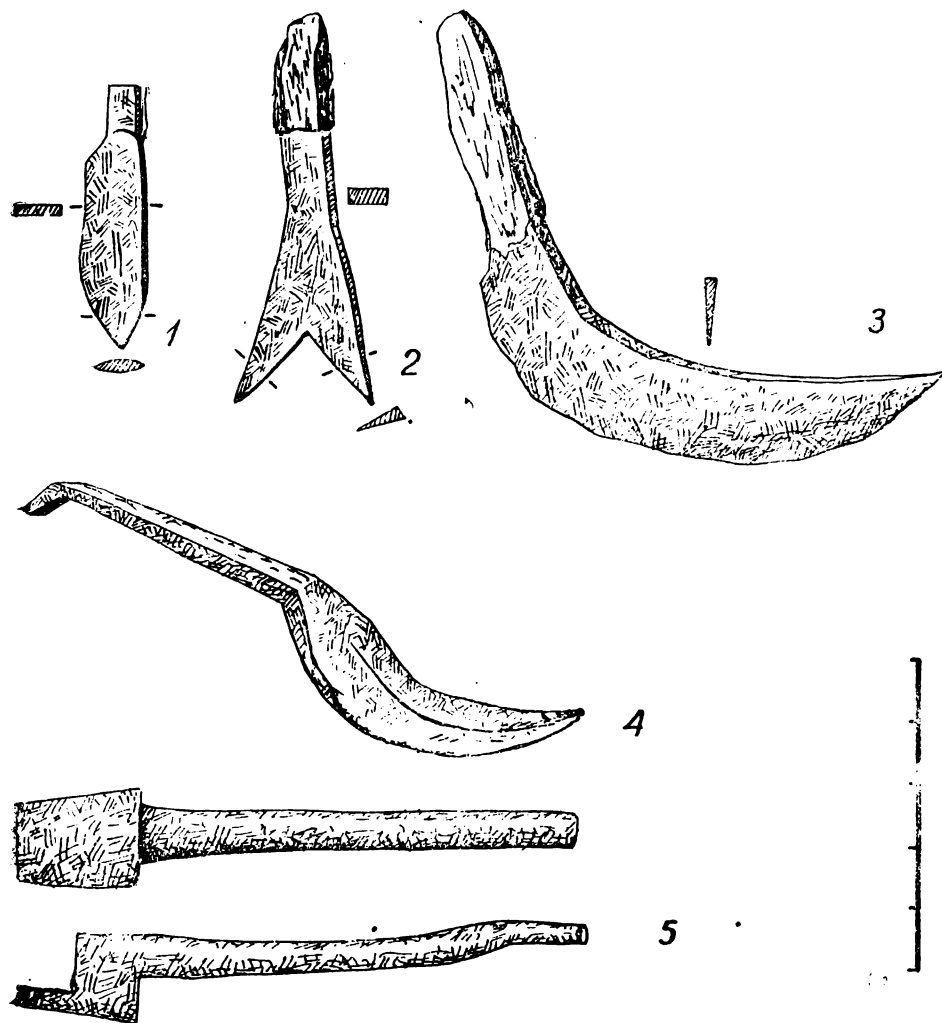

Рис. 13. Железный инструмент из погребения кузнеца. Азелинский могильник.

Сведений о непосредственной выплавке меди из руд у нас пока нет. Можно лишь отметить, что на городищах очень часто встречаются тигли и льячки, но они могут также относиться уже к процессу дальнейшей переплавки меди. Во всяком случае, мастер-литейщик получал уже заготовки металла в виде палочек, подобных найденным в погребении 5

Суворовского могильника. По результатам химического анализа вещей (см. таблицу) можно отметить, что для составления бронз употреблялись лишь медь и олово. Другие металлы, обнаруженные в бронзовых вещах, представляют собой естественные примеси, сопровождающие руды, из которых добывались медь и олово. Мастер-литейщик в одних случаях добавлял больше олова, в других—меньше. Для изготовления крупных вещей и вещей, которые своим видом должны были украшать что-либо, олова добавляли больше, чтобы придать этим вещам золотистый оттенок (см., например, состав вещей № 1, 2, 9, 10). В тех случаях, когда медная вещь лишь входила в состав какого-либо набора, олова добавлялось меньше. Кроме того, сплав с меньшими примесями олова был мягче и лучше поддавался обработке при изготовлении мелких вещей.

Т а б л и ц а
результатов химического анализа бронз
из Суворовского могильника

предмет	Место находки	№№	Cu	Sn	Pb	Fe	Ni	Zn	Au	Al	Bi
1. Спиралька	Из жертв.	264а	89,47	8,37	сл	1,09	сл	—	—	1,04	—
2. Пластика	комплекса	264б	82,7	13,28	сл	2,0	сл	—	—	1,98	—
3. Накладка (табл. I-19)	погр. 5	264в	96,1	3,81	—	сл	—	—	сл	—	—
4. Кусок проволоки		264г	92,56	5,41	сл	сл	1,59	0,41	—	—	—
5. Малая обоймочка (табл. IX-6)	погр. 11	363б	94,70	5,28	сл	сл	—	—	—	—	—
6. Средняя обоймочка (табл. I-15)		363в	99,68	0,3	сл	сл	—	—	—	—	—
7. Малая обоймочка (табл. IX-6)	погр. 5	82	99,21	сл	—	сл	сл	сл	—	0,57	—
8. Обкладка ножен (табл. IX-6)	погр. 28	767	87,51	3,99	0,94	сл	сл	—	—	7,52	—
9. Эполетообразная застежка (табл. VIII-6)	Вне погр.	—	80,32	19,15	сл	сл	сл	—	—	—	сл
10. Эполетообразная застежка (табл. VIII-7)	погр. 31	1152	78,24	18,72	1,77	0,16	0,12	—	—	—	сл

Тигельки, служившие для плавки меди, были очень небольшими, величиной с рюмку, поэтому при изготовлении каждой новой вещи приготавливался новый состав, что и дает различное количество каждого металла при анализе отдельных вещей. Расплавить металл в таком тигле можно было в обычном костре. Температура плавления меди 1084° , а бронзы еще ниже— $800-900^{\circ}$. После того, как металл расплавлялся в тигле, его при помощи особых глиняных ложечек-лячек выливали в литейные формы. Льячки представляют собой небольшие глиняные чашечки с носиком и втулкой, куда вставлялась деревянная ручка (рис. 14).

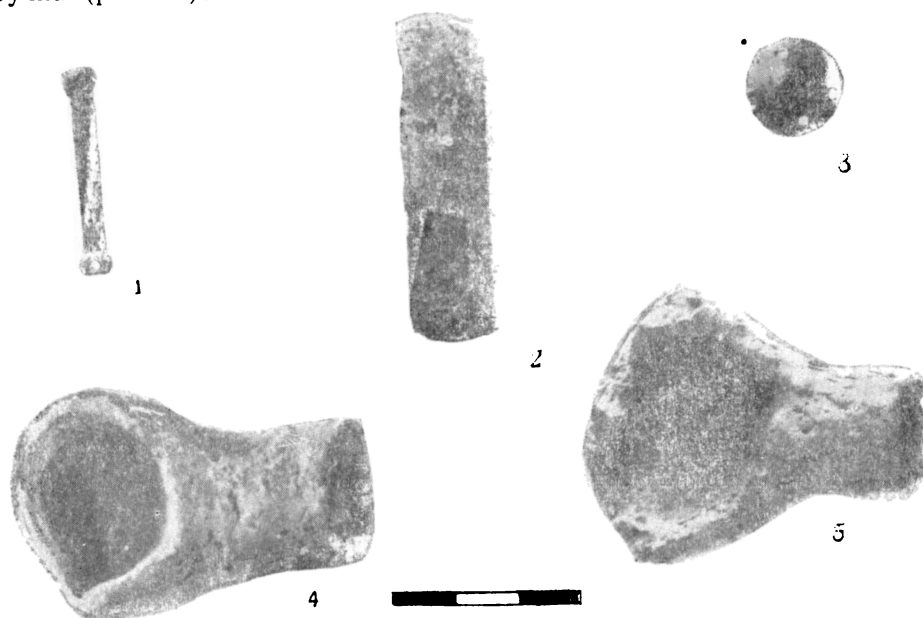

Рис. 14. Буйское городище. 1 — медная пронизка; 2, 3 — медные накладки; 4, 5 — глиняные льячки.

Для отливки вещей употребляли каменные литейные формы (табл. XVII—9) или чаще глиняные. Азелинские мастера хорошо владели искусством отливки как плоских, так и объемных, скульптурных вещей. Для последнего типа особенно замечательна фигурка лошадки из Суворовского могильника, где отлиты все четыре ноги (на фотографии этого не видно), грива, уши, глаза и разрез рта (табл. X—7).

Довольно широко применяется комбинированное литье, когда изготавливаются отдельные детали тоже отливкой или вырезыванием, а затем все соединяется вместе при отливке крупной части этой вещи или соединяющих деталей. Наглядно эта техника видна на эполетообразных застегках. Здесь отдельно отлиты задняя бляха и передняя пластина, причем при их отливке в формы вставлялись готовые детали—крючки. Затем эти две крупные части скреплялись при отливке

соединительных жгутов, в которые для прочности вставлены тоненькие железные стерженьки (табл. VI—2), но последнее встречается в азелинское время уже не во всех застежках. Отдельные экземпляры азелинских эполетообразных застежек отлиты целиком в одной литейной форме (табл. VIII—7). Широко применялось комбинированное литье и при изготовлении других украшений (см. табл. XI). Так же часто практиковалась спайка отдельных деталей и покрытие их довольно толстым слоем полуды. После отливки или спайки вещи подвергались очистке и узоры на них прорисовывались при помощи специального гравировочного ножичка (рис. 13—1, 2). Некоторые вещи, например, крупные нагрудные бляхи украшались гравировкой, путем нанесения целых поясков концентрических окружностей (табл. IX—10, 11). Последнее показывает, что азелинцы знали такой инструмент, как циркуль.

В азелинское время получают большое распространение украшения из тонких медных пластин, иногда довольно внушительных размеров, например, нагрудники (табл. XII), один—размером 11 × 15 см и другой—размером 13 × 19 см. На пластины нанесены узоры точечными наколами при помощи особого шила. Часто встречаются полоски наколов в виде нескольких рядов по краю изделия или в середине для разделения всего поля на несколько орнаментальных поясков (табл. I—13, 14; II—1—4; III—8; V—18; XII, XV). Изредка мелкими наколами выполнены фигурки лошадок (табл. XII, XV, рис. 8). Несколько реже встречается чеканка в виде полугорошин (табл. I—15; II—3, 4, 18; V—18, XII), когда не пробивалось сплошное отверстие, как при мелкой точечной чеканке, а путем ударов притупленным стержнем на пластине получалась сферическая выпуклость.

Техникой чеканки изготовлены два уникальных экземпляра эполетообразных застежек из Азелинского могильника (рис. 4). При их выделке взяты тонкие, не более 1 мм, пластины меди, на которые нанесен весь узор, характерный для обычных массивных эполетообразных застежек, отлитых в форме. По краю пластины выбит валик, а у одного экземпляра (рис. 4—2) валики отделяют еще и передний щиток. Крупные полугорошины задней бляхи также выбиты и довольно аккуратно. Остальные узоры нанесены точечными наколами при помощи шила и длинными выпуклостями при помощи какого-то специального инструмента, возможно, типа стамески. На одном экземпляре (рис. 4—2) полоски точек, имитирующие соединительные жгуты эполетообразных застежек, нанесены на предварительно подготовленные, несколько выпуклые, площадки.

Для прочности и эластичности медные пластины застежек наклеены и приклепаны на толстый слой бересты, а уже затем приклепаны: спереди крючок, а сзади—костылек. Обе эти детали сделаны из железа. Прием наклеивания на бересту встречается обычно в материалах III—V вв. н. э. (Генинг, 1958, стр. 80).

Рис. 15 (на цветной вкладке). Женский поясной набор из погребения 28 Суворовского могилька.

Азелинские мастера знали еще целый ряд способов украшения вещей. Часто встречается прием, когда основной стержень изделия обвит тонкой медной проволокой, витки которой положены вплотную друг к другу (табл. I—1, 4—7, 9). Изредка встречаются и витые изделия из крученых стержней (табл. I—8; III—5, 6; XXII—13). Иногда при изготовлении украшений отдельные детали их, в виде медных пластинок, скреплялись при помощи заклепок (табл. XIII, XIV и др.).

Здесь же необходимо описать некоторые приемы изготовления сложных украшений, которые хотя и не характеризуют медно-литейное производство, но применялись теми же мастерами-литейщиками. Поясные пряжки, накладки и наконечники прикреплялись к коже ремня при помощи заклепок. Более сложны по устройству нагрудники и передники (табл. XIII—XV). Бусы, входившие в состав этих украшений, нанизаны на крученые нитки и разделены по зонам при помощи медных пластинок, обложенных с обеих сторон кожаными полосками. У нагрудников рамки в виде лестницы склепаны из медных планок, причем сзади на все пластины наложены кожаные полоски. Наборы бус скреплялись с рамкой нитками, которые проходили через бусы и кожаные полоски (табл. XIII—2). В общем, азелинские медники-ювелиры достигли замечательного совершенства в своем деле. Вещи изготовлены тщательно, оригинально, с применением разнообразных технических приемов.

Во многих погребениях встречены остатки кожи от поясов и обуви, ремней от уздечек и т. д. Кожа хорошей выделки. Различается в основном два сорта: толстые ремни, несколько грубые, и тонкая кожа от обуви, окрашенная в яркокрасный цвет киновари. Такая же тонкая красная кожа накладывалась на широкие женские пояса с эполетообразными застежками и многочисленными медными накладками (рис. 15). Изделия из такой кожи имели весьма нарядный вид.

Из инструментов, связанных с обработкой кожи, известны изогнутые ножи-резак, служившие как для раскройки больших кож, так и для вырезания отдельных мелких деталей (рис. 13—3).

Об изготовлении тканей и ниток можно судить по небольшим фрагментам. Это ткани из ниток растительного волокна и шерсти.

В употреблении у населения были также рогожи из лыка. Они обычного плетения, как и сейчас, ячейки небольшие—5 мм. Остатки рогож были обнаружены в нескольких погребениях (Суворово, № 5; Азелино, № 1 и др.).

В быту первобытных людей безусловно широко применялись всевозможные изделия из дерева. Но мы о них мало знаем, т. к. дерево очень быстро гнивает в земле. Из орудий, связанных с обработкой дерева, в первую очередь следует отметить железные топоры, уже описанные выше (табл. XVI, XXIV—6—8), а из более мелких инструментов—скобель в виде небольшой дуги, вполне аналогичный по форме некоторым современным типам (табл. XVII—4), и ложка (рис. 13—4), употреблявшийся для изготовления всевозможной мелкой деревянной посуды, к сожалению, нигде не сохранившейся. В двух погребениях Суворовского могильника (№ 5 и 28) найдены остатки не-

больших берестяных коробочек, в которые были сложены различные вещи. Стенки и днища у них сшиты берестяными полосками (рис. 16).

Широкое распространение у древних обитателей края имела глиняная посуда. На азелинских могильниках она почти не встречается. Небольшие раскопки Буйского городища на р. Вятке, вблизи Суворовского могильника, дали первые образцы ее. Сосуды этого времени имеют традиционную для Прикамья форму невысоких чаш с округлым дном. Снаружи они желтоватого или красноватого цвета, обжиг их слабый, производился он в кострах. В глиняном тесте, из которого сделаны сосуды, имеется примесь песка и сильно измельченных речных раковин. Эти отошающие примеси к глине придавали сосудам большую прочность. Лепились такие сосуды вручную, без гончарного круга, путем навивания от дна глиняных жгутов. Поверхность заглаживалась пучком травы или щепкой, а затем рукой. Многие сосуды

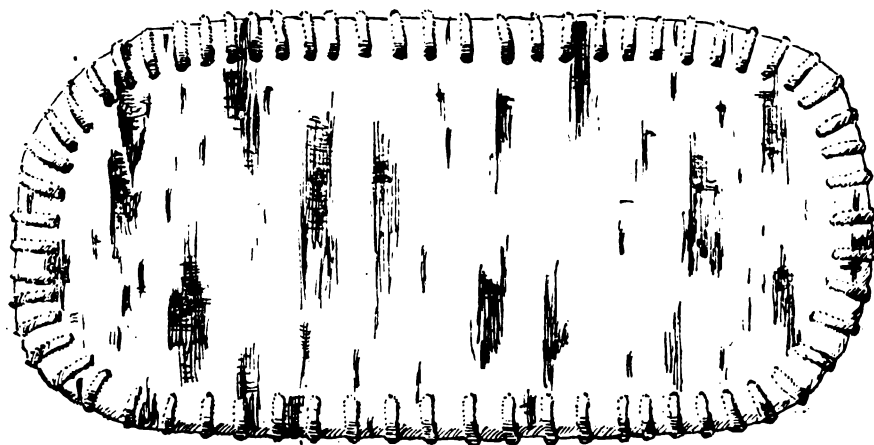

Рис. 16. Берестяное дно коробочки. Суворовский могильник, погребение 28.

украшены вокруг шейки полоской орнамента, состоящего из неглубоких ямок круглой, треугольной или продолговатой формы (рис. 5—1—6). Реже встречаются отиски шнура в виде параллельных рядов и подковок (рис. 5—8, 9). Верхний край сосуда — венчик — часто украшался по наружному краю насечкой (рис. 5—1—3, 5, 6, 8). Сосуды бывали самых различных размеров — от небольших чашечек диаметром в 10—12 см до крупных чаш с диаметром в 40—45 см. Крупные служили для хранения продуктов и приготовления пищи, малые — для принятия пищи.

К сожалению, еще очень многие стороны хозяйства и быта азелинских племен остаются не выясненными. Не знаем мы пока, что представляло собой азелинское жилище, каков был поселок и многое другое. Все эти пробелы будут заполнены после дополнительных исследований азелинских поселений.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ОДЕЖДА И УКРАШЕНИЯ

Со времени захоронения умерших на могильниках прошло уже около полутора тысяч лет и, к сожалению, одежда не сохранилась в погребениях. Лишь изредка рядом со скоплениями медных вещей обнаруживаются ее небольшие обрывки. Вызвано это тем, что медь в сырой земле окисляется, а окись меди, попадая на ткань, кожу и другие быстро гниющие предметы, оказывает консервирующее действие. Но по таким мизерным обрывкам мы можем получить только представление о материале, из которого была изготовлена одежда. Никакого представления о форме ее они не дают.

Азелинский костюм, особенно женский, обильно украшался всевозможными вещами, по расположению которых можно попытаться представить как его общий вид, так и отдельные детали. Особенно ценные

Рис. 17. Суворовский могильник. Погребение 5.

сведения для реконструкции костюма дают некоторые богатые погребения, где украшения и принадлежности костюма расположены своеобразными «слоями» (рис. 17 и 18). Так, например, в погребениях 5 и 28 Суворовского могильника непосредственно на грудных костях лежали медные пластины с коньками (табл. XII), нижние края которых перекрывались круглыми бляхами (табл. IV—II). Поверх этих блях лежали остатки передников (табл. XV), перекрывавшие также пояс с

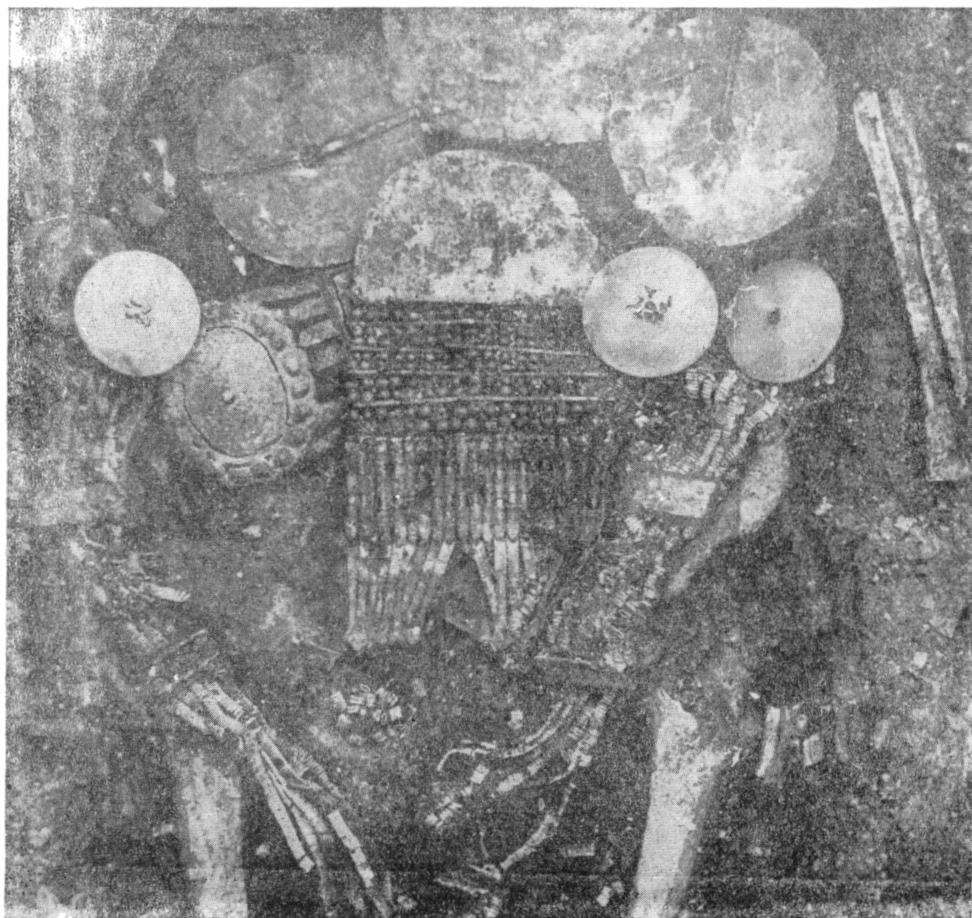

Рис. 18. Суворовский могильник. Погребение 5. Деталь.

эполетообразными застёжками (рис. 18). Наблюдая за расположением всех этих украшений, можно заключить, что пластина с коньками была прикреплена к какой-то нижней одежде, верхнюю одежду украшали круглые бляхи, а поверх пояса носился еще своеобразный передник (рис. 19). Подобные наблюдения были сделаны на многих погребениях

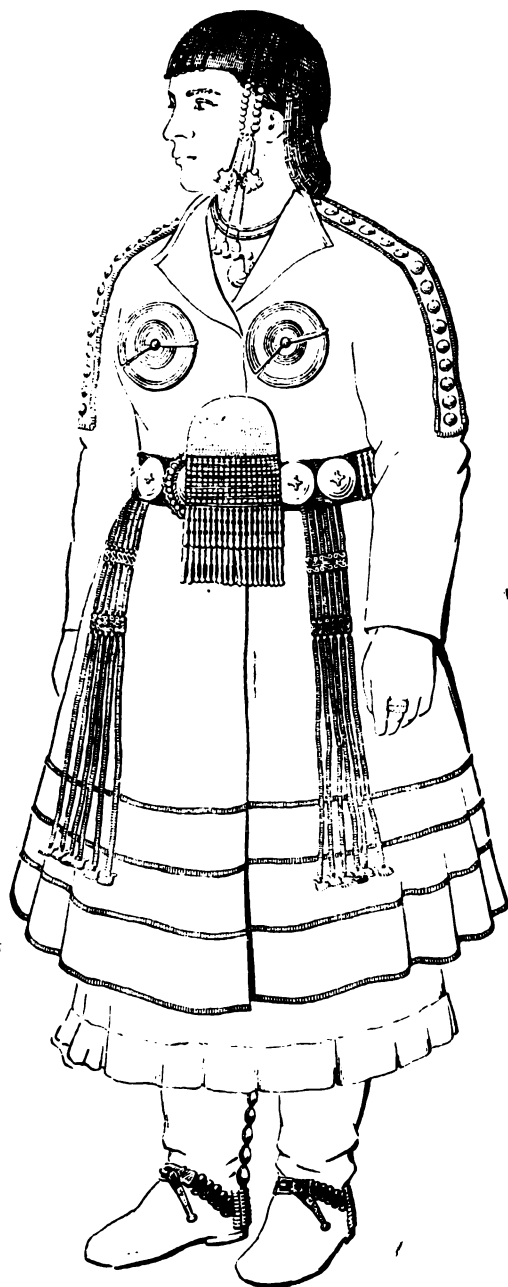

Рис. 19. Реконструкция женского наряда
из погребения 5 Суворовского могильника.

и они позволяют с известной достоверностью представить себе костюм азелинского времени. Конечно, такая реконструкция будет далеко не полной, многие детали, без сомнения, остаются для нас неизвестными, например, цветная вышивка и детали формы одежды.

Верхняя одежда, в которой хоронились умершие, шилась из холста или шерстяной ткани. Этот обычай сохранился у прикамских народов вплоть до XIX в. У марийцев, например, верхняя одежда изготовлялась всегда из домашнего сукна — сухманины (Крюкова, 1956, стр. 126). Верхняя одежда представляла собой, вероятно, кафтан длиной до колен или чуть ниже. Сверху на кафтан обязательно одевался пояс. Различия между мужским и женским кафтаном состояли, по-видимому, лишь в украшении последних многочисленными медными вещицами. Кафтан спереди застегивался одной, а иногда и двумя застежками — сюльгами (Азелино, № 1; Суворово, №№ 3, 8, 15, 23, 26, 30). Сюльгамы азелинского времени представляют собой слегка овальное и круглое незамкнутое кольцо с иглой. Кольцо изготовлено из круглого в сечении дрота, а чаще из пластинки прямоугольного сечения. Концы расплющены и завернуты в трубочку (табл. VIII—2,3), а иногда и разрезаны с двойным разворотом трубочек (табл. VIII—1; XXIII—4). Наружная грань кольца часто покрывалась насечкой (табл. XXIII—4).

Кафтан из женского погребения 5 Суворовского могильника (рис. 19) имел по полам, ниже бедер, обшивку из четырех рядов медных обоймочек, нанизанных на кожаные ремешки (табл. IX—6). Такие же ремешки с обоймочками были пришиты на рукавах, от локтей до плеч, и на спине под воротом, в два ряда, между которыми пришивались небольшие круглые медные бляшки-накладки (табл. 1—16).

На груди женский кафтан часто украшался двумя (рис. 19, Суворово, №№ 5, 14, 28) или даже четырьмя (Суворово, № 11) круглыми медными бляхами диаметром 10—11 см. Бляхи изготовлены из медного листа, украшены двумя полосками концентрических окружностей и прикреплены к одежде через вырезанное отверстие в центре при помощи иглы. Задний конец иглы расплющен в пластину для прикрепления к бляхе. Некоторые экземпляры блях разрезаны радиально и концы слегка загнуты, другие имеют лишь надрез у центрального отверстия (табл. VIII—4; IX—10, 11).

В отдельных случаях, возможно, в детских костюмах (Суворово, № 31) на кафтане нагрудные бляхи заменялись двумя шумящими подвесками (рис. 20) в виде прямоугольных рамок с ажурным заполнением и лапчатыми подвесками внизу (табл. II—20).

Пояса, которые одевались поверх кафтана, весьма разнообразны. Среди них хорошо различаются мужские и женские — основное различие их в ширине. Женские пояса изготовлены из кожаного ремня шириной 6—7 см, мужские же имеют ширину 2—3 см. Различались они и застежками. Женские имели эполетообразные застежки, а мужские — обычные пряжки. Однако в азелинское время и в женских поясах уже употребляются пряжки.

Женские пояса по устройству разделяются на несколько типов. Наиболее роскошный пояс находился в погребении 5 Суворовского мо-

гильника (рис. 19). Аналогичные пояса были и в разграбленных погребениях 11 и 14, того же могильника. Широкий кожаный ремень, окрашенный красной киноварью, в средней части сплошь покрыт медными накладками (табл. IX—5). Снизу накладка имеет узкую пластинку, которая продета сквозь колечко и загнута на внутренней стороне пояса. Верхний конец ее заклепочкой скреплен с ремнем и верхним концом накладки. Далее, по обе стороны от накладок на поясе находится

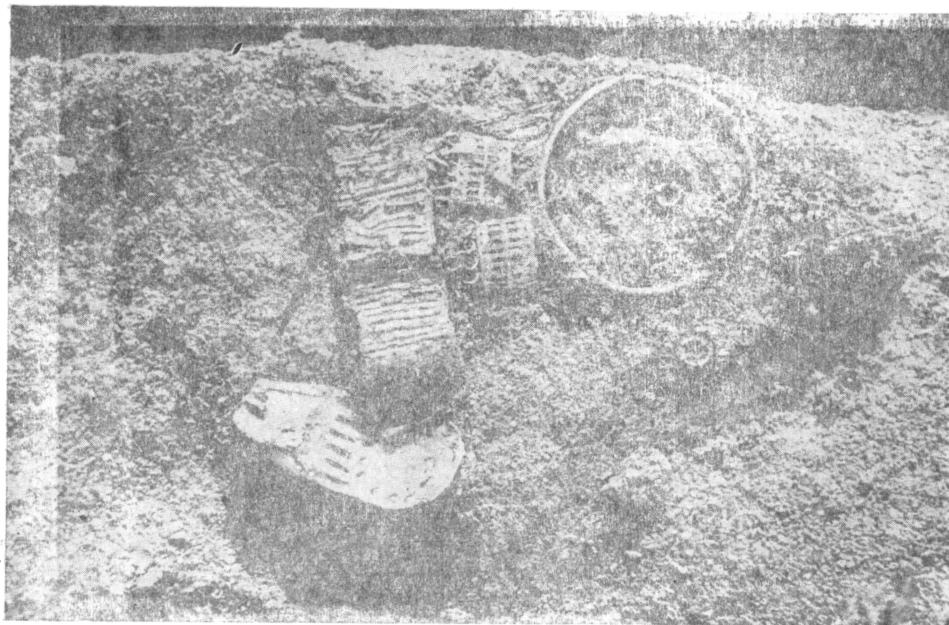

Рис. 20. Суворовский могильник. Погребение 31.

по два-три халцедоновых диска-бляшки (табл. X—9). К ремню они крепились при помощи заклепок с медными крестообразными головками (табл. X—10). Под диск подложена прокопченная береста, что придает молочному цвету халцедона красивый синеватый оттенок. На правый конец пояса костыльком одета эполетообразная застежка (табл. VI, VII, VIII—6, 7). Крючок застежки вдевается в отверстие на противоположном конце ремня. Спереди, с каждой стороны, у халцедоновых дисков к поясу пришивалось по шесть ремешков, сплошь унизанных медными обоймочками с подвесками-уточками на концах (табл. X—6). Такие кисти свисали от пояса до колен. В верхней половине, чтобы ремешки не путались, их перехватывали парой скрепляющих планок со спиральным узором (табл. X—1—4).

Пояса второго типа также имеют эполетообразные застежки и отличаются от предыдущего лишь отсутствием кистей. Ремень их, такой же широкий, украшен медными накладками (Суворово, № 31) и халцедоновыми дисками (рис. 15; Суворово, № 28).

Оригинально украшение пояса из погребения 11 Азелинского могильника. Вдоль ремня были нашиты 17 вертикальных рядов длинных граненых бус из синего непрозрачного стекла (по пять штук в ряд), между которыми пришиты перемежающиеся полосы из красного и зеленого бисера. Скреплялся ремень также при помощи эполетообразной застежки.

Третий тип женского пояса представлял собой простой узкий кожаный ремень, имеющий только медную пряжку на одном конце и наконечник — на другом (табл. IV—8, V—16, XXIII—7). К этому же типу следует отнести пояса, имеющие для скрепления эполетообразные застежки, без каких-либо дополнительных украшений (Азелино, № 3, Суворово, № 3).

Мужские пояса встречаются двух типов, различающихся тем, что у одних, кроме пряжки и наконечника, по ремню были наклепаны медные или железные накладки (рис. 21), количество которых варьирует

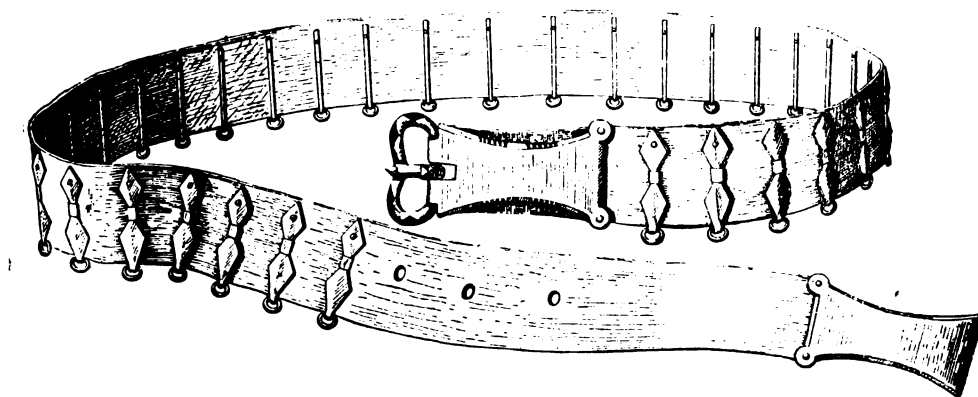

Рис. 21. Мужской пояс из погребения 1 Суворовского могильника.

от 12 до 32—35 штук (Азелино, №№ 1, 5, 12; Суворово, №№ 1, 17, 29, 30), у других же их нет (Азелино, №№ 2, 9, 20; Суворово, №№ 10, 15, 29). Ремень пояса покрывался иногда тисненым узором в виде ромбической штриховки (рис. 22; Азелино, №№ 5, 12; Суворово, № 30). Поясные пряжки были в большинстве медные, реже железные, с овальным, а иногда и несколько прогнутым спереди вовнутрь кольцом и длинной задней пластиной для скрепления с ремнем (табл. IV—1—4, 6—9; IX—12, 13; XXIII—6). Пряжки в виде цельных пластин (табл. IV—5) или простых колец (табл. IV—12) в поясах употреблялись редко. Наконечники поясов изготовлены из сложенной вдвое медной пластины, в которую вставлен конец ремня (табл. V—17—19; XXIII—12, 13). Накладки на ремни все довольно однотипны по форме — в виде восьмеркообразной пластинки с колечком внизу (табл. V—6; IX—7; XXII—3—6). Способ крепления их к ремню тот же, что и у накладок женских поясов.

Нательной женской одеждой служила рубаха. Об этом свидетельствуют и этнографические данные. У марийских женщин еще в XIX

веке основу женского костюма составляла холщевая рубаха, богато украшенная вышивкой («тувыр», «тыгыр»). Рубаха одевалась непосредственно на тело и была одновременно и нательной, и верхней одеждой, заменявшей платье (Крюкова, 1956, стр. 126). Покрой рубахи азелинского времени, вероятно, был очень простым. У народа коми до недавнего времени употреблялась простейшая женская рубаха туникообразного покроя как обязательная одежда при погребении умершей. «Перед и спину такой рубахи выкраивают из перегнутого поперек полотнища, по бокам вшивают два более коротких, сшитых между собой отрезка холста. Рукава делают прямые. Для головы вырезают круглое отверстие». (Белицер, 1958, стр. 259). У азелинской рубахи спереди, от горла, идет прямой разрез. Для того, чтобы прикрыть этот разрез, сверху одевались нагрудники. И, наоборот, для того, чтобы открыть нагрудные украшения, верхний кафтан, по крайней мере женский, надо думать, имел открытый шалеобразный ворот.

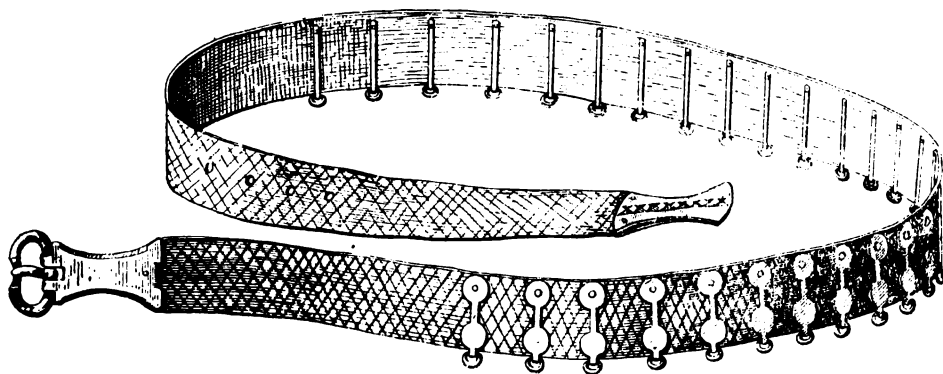

Рис. 22. Мужской пояс из погребения 12 Азелинского могильника.

Нагрудники азелинских женщин весьма оригинальны. Это прямоугольный кусок ткани, подвешивавшийся вокруг шеи, на который нашивались различные украшения. Наиболее богатыми и роскошными были пластинчатые и рамчатые нагрудники (Суворово, №№ 5, 11 14, 28). Пластинчатые нагрудники изготовлены из тонкого листа меди размером 13×19 см или несколько меньше (рис. 23). По краям пластин украшена несколькими рядами точечных наколов и такие же полосы разделяют ее на три орнаментальных поля, где помещены в каждом ряду по три фигуры лошадок, идущих вправо (табл. XII)¹ Рамчатые нагрудники имеют почти такие же размеры (рис. 24). Они изготовлены из медных пластин шириной в 1—1,2 см., склепанных в виде лесенки, просветы которой заполнены бусами (табл. XIII и XIV). Бусы нанизаны на двойную суровую крученую нитку, прошивающую кожаные подкладки под медными пластинами рамки. Кроме того, между

¹ На фотографии лошадки идут влево, так как фотография нагрудника сделана с оборотной стороны, где изображения лучше сохранились.

Рис. 23. Реконструкция головных и нагрудных украшений
из погребения 5 Суворовского могильника.

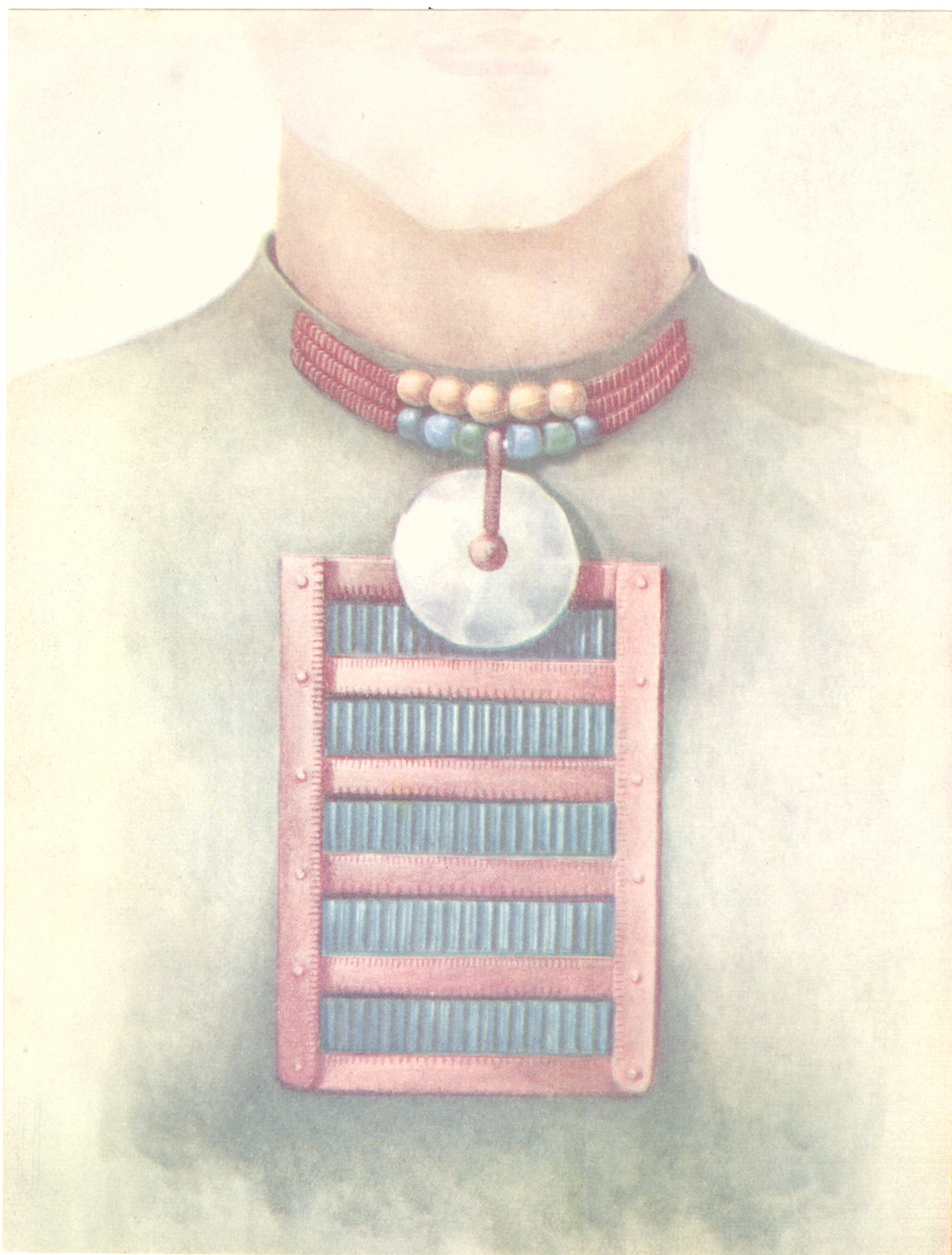

Рис. 24. Нагрудник и ожерелье из погребения 14 Суворовского могильника.

рамкой и бусами положена узкая двойная полоска кожи, также прошитая ниткой. В нагруднике, собранном из мелких бус, ряды их разделены медными планочками с отверстиями для ниток. Внутренние края медных полосок рамок покрыты насечками, а у одной поперечные полоски — еще полушарными вдавлениями.

У другого типа нагрудников поверхность украшалась шумящими подвесками (6 шт. табл. XI—1), нашитыми на нагрудник в два ряда (Суворово, № 19). К этому же типу относится еще несколько более скромных нагрудников с простыми подвесками. В одном (Суворово, № 6) — это медная подвесочка со спирально завитыми концами (табл. I—11), в другом (Азелино, №№ 10, 11) — близкая по форме подвеска имеет еще двухзвеньеовое пластинчатое продолжение или набор обоймочек с пластинчатой подвеской.

Некоторые нагрудники украшались лишь бусами (Суворово, № 3, 4; Азелино №№ 4, 12, 16, 17). Оригинален набор бус в нагруднике из погребения 10 Азелинского могильника. В верхних углах этого нагрудника было прикреплено по три медных подвески (табл. I—2), от концов которых вниз спускались нитки со стеклянными бусами, по краям с черными, а в середине с желтыми. Сверху кольца подвесок соединялись медной цепочкой. В средней части цепочки прикреплялся подвесной набор из двух планок и подвески в виде крученого стержня со спиральными концами (по общей форме близкой к подвеске типа табл. I—11). В нижней части нагрудный набор состоял из четырех вертикальных рядов различных бус и бисера и одного горизонтального ряда бус. Над последним было помещено с каждой стороны по медному кольцу (табл. I—8).

Поверх кафтана, подпоясанного ремнем, у богатых женщин прикреплялся еще передник (рис. 19). Оригинален передник из погребения 5 Суворовского могильника, состоящий из медной пластины с коньками, как у нагрудников, девяти рядов бус с разделительными медными и кожаными планками и двухзвеньеовых длинных подвесок (табл. XV).

Иной вид имеет передник, состоящий из коньковой подвески, кольца и стержня (Суворово, № 11, табл. X—8, 11, 12). Передник погребения 28 Суворовского могильника состоит из коньковой подвески, висящей на трех ремешках, и арочной подвески (табл. X—7, XI—4). Ремешки, на которых висит конек, имеют длину 7 см и сплошь унизаны медными обоймочками (рис. 25). Шесть таких же ремешков с двенадцатью обоймочками прикреплены снизу к арочной подвеске. В середине эти ремешки перехвачены планкой (табл. X—1), а на концах их — лапчатые подвески (табл. V—1).

В погребении 14 Суворовского могильника передник украшен двумя арочными подвесками (табл. XI—5), к каждой из которых подвешено по шесть ремешков длиной 55 см, унизанных сплошь медными обоймочками, как в переднике из погребения 28 (рис. 25), с подвесками-птичками на концах (табл. X—6). В 6 см от арочной подвески ремешки стянуты поперек планкой (табл. X—4).

Верхние части передников имели, по всей вероятности, кожаную

основу, которая пристегивалась к одежде при помощи застежки-сюль-
гамы (рис. 25).

Описанные выше украшения носились в нижней части груди и мог-

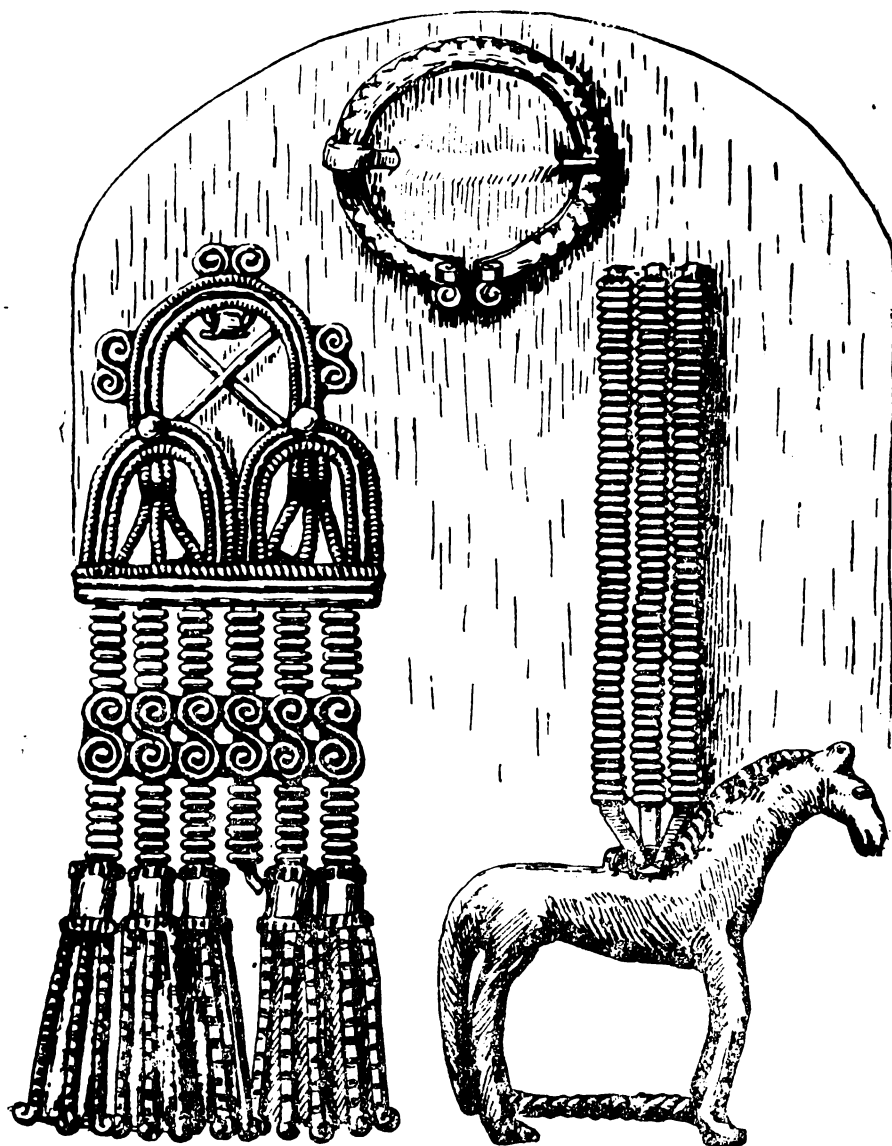

Рис. 25. Реконструкция передника из погребения 28 Суворовского могильника.

ли относиться к нагрудникам. Но, чтобы отличать их от подлинных нагрудных украшений нижней рубахи, мы относим их к передникам.

Азелинские передники находят довольно интересные этнографические параллели. Так, считаются специфически чувашскими своеобразные украшения «шулкеме» и «сурпан ҫакки», представляющие собой

Рис. 26. Застежка-сьюлгама из женского марийского костюма (с. Китяки Кировской области).

прямоугольные куски кожи, обшитые бисером, а в центре заполненные чешуеобразно нашитыми монетами. У шулкеме снизу пришивались в виде бахромы в один ряд раковины-ужовки, а у сурпан ҫакки в сере-

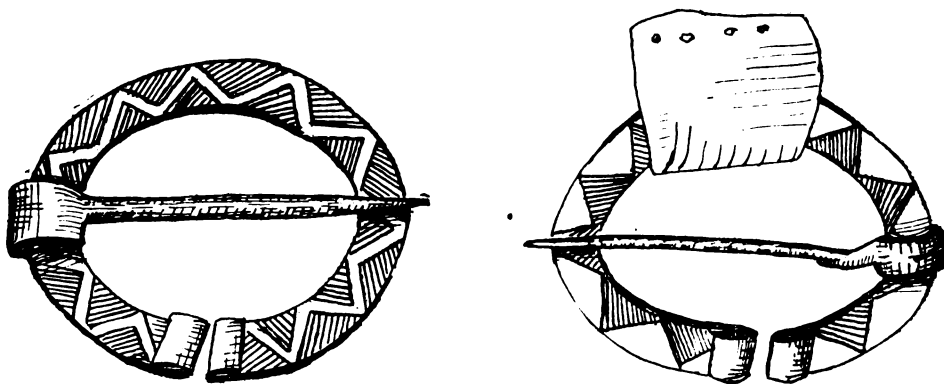

Рис. 27. Застежки-сьюлгамы из погребений XVIII в. на могильнике Тюм-Тюм.

дине верхней длинной стороны прикреплялась медная треугольная пластина и кольцо. Иногда оба украшения соединялись вместе, в таких случаях сверху помещалась сурпан ҫакки, а ниже — шулкеме.

28. Ожерелье из погребения 28 Суворовского могильника

Встречаются также шулкеме в виде узкого ремешка, от которого вниз спускаются 5 таких же ремешков. Все это чешуеобразно заполнено монетами, по одному ряду на каждой полоске. Чувашские украшения этого типа носились обычно в нижней части груди на тесемке, перекинутой за шею (Воробьев и др., 1956, стр. 320—322).

Азелинские передники во многом напоминают чувашские шулкеме и сурпан сакки, особенно когда эти два украшения соединялись вместе. Но еще больше сходства они имеют, пожалуй, с марийскими украшениями типа «ширкама» и «почкама», по своему устройству близкими чувашским. Они прикреплялись к костюму также при помощи застежек-сюльгам. Интересно, что современные сюльгамы (рис. 26) очень близки к древним, азелинским, а сюльгамы из марийских могильников XVII—XVIII вв. и вовсе почти не отличаются от азелинских (рис. 27).

Очень часто в могилах встречаются шейные гривны. Большинство их сделано из круглого медного дрота толщиной в 3—5 мм. У большинства концы слегка заострены, у других, наоборот, утолщены и закруглены и заканчиваются расширением в виде раструба, брусочка или лопаточки (табл. III—1—4; XXII—10). У некоторых экземпляров оба конца загнуты в крючки (табл. XXII—9).

Рис. 29. Азелинский могильник. Погребение 10.

Рис. 30. Коржголь — шейное украшение марийской женщины
(с. Кийяжи, Кировской обл.)

Иной тип составляют массивные гривны из прута прямоугольного сечения, украшенные различными узорами (табл. III—7, 8; XXII—11).

Третий тип представлен гривнами, изготовленными из нетолстого четырехгранного дрота, сильно перекрученного, отчего гривна имеет форму витой. Концы дрота имеют закругленную форму и снабжены крючками или крючком и петлей (табл. III—5, 6).

Гривны считаются обычно шейным украшением. В нескольких случаях они действительно были одеты на шею (Азелино, № 12; Суворово, №№ 5, 28). Но в абсолютном большинстве гривны лежат на груди (рис. 29), по одному или по два экземпляра (Азелино, №№ 10, 11, 13; Суворово, №№ 3, 4, 11, 14, 15, 26, 29, 30, 31), причем не только в женских, но и в мужских могилах. Вполне возможно, что гривны чаще всего служили не шейным украшением, а нагрудным. В тех же случаях, когда гривны употреблялись как шейное украшение, они служили основой оригинальных ожерелий (рис. 28). На проволоочный дрот гривны одеты крупные (диаметром в 1,2—1,5 см) бусы: золоченые, прозрачного желтовато-белого или синего стекла и краснопастовые. Спереди между бусами на медных пластинах висят халцедоновые диски — два или три (Суворово, №№ 5, 28). Под диски подложена прокопченная береста.

Оригинально ожерелье, составленное из трех кожаных ремешков, сплошь унизанных медными обоймочками и двумя рядами бус с халцедоновым диском-подвеской в середине (рис. 24, Суворово, № 14). Встречаются также ожерелья из бус с небольшой медной подвеской в середине (табл. V—5; Суворово, № 11). По всей вероятности, во многих случаях ожерелье состояло лишь из бус, но они смещены и установить их расположение с достоверностью не удастся.

Ожерелья из различных наборов бус, а также раковин и монет являлись излюбленным женским украшением и в более позднее время. Интересное женское украшение этого типа под названием «коржголь» было зарисовано нами в 1955 г. у марийской женщины на ярмарке в с. Китяки Малмыжского района Кировской области. Оно также не охватывает всю шею, как и ожерелье из погребения 14 Суворовского могильника, и состоит из бус, мелкого бисера, пуговочек и раковин-ужовок (рис. 30).

Женские головные уборы весьма оригинального вида встречены во многих погребениях. Довольно часто женщины носили на голове круглые неглубокие шапочки из ткани, богато украшенные медными обоймочками и бусами, нашитыми на кожаные ремешки и полосы (рис. 23, 31). По форме и украшению такой головной убор полностью воспроизводит так называемую такью, известную по многим этнографическим описаниям.

Азелинская такья представляла собой небольшую сферической формы шапочку из грубой шерстяной ткани. По краю она обшивалась полоской кожи шириной от 3 до 6,5 см., сплошь покрытой длинными медными накладочками с колечками или полугорошинами на нижних концах (табл. IX—1, 4). Между накладками пришиты горизонталь-

ные ряды (по 3 штуки в ряд) медных обоймочек (Азелино, № 11; Суворово, №№ 5, 28). Верх шапочки также покрывался или бусами (рис. 23), или медными обоймочками, нашитыми горизонтальными рядами по кругу.

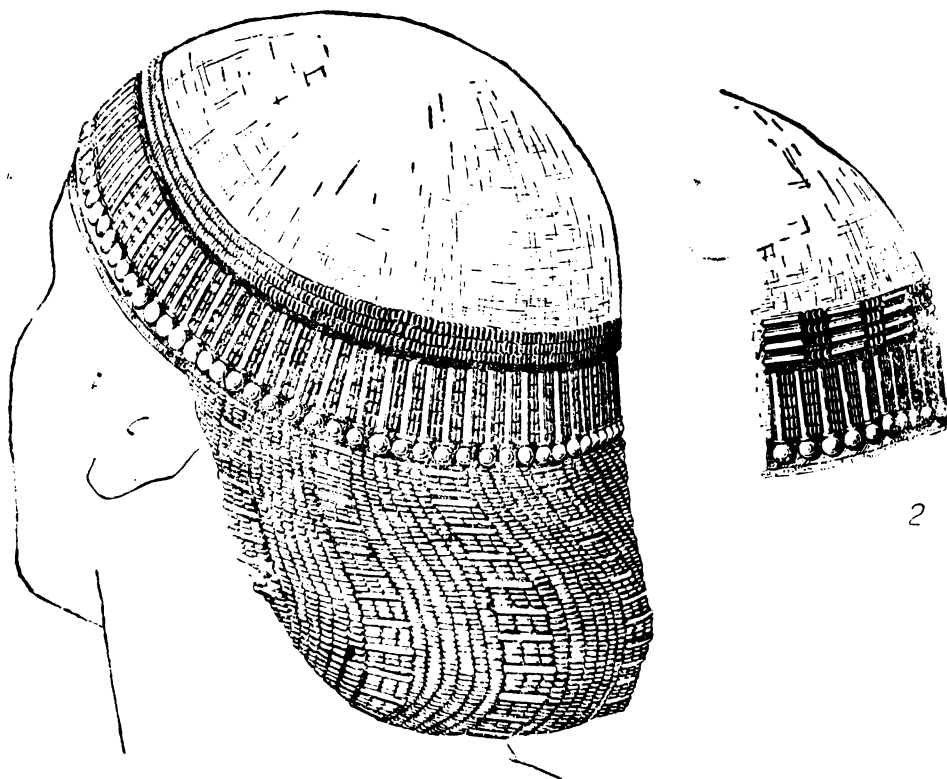

Рис. 31. Женские шапочки-такьи и накосник. 1 — Азелинский могильник, погребение 11. 2 — Суворовский могильник, погребение 28.

Шапочка-такья соединялась сзади с накосником, имевшим, вероятно, вид мешочка, куда помещались косы. Снаружи накосник покрывался узором в форме лунницы из кожаных ремешков с нанизанными медными обоймочками и бусами. В погребении 11 Азелинского могильника такой накосник (рис. 31—1) имел в ширину 50 вертикальных ремешков, в средней, наиболее широкой, части достигавших длины 10 см. Кожаные полоски соединялись через небольшие интервалы по три штуки медными скрепляющими планочками (табл. IX—3). В этом же погребении среди многих сотен медных обоймочек найдено несколько десятков золотых.

Шапочка-такья имеет довольно древнее происхождение и широко распространена среди тюркских народов—казахов, башкир, казанских татар и других, от которых ее заимствовали финно-угры, в част-

ности, удмурты (Белицер, 1951, стр. 55). У среднеазиатских тюркских народов это обычная тюбетейка, которую носят как мужчины, так и женщины. Считается, что этот головной убор развился из мягкого подшлемника средневековых воинов.

Азелинская такья ближе всего по устройству к тухье чуваш. Приведем описание чувашской тухьи. «Основа ее в виде полусферической формы шапочки изготовлялась обычно из грубого холста, простеганного в несколько слоев, или шерстяной ткани белого цвета. В далеком прошлом остов тухьи часто делали из кожи. Верхняя часть тухьи расшивалась мелким разноцветным бисером, а дальше нашивался более крупный бисер, который покрывал всю поверхность, причем путем подбора и расстановки зерен различной величины и цвета создавали различные рисунки в виде квадратов, ромбов, крестов и т. п. Ближе к краю шапочки нашивалось чешуеобразно 2—3 ряда мелкой серебряной монеты, достоинством в 10—15 копеек, или старинные великокняжеские, или даже восточные серебряные монетки... Сзади к шапочке пришивался назатыльник в виде полосы шириной до 10—12 см, длиной до 25—30 см, который спускался на шею и верх спины. Назатыльник чаще делали из лент желтого или зеленого цвета, а иногда из холста». Кроме того, чувашская тухья имела еще наушники в виде ленты, несколько сужающейся книзу, которая застегивалась под подбородком (Воробьев и др., 1956, стр. 306—309). Такова чувашская тухья по материалам XVIII—XIX вв.

Как видно, чувашская тухья почти полностью повторяет азелинскую шапочку как по общей форме, так и по приемам расшивки поверхности. Правда, в азелинской такье не обнаружены наушники, но они могли быть без украшения и просто не сохранились.

Назатыльник чувашской тухьи, надо полагать, является пережитком того времени, когда сзади укреплялся накосник, как у азелинских шапочек. Интересно, что у азелинской такьи накосник также собран из лент, как и назатыльник у чувашской тухьи.

Азелинская такья является, таким образом, заимствованным головным убором. Наиболее вероятно, что заимствована она была от древнечувашского населения, появившегося в III—IV вв. на Волге.

Оригинален другой вид головного убора в виде венчика с накосником (Азелино, № 10). По всей вероятности, он имел жесткую основу, может быть, из бересты. Поверху, от лба к затылку, была полоска с наклепанными на нее медными накладками с колечками (табл. XXII—I). Сзади эта полоска расширялась в узор накосника, который, как и в других накосниках, был снаружи покрыт кожаными ремешками с обоймочками, а в центре помещалась крупная голубая бусина. В отличие от полукруглых накосников, описанных выше, этот имел треугольную форму (рис. 32).

Головной убор, украшенный венчиком, во многом аналогичен марийскому «шимакш». Последний «по покрою напоминал собой остроконечный колпачок, сшитый из одного куска холста и вышитый шерстью или шелком. Для надевания его требовалось тугое стягивание волос и закрепление их на темени или ближе ко лбу (смотря по

манере ношения). Поверх прически надевался берестяной или войлоч-

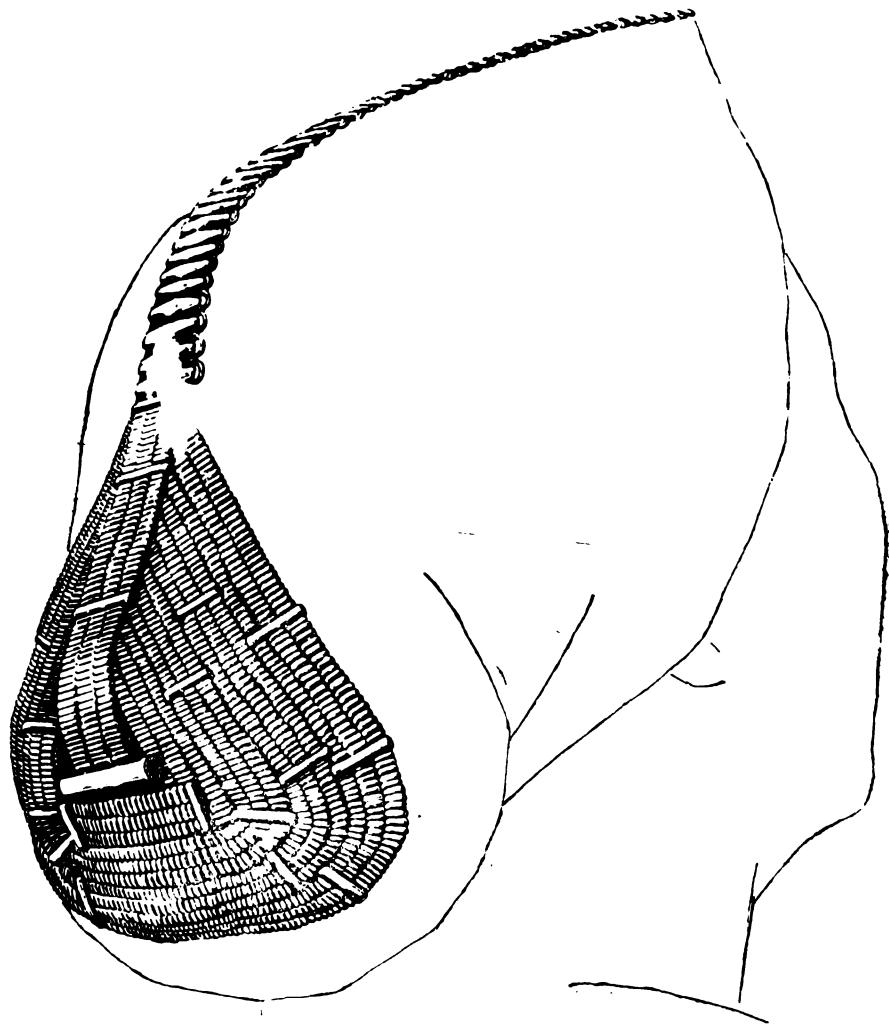

Рис. 32. Реконструкция головного убора из погребения 10 Азелинского могильника.

ный колпачок, а затем уже сверху шимакш. Конец «шимакша» (позатылень) свободно падал на спину» (Крюкова, 1956, стр. 136).

Весьма близкий по форме головной убор был встречен нами в 1955 г. в с. Китяки Малмыжского района Кировской области на местной ярмарке у марийской женщины. Назывался он чурик. По способу ношения чурик аналогичен шимакшу, но богато украшен спереди нашитыми бусами, бисером, пуговочками и несколькими монетками. Та-

Рис. 33. Чурик — головной убор марийской женщины
(с. Китяки, Кировской обл.)

кие же украшения имел ниспадающий на спину «позатылень» (рис. 33).

Наряду с весьма роскошными головными уборами в азелинских погребениях были встречены и более скромные, где украшений гораздо меньше—всего несколько медных накладок и бус (Суворово, №№ 4, 7, 11, 14, 19, 28).

Излюбленным украшением головы азелинских женщин были височные наборы. Они состоят обычно из височных подвесок, бус и колец (Азелино, №№ 8, 11; Суворово, №№ 3, 5, 11, 14, 28, 31). Среди медных височных подвесок выделяется несколько разновидностей. Одни имеют форму знака вопроса с большим кольцом. Изготовлены они из медной проволоки, обвитой тонкой полоской меди (табл. I—1). Другую разновидность составляют подвески сходной формы, но кольцо у них меньше и свисающая вниз часть скручена в спиральку (табл. I—2), иногда с цепочкой на конце (табл. I—3). Следующую группу составляют височные подвески с небольшим кольцом, длинным стержнем, обвитым тонкой медной полоской, нередко двусоставным, и небольшой конической подвеской (табл. I—4—6). Эта форма наиболее оригинальна и характерна только для азелинского наряда.

Кольца, входившие в состав височных наборов, обычно небольшого размера — 2,5—3 см в диаметре. Изготовлены они из меди в виде перекрученного дрота или, что чаще, более толстая основа обвита тонкой медной полоской (табл. I—7—9). Часто встречаются также кольца из круглой гладкой проволоки (табл. I—10). Характерным для азелинских колец из височных наборов являются три—четыре напускные бусины или утолщения, подражающие бусам (табл. I—9—10). Единично встречена височная подвеска (Азелино, № 11) в виде спирали в восемь витков (табл. XXII—2).

Височные наборы состоят обычно из нескольких украшений. Прикреплялись они около висков специальным ремешком и свешивались по обе стороны лица до уровня плеч (рис. 23). В набор входят височные подвески, причем количество их слева и справа бывает различно (Суворово, № 5—справа 4, слева 2 экз.; № 14 — справа—5, слева—3), и нитки или ремешки с разноцветными бусами и кольцами на концах. Количество колец также различно (Суворово, № 11—семь колец, № 5—четыре, по два с каждой стороны). Иногда нитки с бусами прикреплялись к концу височных подвесок или бусы заменялись медными цепочками.

Перстни и браслеты были одним из излюбленных украшений как у мужчин, так и у женщин.

Наибольшее распространение имели перстни из тонкой медной пластинки шириной 1—1,5 см, свернутые в несомкнутый цилиндр. Поверхность их украшалась узором из выпуклых точек, а иногда и небольших полугорошин (табл. II—1—4; XXII—8). Реже встречаются перстни в виде простого кольца (табл. II—5) из проволоки круглого сечения, кольца с двойными и даже тройными S-образными завитками и шариками зерни по краям или плоского кольца с округлым щитком (табл. II—6—11).

Перстни носились на средних и указательных пальцах, иногда по несколько штук. Так, в женском погребении 11 Суворовского могильника на левой руке было три перстня, а на правой два. На обеих руках встречаются перстни как в мужских, так и в женских нарядах (Азелино, №№ 4, 12; Суворово, №№ 1, 5, 10, 11, 19). Довольно часто перстни носились только на пальце правой руки (Азелино, №№ 1, 6, 13, 16, 20; Суворово №№ 6, 28, 29) и реже на левой (Азелино, №№ 3, 10, 11; Суворово, № 30). По всей вероятности, в ношении перстней отражалось определенное семейное положение, однако, определить эти различия на материалах могильников пока не удастся.

Браслеты изготавливались чаще всего из меди и изредка из железа (табл. II—12—19, XXI—12, 13). Наибольшее распространение имели браслеты из дрота круглого или овального сечения, концы которого слегка расплющены и покрыты орнаментом, имитирующим иногда пальцы рук (табл. II—14, 15; XXII—12). Встречаются также браслеты из пластин прямоугольного сечения или перекрученного дрота (табл. II—18, 19, XXII—13). Браслеты, как мужчины, так и женщины, носили чаще всего на запястьях левой руки (Суворово, №№ 19, 24, 30) и обеих рук (Азелино, № 11; Суворово, №№ 3, 14, 26).

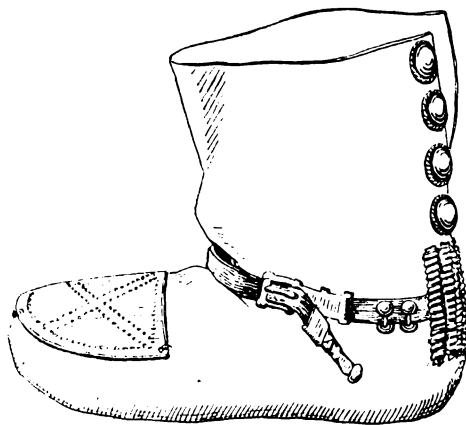

Рис. 34. Реконструкция обувных украшений из погребения 14 Суворовского могильника.

Обувь. В нескольких погребениях Суворовского могильника (№№ 5, 14, 28) сохранились фрагменты довольно тонкой кожи от обуви. В одном случае кожа сохранила еще яркокрасную окраску. Полную форму обуви можно восстановить только по расположению украшений, часто встречающихся на ней (Азелино, № 11; Суворово, №№ 5, 14, 19, 25, 28). Обувь обычно стягивалась от пятки к подъему кожаным ремешком с медной или реже железной пряжкой (табл. IV—5, 6, 12, XXIII—7) и наконечником (табл. V 15, 16). Конец ремешка с медным или железным наконечником в виде пластинки свободно свисал сбоку (рис. 34). Боковые стороны ремешка иногда (Суворово №№ 5, 14, 28) укра-

шались небольшими медными накладочками (табл. V—7; IX—9), а на пятках крепилась кожаная полоска, сплошь обшитая вертикальными рядами мелких медных обоймочек. В погребении 14 на носках были прикреплены тонкие медные пластины. Интересно, что форма пластин хорошо подчеркивает правую и левую ногу по асимметричности изогнутой стороны (рис. 34). Сзади, от пяток до икр (Суворово, №№ 5, 14), находились в ряд 4—5 круглых медных пуговиц-бляшек (табл. X—13).

Судя по всем этим остаткам, женская обувь представляла собой подобие известных по этнографическим описаниям высоких поршней, скроенных из одного куска сыромятной кожи (Белицер, 1958, стр. 252). Верх поршней стягивался от пятки к подъему кожаным ремешком. Сзади высокие голенища поршней застегивались на медные пуговицы — бляшки. На ноги под поршни одевался, вероятно, чулок, может быть, меховой.

Рис. 35. Суворовский могильник. Погребение 5, деталь — обувные украшения.

Мужская обувь принципиально не отличалась от женской, за исключением того, что на ней нет никаких украшений, кроме пряжек и наконечников (табл. IV—7, 8; V—14; IX—12; XXIII—7, 8), скреплявших также ремешок у подъема (Азелино, №№ 1, 12; Суворово, № 29). Но нередко здесь имеется только одна пряжечка (Суворово, №№ 1, 18; Азелино № 5).

В нескольких случаях были обнаружены скрепляющие пряжки у коленных суставов (Азелино, №№ 1, 5; Суворово, №№ 1, 10, 24). По всей вероятности, они стягивали над коленом меховые чулки в том месте, где в них заправлялись штаны. Интересно, что для этого употреблялись не только небольшие застёжки-сюльгамы (табл. VIII—3), но и крупные медные бляхи (табл. IX—10). В женских погребениях только в одном случае (Суворово, № 21) были обнаружены пряжки и концевые шумящие подвески у колен (табл. IV—6; XI—3) и в одном — крупная бляха (Суворово, № 14).

Приведенные описания отдельных видов одежды и украшений дают довольно полное представление о костюме азелинского времени, отличавшемся большим разнообразием. Красочность костюма достигалась путем украшения его всевозможными металлическими, стеклянными и каменными поделками. К сожалению, мы почти не располагаем сведениями о цвете тканей и кожи этих костюмов. Но те небольшие фрагменты, которые сохранились от кожи поясов и обуви, показывают, что азелинцы выбирали весьма яркие цвета. Излюбленным цветом был, вероятно, ярко-красный. Если ко всему этому еще добавить вышивки, употреблявшиеся для украшения одежды, то азелинский костюм будет выглядеть чрезвычайно ярким, с очень своеобразным колоритом красок и приемов украшений. Следует подчеркнуть еще, что до сих пор ни у одной из групп населения Западного Приуралья и Поволжья не были обнаружены остатки костюмов в такой полноте и многообразии.

ОБЩЕСТВО

1.

Памятники азелинской культуры — городища, мопильники и отдельные находки вещей — расположены, в основном, компактной группой по правобережью среднего течения р. Вятки и далее на юго-запад до левого берега р. Волги, занимая восточные районы современной Марийской АССР, северо-западные районы Татарии и юг Кировской области (рис. 3).

Территорию по правобережью нижнего течения р. Камы азелинское население занимало лишь незначительное время, в ранний период своего прихода на запад. Волго-Вятское междуречье было основной и постоянной территорией азелинского населения.

Большое сходство многих элементов материальной культуры у отдельных групп населения свидетельствует о постоянных связях этих групп между собой. Эти связи были обусловлены необходимостью обмена отдельными продуктами и ремесленными изделиями. Но основное, что поддерживало общение, — это родственные связи отдельных групп населения и необходимость защиты общей территории от посягательств на нее соседних племен. Это же вызывало необходимость объединения отдельных групп населения в племена. Представляло ли собой все азелинское население одно племя или несколько, трудно сказать. Скорее всего их было несколько.

В предшествующую эпоху азелинское население состояло из нескольких тесно связанных между собой племен, объединенных в постоянный союз (пьяноборская культура). После разгрома этого союза на Каме, у устья р. Белой, население его бежало на запад (Генинг, 1959). Вполне естественно, что в условиях такой катастрофы старые связи и организации были в значительной степени разрушены. Племена, формировавшиеся на новой территории, включали различные по своему происхождению группы населения. Эта смешанность населения содействовала тому, что в целом объединение азелинских племен продолжало сохраняться, хотя территория его расселения стала намного больше, чем ранее, и отдельные племена проживали в значительном удалении друг от друга.

Азелинское население было еще очень немногочисленным и редким, что вообще характерно для лесной полосы. Достаточно убедительно

телен в этом отношении такой пример: удмуртские племена на р. Чепце ко времени их присоединения к Русскому государству в XV веке насчитывали не более 4—5 тысяч человек.

Каждое племя объединяло обычно несколько родов, в составе которых были люди, связанные кровным родством, происхождением от одних предков. Род составлял основу жизни первобытного общества на длительном протяжении его развития. Основой родового строя была коллективная собственность. Сообща велось хозяйство, будь то охота, рыбная ловля, земледелие или скотоводство. Сообща потреблялись и плоды труда. Здесь нет места угнетению, эксплуатации, нет богатых и бедных, нет классов.

«И какая чудесная организация этот родовой строй при всей ее наивной простоте! — писал Ф. Энгельс в своей знаменитой книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства» — Без солдат, жандармов и полицейских, без дворянства, королей, наместников, префектов или судей, без тюрем, без процессов — все идет своим установленным порядком. Всякие споры и недоразумения разрешаются коллективом тех, кого они касаются, — родом или племенем, или отдельными родами между собой.... Все вопросы решают сами заинтересованные лица и в большинстве случаев вековой обычай уже все урегулировал» (Ф. Энгельс, 1949, стр. 99).

Первобытный коммунизм, коллективная собственность были порождены слабостью людей в борьбе с природой за свое существование. Родовой строй «предполагал крайне неразвитое производство», поэтому с развитием производства, естественно, что «эта организация была обречена на гибель» (Ф. Энгельс, 1949, стр. 100).

Азелинские племена мы застаем на такой ступени развития первобытно-общинного строя, когда родовая организация находилась на пути полного распада. Род еще продолжал существовать в это время. Родовыми были кладбища и, вероятно, укрепленные городища, где укрывались жители в минуты опасности. Члены одного рода совершали совместно жертвоприношения в дни различных праздников, часто помогали друг другу, совершали некоторые общие работы. И еще много других нитей связывало их. Но решающий шаг в разрушении этой организации был сделан. Именно в это время существовавшее ранее общее родовое хозяйство было разделено между отдельными большими патриархальными семьями.

Разделение родового хозяйства у азелинских племен произошло сравнительно безболезненно. Этому содействовали переселение на новые территории и значительные потери, которые были понесены в условиях отступления. Но главное было в другом. Развитие производительных сил достигло такого уровня, когда уже гораздо меньший коллектив, чем род, мог вести самостоятельное хозяйство, и большое хозяйство, включавшее всех членов рода, тормозило дальнейшее развитие производительных сил. Теперь уже одна семья, используя более совершенные орудия труда, могла производить больше необходимых продуктов. Обособление отдельных патриархальных семей хорошо видно по материалам могильников.

В расположении могильных ям на кладбищах соблюдался определенный порядок (см. рис. 46, 55). Выделяются параллельные ряды могил, в которых ямы расположены на расстоянии 1—4 м друг от друга. На Суворовском могильнике северо-западный ряд содержит четыре погребения и одну пустую яму. Почти вплотную к нему примыкает второй, наиболее многочисленный ряд (№№ 27, 23—26—28, 29—30, 12, 14, 4—5). Оба эти ряда несколько обособлены от всех остальных погребений. Третий ряд (погребения 1 и 2) продолжался дальше к северо-востоку, где могилы разрушены дорогой. В четвертом ряду (погребения 9, 10, 6, 11—16, 13, 17) порядок несколько нарушен тем, что погребения 6, 11—16 выдвинуты в стороны. Пятый ряд (№№ 21, 22, 18—19—20) продолжается, вероятно, еще дальше к юго-западу, сюда же могут быть отнесены погребения 25, 31, 24, расположенные, однако, на значительном расстоянии от основной группы.

На Азелинском могильнике большинство погребений находится в одном ряду (см. рис. 46). В этом ряду выделяются шесть погребений (№№ 2—7), к которым с севера примыкают четыре погребения второго ряда (№№ 9—11). И как-то совсем в стороне расположены погребения 19—20.

Если могильники в целом принадлежали одному роду, то в обособлении рядов или групп погребений скорее всего следует видеть обособление могил, содержащих захоронения членов одной патриархальной семьи.

Еще лучше это обособление патриархальной семьи прослеживается на поселениях, где рядом с каждым большим жилищем, в котором обитала такая семья, расположены хлев, амбары, кладовки. И так у каждого жилища. Подобные остатки, правда, не исследованы на азелинских поселениях, еще очень плохо изученных, но они известны нам по одновременным памятникам Верхнего Прикамья (Генинг, 1959, стр. 178 и сл., рис. 10).

На поселениях, таким образом, также достаточно четко выявляется обособление хозяйства одной патриархальной семьи.

2

Большая патриархальная семья, судя по размерам жилищ (5×10 — 12 м), насчитывала до 15—20 человек и состояла из нескольких поколений, потомков одной брачной пары. В брачных отношениях, безусловно, господствовал парный брак, приближавшийся постепенно к моногамии. Сущность парной семьи состоит в том, что она сводит брачные отношения «к своей последней единице, своей двухатомной молекуле — к одному мужчине и одной женщине» (Ф. Энгельс, 1949, стр. 53). Прочность уз брака все возрастает и расторжение брака по обычаям становится все затруднительнее. Но парная семья сама по себе слишком слаба и слишком неустойчива, чтобы вызвать потребность в собственном домашнем хозяйстве. На всем протяжении развития парной семьи продолжает еще господствовать коллективное домашнее хозяйство и материнское право, когда происхожде-

ние считалось по женской линии. Женщины участвовали почти во всех основных отраслях хозяйства наравне с мужчинами. Будучи хозяйкой домашнего очага и матерью, женщина заслуживала и занимала почетное положение в обществе, что в наших материалах наглядно видно по многочисленным роскошным женским нарядам, остатки которых сохранились в погребениях. Может даже создаться впечатление, что женские погребения вообще гораздо богаче мужских. Но здесь следует иметь в виду, что орудий труда в женских могилах очень мало, в основной массе они обнаруживаются в могилах мужчин. Относительная же бедность мужских погребений объясняется тем, что они вообще не содержали столь многочисленных украшений, как женские.

Для того, чтобы парная семья развилась в моногамную, должны были начать действовать новые силы: не просто ограничение брачных отношений, а силы общественные. Такими общественными силами явилось накопление богатств в руках отдельных семей.

Уже в период, предшествующий азелинской эпохе, в составе рода начала оформляться патриархальная семья, которая поставила во главе общественной организации мужчину. «Ниспровержение материнского права, — пишет Ф. Энгельс, — было всемирно-историческим поражением женского пола. Муж захватил и в доме бразды правления, а женщина утратила свое почетное положение» (1949, стр. 57). Это изменение общественного положения женщин связано с изменениями хозяйства у местных племен. В период, когда в хозяйстве основными отраслями являлись охота и рыбная ловля, господствовало материнское право. С развитием скотоводства и земледелия на первый план выдвигается мужчина. Но своеобразие местных условий, при которых скотоводство не могло получить столь широкого развития, как на юге, где оно «требовало не только надзора и самого примитивного ухода, чтобы размножаться все в большем и большем количестве и доставлять обильнейшую молочную и мясную пищу» (Ф. Энгельс, 1949, стр. 54), вызвало и своеобразие в сложении местных общественных отношений. Прежде всего, это выразилось в сохранении женщиной относительно высокого почетного положения, поскольку она участвовала в производстве во всех отраслях хозяйства.

Пережитки материанского права довольно хорошо прослеживаются по материалам могильников, в частности, о них свидетельствует наличие своеобразных семейных склепов, содержащих обычно два—три погребения (рис. 46, 55). Подробно они будут описаны в следующей главе, поскольку связаны с особым погребальным культом.

В Суворовском могильнике при основном женском погребении 28 было два детских захоронения, 23 и 26. Довольно часто встречается одно детское захоронение при женском (Суворово, №№ 7—8, 5—4; Азелино, №№ 6—6а). В то же время при мужских захоронениях дети встречаются крайне редко (Азелино, №№ 19—20). Эти факты говорят о сохранении счета родства в большинстве случаев по материнской линии. У удмуртов еще в XIX веке был распространен обычай, когда мать передавала дочери свое родовое имя, а часто и хозяйство оставалось

за этой дочерью, и в дом переселялся муж, в то время как сын наследовал имя отца (Худяков, 1936).

Если ряды могил или группы их, безусловно, можно отнести к одной патриархальной семье, то отдельные склепы говорят о формировании и укреплении внутри этой большой семьи — малой моногамной. Довольно интересны в этом отношении такие склепы на Суворовском могильнике, как погребения 18—19—20, где захоронены взрослая женщина и двое мужчин; погребения 24—25—31, где находятся мужчина, женщина и ребенок; на Азелинском могильнике — погребения 13—14—15, где похоронено трое детей разного возраста, по всей вероятности, братья и сестра, а также погребения 16—17—18. Все это свидетельствует о том, что малая семья начинает укрепляться внутри патриархальной. Она еще не самостоятельна в экономическом отношении, но уже в какой-то мере обособляется.

Патриархальный характер большой семьи и вообще преобладающее положение мужской половины общества особенно ярко проявляется в сопровождающем могильном инвентаре.

При захоронении мужчин в могилы часто помещали различное оружие и орудия труда: железные мечи (Азелино, № 5; Суворово, №№ 1, 17, 30), наконечники копий (Азелино, №№ 1, 5; Суворово, №№ 1, 10, 29, 30), наконечники стрел (Азелино, №№ 1, 2, 12, 20; Суворово, №№ 1, 2, 10, 17, 18, 20, 27, 29, 30), топоры (Азелино, №№ 5, 12, 13; Суворово, №№ 1, 2, 10, 15, 17, 23, 24, 29, 30), железные кольчуги и боевые шлемы (Азелино, № 1; Суворово, №№ 20, 27, 30), кузнечный инструмент (Азелино, № 1) и различные другие более мелкие вещи.

При женских захоронениях подобные вещи вообще не встречаются, а некоторые другие орудия — ножи, шилья (Азелино, №№ 10, 11; Суворово, №№ 19, 21) и наконечники стрел (Азелино, №№ 3, 6; Суворово, №№ 19, 28) — составляют скорее исключение из общего правила.

Все эти обычаи в погребальном обряде, конечно, довольно символичны, но они отражают действительно существовавшие в то время общественные отношения, которые сводятся к тому, что главной фигурой в общественном производстве становится мужчина. И его при захоронении сопровождают те предметы, которые характерны как для производства, так и общественной организации данного периода.

3

В азелинское время внутри большой патриархальной семьи проявляется тенденция к специализации отдельных членов ее, занятии их каким-нибудь одним узким промыслом. Интересен в этом отношении Азелинский могильник. На нем было захоронено всего 22—23 человека и среди них выделяются кузнец (№ 1), воин (№ 5) и охотник (№ 20). Остальные мужчины, захороненные здесь, кроме двух воинов, являлись рядовыми членами семейного хозяйства и ничем примечательным при погребении не отмечены.

Остановимся несколько подробнее на вопросах разделения труда

и специализации внутри коллектива в азелинское время. Прежде всего, заслуживает внимания вопрос о выделении мастеров-кузнецов и литейщиков.

В Азелинском могильнике вскрыто погребение кузнеца, в могилу которого был положен инструмент: кузнечные клещи, молоток, нож-резчики, напильник и прочий мелкий инструмент (рис. 12 и 13; табл. XXIV). Характерно и важно то, что вместе с инструментом, который встречается и в погребениях более раннего времени, в могилу положена готовая продукция: железная кольчуга весом около 8 кг, железный наральник, наконечник копья, наконечники стрел, уздечка и др. предметы. В период существования родового хозяйства при захоронении умершего члена рода в могилу обычно помещали орудия труда, которыми он пользовался при жизни. Так было и с кузнецом. Но мы совершенно не знаем, чтобы в могилу клалась и готовая продукция мастера. Трудясь в составе родового коллектива, тот или иной мастер, естественно, владел личными орудиями, но продукция его труда являлась достоянием всего рода и не могла быть отчуждаема от рода и положена в могилу этого мастера. В азелинском погребении картина совершенно иная. Собственностью кузнеца являются не только орудия труда, но и продукция его труда, которая не отчуждается и при погребении. Кстати интересно, что наральник в этом погребении имеет обломанный конец (табл. XXIV — 5). Вероятно, он был приобретен кузнецом для переделки. Именно приобретен, ибо, если бы он был взят для переделки, то его владелец едва ли согласился бы расстаться с ним.

В азелинское время обособление кузнеца от родовой общины выступает вполне определенно. Этому способствовало дальнейшее освоение техники добычи железа, когда оно становится действительно массовым сырьем для производства не только орудий труда и оружия, но и многих бытовых вещей. Показателем широкого внедрения железа может служить факт возрождения обычая сопровождать погребения массой оружия и орудий труда, преимущественно железных. В предыдущую пьяноборскую эпоху, когда добыча железа была еще очень трудоемким процессом, в погребения обычно не клали орудий труда и лишь изредка клали оружие. В Азелинском и Суворовском могильниках всего в 51 погребении собрано огромное количество железных вещей: 12 топоров, три кольчуги, четыре меча, три боевых шлема, шесть наконечников копий и масса других более мелких вещей, причем многие погребения в этих могильниках были уже ограблены.

Большое количество железных вещей в погребениях также свидетельствуют о широком развитии кузнечного производства. А разнообразие этих вещей говорит о большом мастерстве и специализации кузнеца.

Металлургия меди и бронзы находилась в несколько ином положении. Расцвет этой отрасли в Прикамье отосится к ананьинской эпохе (VII—III вв. до н. э.), когда из бронзы изготовляли массу оружия, орудий труда и украшений. В техническом отношении и металлургия бронзы в рассматриваемую эпоху, конечно, не приходит в упадок, здесь так же наблюдается дальнейший расцвет, освоение многих новых тех-

нических приемов. Но бронза и медь были вытеснены как сырье для изготовления орудий труда и оружия. Отделка рукоятей мечей и ножен бронзовыми украшениями имела уже второстепенное значение. Бронза используется почти исключительно для изготовления украшений. И это не только в азелинской культуре, но и во всех других культурах Прикамья, где женские костюмы всегда обильно украшались бронзовыми изделиями. Металлургия бронзы отходит на второй план по сравнению с железом.

Большой интерес представляет решение вопроса, в чьих руках при таком положении находилось производство медных украшений. В описанном выше погребении кузнеца из Азелинского могильника нет никаких следов производства медных украшений. Существует мнение, что кузнец обязательно являлся и литейщиком. Некоторые наблюдения над материалами азелинских и других памятников позволяют поставить под сомнение такое утверждение. Не является ли такое соединение, кузнеца и литейщика в одном лице, результатом гораздо более позднего развития ремесла, когда кузнец превращается уже в настоящего ремесленника, объединяя эти две специальности.

В Суворовском могильнике было вскрыто интересное погребение 5 (рис. 17), содержавшее захоронение женщины в роскошном костюме. Но сейчас нас интересует так называемый жертвенный комплекс, находившийся у изголовья, в составе которого были найдены железные ювелирный молоточек и наковаленка, каменная литейная формочка для отливки мелких украшений (табл. XVII — 6, 7, 9), несколько кусков медной проволоки, два браслета, гривна, множество различных бляшек и накладок, причем не от какой-либо одной вещи, а заготовки накладок для ремня, планок для нагрудника и т. д. Здесь же находились четыре слитка (заготовки) меди и белого сплава и несколько других вещей. Все это было сложено в две берестяные коробочки. Перечисленные вещи составляют полный набор мастера-литейщика по производству украшений, но все это в женском погребении. Возникает вопрос, не переходит ли металлургия меди, по крайней мере производство украшений, в руки женщины? Конечно, приведенных фактов еще недостаточно для полного решения вопроса, но они позволяют обратить внимание на эту сторону разделения труда. Данное явление может быть не всеобщим. Известно, что в финно-угорском, а особенно в пермском и волжско-финском женских костюмах, исключительное место занимали всевозможные, преимущественно бронзовые украшения, что, может быть, и вызвало переход производства украшений в руки женщины.

Далее, обращает на себя внимание довольно большая стандартность изделий из металла, частое повторение совершенно одинаковых форм и массовость их распространения. Если бы они производились каждым членом общины для себя, то в них, безусловно, было бы гораздо больше индивидуальности в оформлении. О массовости производства украшений можно судить по такой вещи, как медные обоймочки. Широкое применение их в украшениях характерно только для азелинского населения. Употреблялись они для изготовления самых раз-

нообразных украшений. Исключительно мелкая вещь, размером всего 3×1 мм, обоймочка служила для заполнения поверхности довольно крупных предметов, как, например, женских шапочек, накосников и других вещей, где их требовалось сотни и тысячи штук. То же самое видно по поясным наборам и ряду других вещей.

Таким образом, в азелинское время мы можем наблюдать, как из общины выделяются мастера — кузнецы и литейщики — и превращаются постепенно в ремесленников, обслуживающих не только свою общину, но и работающих на сбыт своей продукции другим общинам.

Азелинское общество мы застаем в тот период, когда «произошло **второе крупное разделение труда**: ремесло отделилось от земледелия» (Ф. Энгельс). И обусловлено это было не только крупными сдвигами в технике, но и намного возросшей потребностью общества в массовых изделиях из металла. Все остальные ремесла — изготовление тканей, посуды, выделка шкур, обработка кости — остаются еще домашними производствами, которыми занимались, по мере потребности, в каждой семье.

Интересен факт открытия погребения охотника на Азелинском могильнике (№ 20). В его могиле находились лишь пояс с кинжалом и 27

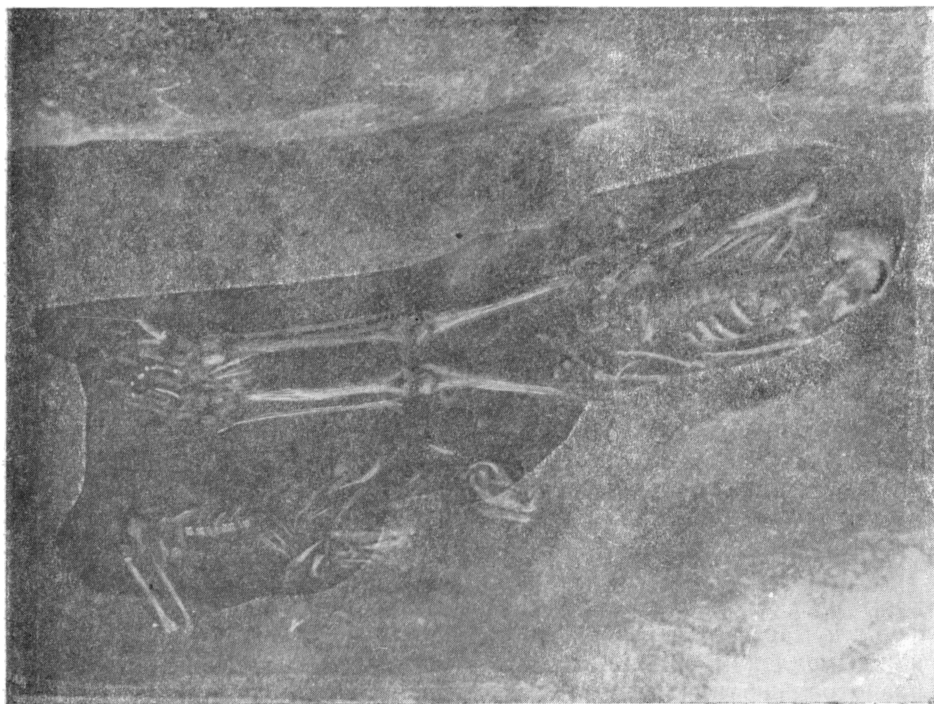

Рис. 36. Азелинский могильник. Погребение 20 с собакой.

костяных и железных наконечников стрел, а рядом с гробом в могилу была положена собака (рис. 36).

Специализация отдельных членов общины на охоте, причем не с целью добычи мяса, а ценной пушнины, связано с тем, что пушнина являлась основным продуктом обмена азелинского населения с отдаленными южными странами, откуда привозились различные ценности.

«Мягкая рухлядь» уже в глубокой древности пользовалась большим спросом в передовых государствах юга и ценилась там очень высоко. Основным поставщиком ее были северные лесные области, в том числе и Вятский край, в лесах которого в то время в изобилии водились соболь, куница, выдра, белка и другие промысловые звери. В обмен на «пушистое золото» южные купцы доставляли всевозможные украшения и даже оружие. Привозными вещами можно считать многочисленные стеклянные бусы, халцедоновые диски и некоторые другие вещи.

4

Бурные события эпохи великого переселения народов, связанные с частыми и крупными столкновениями больших групп населения, привели в III—V вв. к значительному развитию военной организации древнего населения. Азелинским племенам, как уже неоднократно упоминалось, пришлось пережить также ряд потрясений, и население постоянно должно было быть в боевой готовности, чтобы отразить нападение. Надо полагать, что и сами азелинцы не отставали от общего веяния эпохи и при благоприятных обстоятельствах совершали не менее разорительные набеги на своих соседей. Значение военной организации населения в этот период наглядно видно по составу инвентаря погребений, где в массе встречаются предметы вооружения. В Суворовском и Азелинском могильниках из 51 исследованного погребения происходят 3 боевых шлема, 3 железных кольчуги, 5 мечей, 6 наконечников копий, 12 топоров (которые при необходимости служили прекрасным оружием), несколько кинжалов и много боевых наконечников стрел. Но и этим не исчерпывается количество их. Многие погребения были ограблены и вещи, в том числе оружие, из них унесены.

Одним из наиболее почетных видов оружия были железные мечи. В эпоху III—V вв. они имели повсюду довольно стандартную форму (табл. XIX, 10—11). Это длинный, до 80—90 см, прямой обоюдоострый клинок шириной около 5 см, сужающийся лишь у самого конца. Брусковидный черешок вставлялся в деревянную рукоять длиной до 30—40 см. Рукоять имела иногда медную оковку в нижней части и железный набалдашник (Суворово, №№ 1, 20, 30). Мечи носили в деревянных ножнах, которые, как и рукоять, покрывались ярко-красной краской. Ножны в верхней части украшались обычно крупной стеклянной или халцедоновой бусиной (табл. XXIII—2), или халцедоновым диском. Меч носили на левом боку, подвешанным к специальному поясу. Судя по крупным размерам клинка и особенно по длинным рукояткам, азелинские мечи относились к типу так называемых двуручных.

Двуручные мечи являются рубящим оружием, сражались с ними в пешем строю.

Наконечники копий все сделаны из железа (Азелино, №№ 1, 5; Суворово, №№ 1, 10, 29, 30). По форме это наконечники с длинной тулеей и иволистным пером. Длина их: у двух — 21 см, у трех — 30 и у одного — 35 см. Отношение длины пера и тулеи или 1:1, или 1:2. Тулея имеет входное отверстие диаметром 3 см и обычно на нее насажены два обжимных кольца (табл. XIX — 1—3).

Железные топоры, которые имели не только военное, но и хозяйственное значение, описаны уже в главе о хозяйстве.

Железные кинжалы были той же формы, что и обычные ножи, но более крупного размера, длиной до 30 см (Суворово, № 29; типа табл. XIX — 7). Употреблялись кинжалы довольно редко.

Из защитного оружия известны боевые шлемы и кольчуги. Шлем из погребения 27 Суворовского могильника имеет оригинальную конструкцию (табл. XX — 1). Он собран из 32 железных пластин шириной немногим более 1 см. Основу шлема, имеющего высоту 16 см и диаметр у основания 21 см, составляет обод и две перекрещивающиеся полосы. Все остальные полосы имеют раздваивающиеся концы. Каждый из четырех секторов, образованных перекрещивающимися полосами, заполнялся вначале в середине одной длинной полоской, затем по обе стороны от нее — двумя полосками покороче и, в последнюю очередь, между всеми просветами одного сектора вставлялись еще четыре самых коротких полоски. Раздваивающийся конец полоски вместе с соседним накладывался на полосу и приклепывался к ней. Все заклепки на шлеме медные. Сверху этот шлем выглядел довольно оригинально — в виде многолучевой розетки (рис. 37). На одной половине обода находилось четыре отверстия, куда прикреплялись особые длинные двух- и трехзвеньевые прутки, удерживавшие пластинки-бармицы, защищавшие лицо и шею. Внутри шлема сохранились куски шерстяной ткани и кожи, обеспечивавшие мягкую посадку его на голове.

Шлем из погребения 30 Суворовского могильника имел близкие к предыдущему размеры, но другую конструкцию (табл. XX — 2). Верхняя часть его выкована из целой железной пластины, украшенной крест-накрест медными заклепками. Изнутри к этой части, внизу, приклепан медный обод, по нижнему краю которого наложена железная полоска, переходящая спереди в наносник. Сзади к шлему на двух петельках подвешена серебряная пластина, которая крепила шлем к одежде или еще к какому-либо защитному прикрытию на спине, чтобы он не был сбит ударом. Одновременно эта пластина прикрывала сзади шею (рис. 37 — 1). Сбоку к шлему, также на двух петельках, подвешивались защитные пластины-бармицы.

В разграбленном погребении 20, того же могильника, находились обломки железного шлема, у которого в местах швов можно было различить остатки серебряных листков, покрывавших его снаружи, может быть, не сплошь, а в виде отдельных узоров. Может быть, так же, как на шлеме, найденном в Тураевском могильнике на р. Каме (Генинг, 1962 б, рис. 31 — 16).

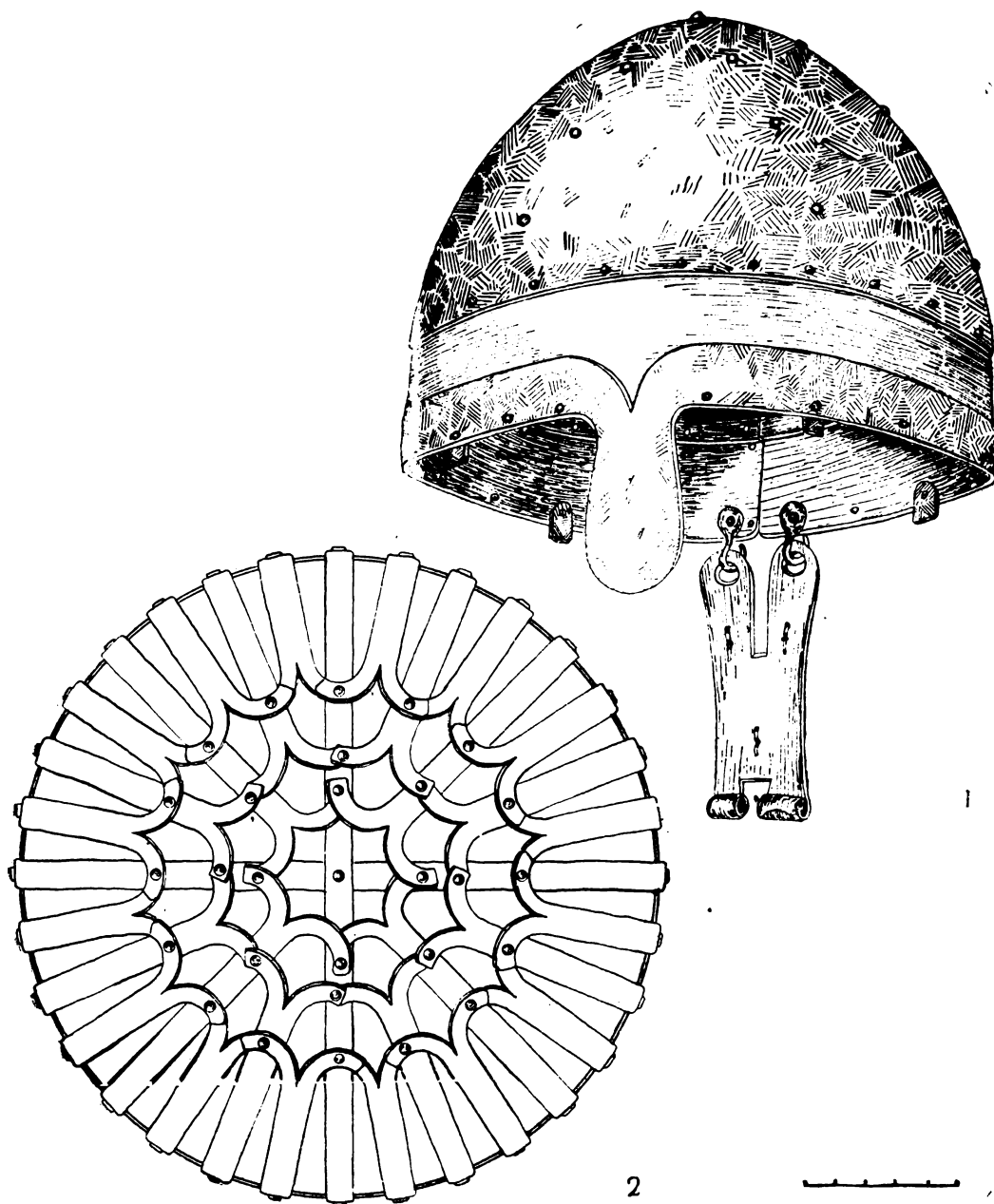
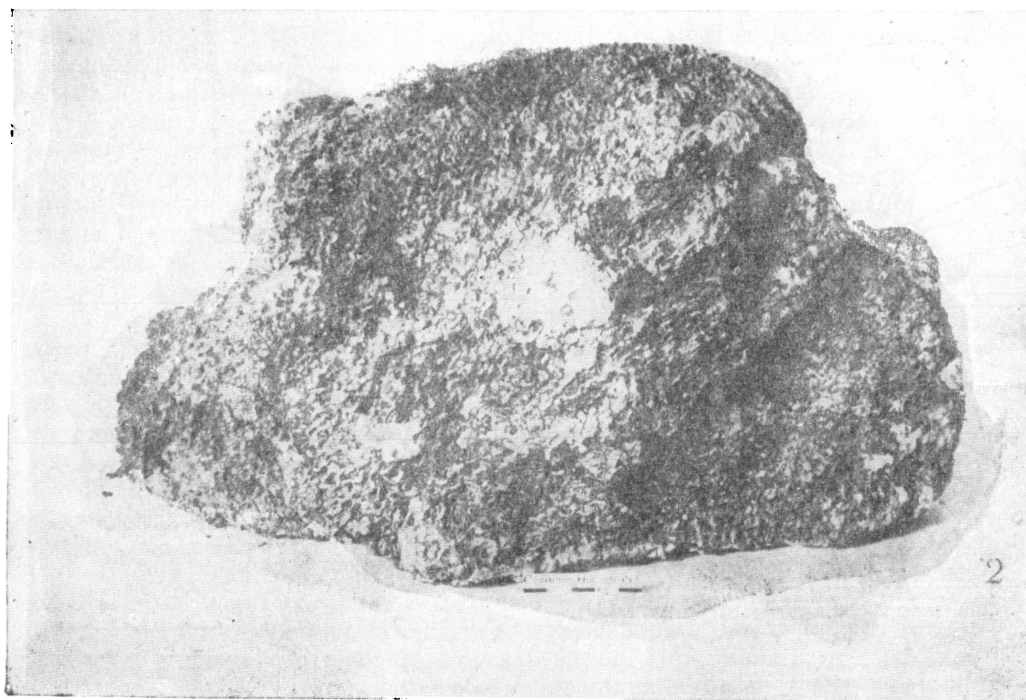
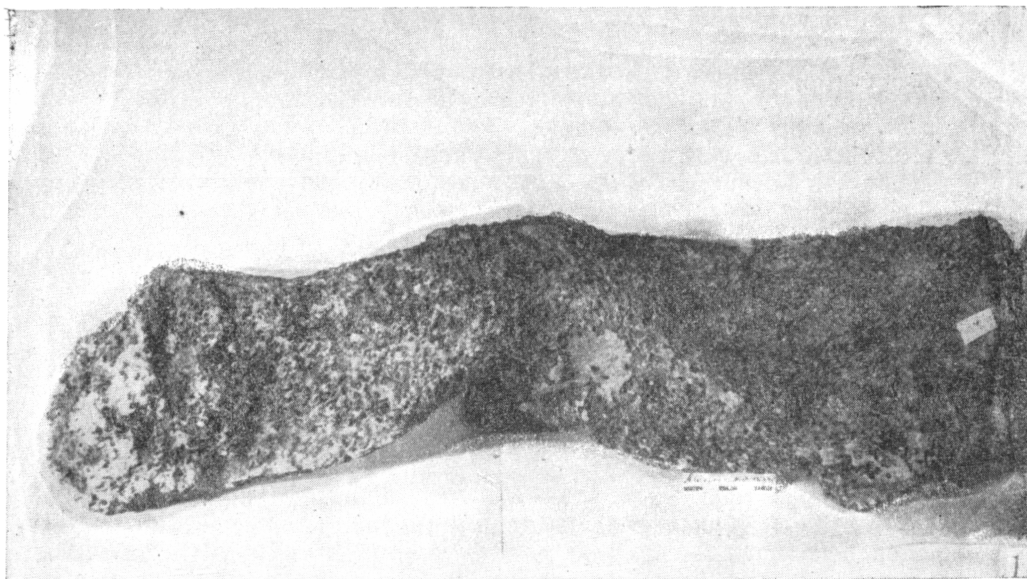

Рис. 37. Боевые шлемы. Суворовский могильник. 1 — погребение 30; 2 — погребение 27 (вид сверху).

72 Рис. 38. Железные кольчуги. 1 — Азелинский могильник, погребение. 1; 2 — Су-
воровский могильник, погребение 27.

Железные кольчуги сохранились чрезвычайно плохо. Сложенные в кучу около умершего, они сильно заржавели и превратились в куски спекшегося железа (рис. 38). Однако в этой массе довольно хорошо видны колечки диаметром около 15 мм. Вес одной кольчуги — 13 кг (Суворово, № 27), другой — 8 кг (Азелино, № 1), третий экземпляр (Суворово, № 20) найден в обрывках. Судя по значительному весу, кольчуги имели форму полной боевой рубашки, покрывавшей всю верхнюю часть тела воина. Железные кольчуги из азелинских могильников являются одними из наиболее ранних находок подобного рода защитного доспеха на территории нашего Союза.

Наиболее массовым видом оружия были лук и стрелы, остатки последних найдены во многих погребениях. Это оружие имело не только военное, но и хозяйственное назначение и уже описано выше в главе о хозяйстве.

В азелинское время воины использовали лошадь для верховой езды, хотя в сражении выступали пешими.

В могилах воинов часто встречаются остатки уздечек (Азелино, №№ 1, 5, 12; Суворово, №№ 1, 10, 29, 30). Сохранность уздечек хорошая, в некоторых случаях были найдены совершенно целые экземпляры. Железные удила уздечек все с двусоставным мундштуком, с кольцами различного размера, крупные диаметром около 6—7 см и малые диаметром до 3 см (табл. XIX — 8—9). У некоторых удили малые кольца сделаны из меди, а большие из крученого прута железа. На

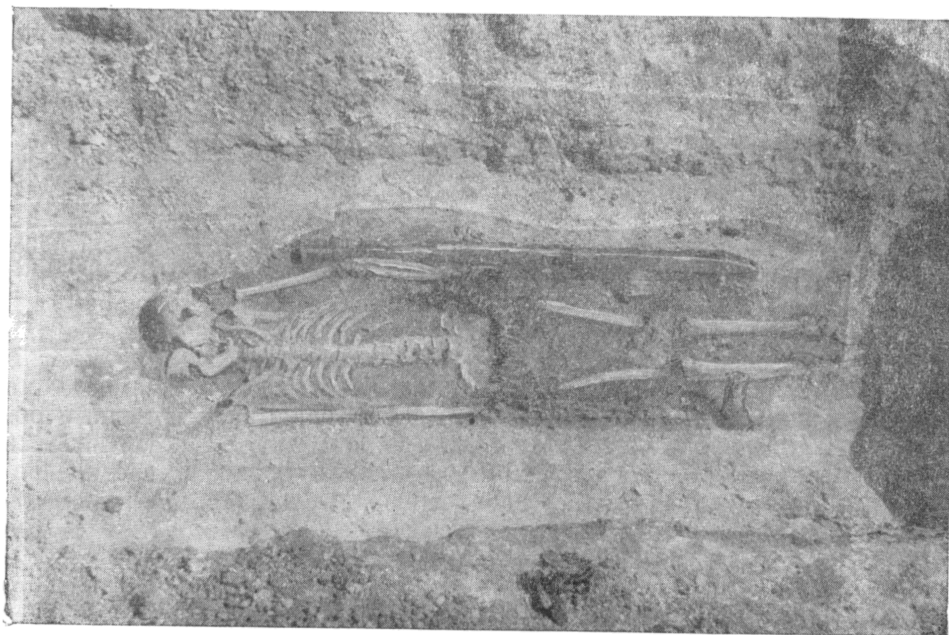

Рис. 39. Суворовский могильник. Погребение 1.

кольцах почти всех удил одеты медные и, реже, железные трензеля (табл. XVIII — 8, 10, 13). На одном кольце удил чаще один, а на другом — два трензеля. В них закреплялся кожаный ремешок уздечки и повод, тогда их всего четыре, или ремень для привязывания лошади, тогда их три. К концу повода и ремня прикреплялась медная пластинка с петлей (табл. XVIII — 9). Для уздечки брался толстый

Рис. 40. Суворовский могильник. Погребение 27.

кожаный ремешок шириной около 1 см. Основной ремень, одевавшийся за уши лошади, спереди перехватывался двумя ремешками — на лбу и ниже. В местах соединения ремней накладывались медные обжимные пластинки (табл. XVIII — 6, 12), а ремни густо украшались полугорошинными бляшками (табл. 1 — 19). Спереди, в середине поперечных ремешков, крепились небольшие подвески (табл. XVIII — 7, 11) по одной или по две штуки на ремешок. Уздечка затягивалась на голове лошади при помощи ремешка с железной или медной пряжкой (табл. XXIII — 9, 11). Как видно из описания, уздечка азелинского времени ничем не отличалась от современных (рис. 7).

Остатки седел нигде в могилах не найдены. Но в одном из погребений находилась крупная костяная пряжка (табл. XXIII — 14), которую обычно считают пряжкой подпружного ремня. Может быть, в

азелинское время употреблялись мягкие седла без металлических частей, в частности, без стремян, которые заменялись кожаной петлей.

В военной организации азелинского общества намечается уже значительная дифференциация в положении его членов. Массовые находки оружия в могилах позволяют подразделить погребенных мужчин на ряд категорий по рангу, занимаемому в военной организации.

Конечно, большинство вещей, помещаемых в могилу вместе с умершим, имело символическое значение. Но в данном случае, когда мы стремимся определить положение того или иного члена общества по отношению к военной организации, это может быть лучшим показателем. Именно эта символичность и подчеркивала положение, занимаемое при жизни умершим.

К категории погребений высших руководителей, военачальников, относятся могилы, содержащие фактически все или почти все виды оружия (Азелино, № 5; Суворово, №№ 1, 20, 27, 30). Когда умирал такой человек, в могилу ему клали оружие: меч, копье, топор, стрелы (обычно 21 шт.), кинжал или нож, (рис. 39), а также защитные доспехи — кольчугу, боевой шлем (рис. 40, 41) и роскошно убранную уздечку

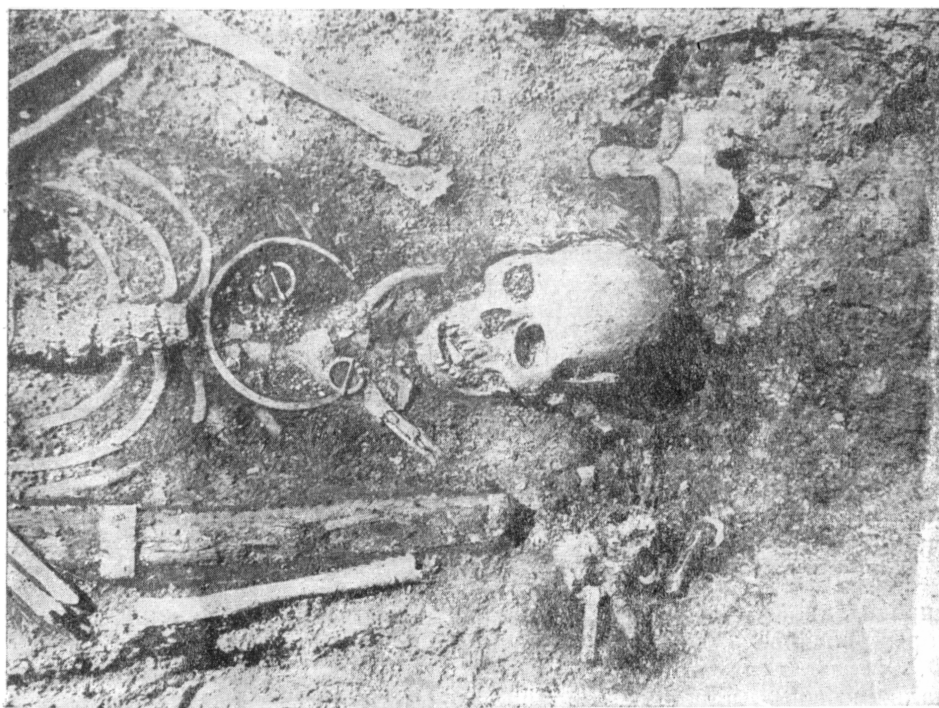

Рис. 41. Суворовский могильник. Погребение 30.

ку. Кроме того, костюм его всегда имел богатый поясной набор, обувь с застежками у щиколотки и колен.

Следующую группу составляли младшие военачальники и выдаю-

Рис. 42. Азелинский могильник. Погребение 12.

щиеся воины (Суворово, №№ 10, 17, 29). При захоронении им в могилу клали копье или меч, топор, стрелы (обычно 7 шт.), кинжал или нож, иногда уздечку. Поясной набор этих воинов гораздо беднее. Металлические застежки на обуви редки (рис. 42).

Последнюю группу составляли мужчины, которые занимались, вероятно, военным делом лишь при крайней необходимости — при защите своих поселков. При их захоронении в могилу клали лишь топор, изредка несколько стрел (иногда тоже 7 шт.) и несколько других незначительных вещей из одежды (Азелино, №№ 2, 12, 13; Суворово, №№ 2, 15, 24).

Как видно, в среде азелинского общества происходит выделение определенной, причем довольно значительной, группы мужчин, для которых военное ремесло становится почти постоянным занятием. Ф. Энгельс характеризует такую эпоху следующими словами: «Военачальник, совет, народное собрание образуют органы развивающейся из родового строя военной демократии. Военной потому, что война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни. Богатство соседей возбуждает жадность народов, у ко-

торых приобретение богатства оказывается уже одной из важнейших жизненных целей. Они варвары: грабеж им кажется более легким и даже более почетным, чем созидательный труд». (1949, стр. 160—161).

5

В заключение рассмотрим еще одну сторону развития азелинского общества — имущественное положение членов одного коллектива, одной патриархальной семьи.

Среди мужского населения, как было показано в предыдущих разделах, выделяются ремесленники — кузнецы, затем группа воинов, разделяющихся на три категории. Эти же три категории отражают и определенное имущественное положение внутри коллектива, ибо, чтобы стать военачальником, необходимо не только иметь выдающиеся военные способности, но также и богатство, на которое можно приобрести различное вооружение. Однако это еще не полный перечень различий в имущественном положении, которые существовали в обществе. На могильниках имеется значительное количество захоронений, где нет ни оружия, ни орудий труда и лишь единичны вещи из принадлежности костюма, а чаще даже и они отсутствуют (Азелино, №№ 7, 9; Суворово, №№ 13, 22).

Точно такие же различия видны в женских захоронениях. Правда, здесь нет оружия и лишь единичны орудия труда. Большинство вещей из женских погребений составляют украшения и принадлежности костюма. Костюм же и украшения, а отсюда наличие или отсутствие тех или иных вещей, определялись возрастом и семейным положением женщины, однако, уловить эти различия в материалах удастся далеко еще не полностью.

Но если суммировать материалы женских погребений, то все равно можно увидеть резкие различия в вещах, которые, безусловно, происходили не только за счет семейно-возрастных различий, но и имущественного положения.

К числу погребений особенно богатых членов общины относятся те погребения, которые имеют полный набор всех известных видов украшений и принадлежностей костюма в наиболее роскошном оформлении. Сюда мы причисляем погребения женщин 5 и 28 Суворовского могильника, 10, 11 Азелинского могильника, а также погребения молодой женщины и девушки, 11 и 14, из Суворовского могильника. В наряде их находятся височные наборы, накосники, шейные гривны, браслеты и перстни, нагрудники, верхние нагрудные бляхи, роскошные поясные наборы, передники и обувь с металлическими застежками. Девушки и молодые женщины до рождения ребенка еще не носят шапочку-такью, которую одевают лишь женщины, имеющие детей. Кроме того, накосник у них чаще обшит стеклянными бусами, а не медными обоймочками.

Вторую группу составляют женщины с менее нарядным костюмом, включающим лишь отдельные украшения (Азелино, № 3; Суворово, №№ 3, 7, 12, 18, 19).

В последнюю группу могут быть объединены погребения женщин с единичными вещами или без вещей вообще (Азелино, № 4, Суворово, №№ 16, 25). Таким образом, и среди женских погребений, как и среди мужских, имущественные различия довольно значительны.

Все это свидетельствует об имущественных различиях внутри одного рода в целом. Рассмотрим теперь, каковы различия в имущественном положении отдельных членов патриархальных семей.

На Суворовском могильнике по расположению могил выделяются пять патриархальных семей. Если просмотреть расположение могил в зависимости от их имущественного положения (богатые, средние, бедные и беднейшие), сразу бросается в глаза исключительное богатство могил II ряда. Здесь из десяти погребений четыре относятся к категории богатых, а остальные — средних. Нет ни бедных, ни беднейших. Соседний I ряд составляют погребения средние. В остальных рядах находим все категории с преобладанием, однако, бедных.

Интересно, что из пяти рядов в трех имеются погребения старших военачальников (№№ 27, 29, 1, 20). Возможно, что они являлись главами больших патриархальных семей и это положение их в общине отмечено при захоронении. Но и здесь среди старших военачальников наиболее богатые те, которые находятся во II ряду.

Таким образом, имущественное положение отдельных семей внутри рода в азелинском обществе было далеко не одинаковым. Одни семьи сумели сосредоточить в своих руках больше богатства, другие меньше. Но и внутри патриархальной семьи намечаются уже различия по имущественному положению ее членов. Так, в одном ряду с богатейшим погребением 1, военачальника, находится очень бедное по инвентарю погребение 2. В IV ряду, рядом и даже в одном склепе с богатым женским захоронением 11, находится совсем бедное женское погребение 16. В этом же ряду расположено мужское погребение 13 без вещей и мужское погребение 17 с мечом. Все эти контрасты дают наглядное представление об имущественном достатке отдельных членов патриархальной семьи.

Так, в азелинскую эпоху после распада рода, как единого хозяйственного коллектива, происходит быстрый процесс имущественной дифференциации отдельных его членов — одни патриархальные семьи накапливают в своих руках большие богатства, другие, наоборот, беднеют. Но и внутри патриархальной семьи происходит процесс имущественного расслоения. Главы семей и их ближайшее окружение сосредоточивают в своих руках основные ценности, накопленные трудом всей семьи. Так родовая верхушка постепенно возвышается над остальными членами рода, что, естественно, вызвало обострение отношений и борьбу между отдельными членами рода и, в конечном счете, гибель всего родового строя. «Но этого никогда не могло бы случиться, — пишет Ф. Энгельс, — если бы алчное стремление к богатству не раскололо членов рода на богатых и бедных, если бы «имущественные различия внутри одного и того же рода не превратили общность интересов в антагонизм между членами рода» (Маркс)» (Ф. Энгельс, 1949, стр. 170).

КУЛЬТ ПРЕДКОВ

1.

Древние обитатели Вятского края в азелинскую эпоху достигли уже значительного прогресса в развитии материальной культуры. В предыдущих главах мы подробно останавливались на этих вопросах и видели, что определенные успехи были достигнуты в основных отраслях хозяйства — разведении домашних животных и земледелии, а также в металлургии. Азелинцы прекрасно умели обрабатывать железо и медь и изготавливать из них весьма искусные вещи. Этот процесс в развитии производительных сил был достигнут в результате применения в практической жизни определенного комплекса знаний, накопленного многими поколениями. Но в общем все это было еще примитивно и представления первобытного человека о мире, о природе и многих других явлениях были весьма ограничены. Сталкиваясь со многими явлениями природы, люди не могли их правильно понять и объяснить причины их возникновения. Эти явления не могли быть проверены людьми в своей практической деятельности. Здесь начиналась область незнания. А заполнить эти пробелы незнания было необходимо, поскольку многие явления имели существенное значение в жизни людей. Стремясь заполнить их, люди создавали себе целый ряд совершенно неверных, зачастую самых фантастических представлений, составивших область веры. Так еще в глубокой древности появилась религия, которая отражала, по словам В. И. Ленина, «бессилие дикаря в борьбе с природой» (Соч. т. 10, стр. 65).

Религиозные представления не оставались неизменными, и азелинское общество, естественно, мы застаем не на начальном этапе зарождения их, а уже с довольно сложными и, по всей вероятности, довольно развитыми религиозными представлениями.

У нас пока слишком ограниченные материалы, чтобы попытаться нарисовать полную картину религиозных представлений азелинского населения. Здесь мы остановимся лишь на вопросах, связанных с погребальным обрядом, который отражал определенный культ предков.

Еще в самом начале зарождения религии люди впали в основное заблуждение и ошибку в представлении о самих себе и окружающей их природе. Они не отделяли себя от природы, а отождествляли себя

с нею. Отсюда люди считали возможным вызывать те или иные явления природы, а также приписывать явлениям природы и предметам, которые мы обычно называем неодушевленными, способности и возможности, присущие только человеку. Подобное представление людей получило название анимизма (от латинского слова «anima» — душа). Сущность этого представления первоначально состояла в том, что человек не отделял себя от природы и наделял ее определенным разумом, какой он имел сам. Но никакого представления об особой душе первоначально у людей не было.

Из примитивных анимистических представлений родились самые различные верования и культы, часть из которых имеют всеобщее распространение. Так, каждая группа людей считала, что происходит от какого-либо животного или растения. Пытаясь обеспечить успех в охоте или каком-либо другом предприятии, первобытный человек совершал различные магические, колдовские обряды, имитировавшие успешную охоту, придерживался различных запретов, оказывавших якобы благоприятное влияние на судьбу человека, поклонялся различным предметам и явлениям природы, которым приписывал сверхъестественные силы.

Дальнейшее развитие анимистических воззрений ведет к появлению понятия о душе и теле, их раздельности и возможности самостоятельного существования. И если вначале душа считалась выражением жизни, и, по представлению первобытных людей, воплощалась в определенных материальных формах — сердце, печени, дыхании и т. д., то в дальнейшем появляется представление о бесплотности души. Так появились духи. Ими стали наделять также явления и предметы природы. Отношение первобытных людей к смерти и покойнику складывается из их анимистических представлений.

Первоначально смерть воспринималась как сон, даже в могилу укладывали зачастую скорчено на боку, подкладывая ладонь под голову. Об умершем проявляли определенную заботу, как о близком. Ему оставляли в могиле пищу, клали орудия труда, оружие. Но здесь люди столкнулись с необъяснимым для них явлением: труп разлагался и исчезал. Это вызвало у многих племен стремление как-то сохранить его. С возникновением представления о душе отношение к умершему изменяется и получает значительное усложнение. Тело исчезает, а душа, по представлению первобытных людей, вечна и нетленна. О ней необходимо проявлять заботу, как о живом человеке. Так зарождается представление и вера в загробную жизнь, которая в развитом родовом обществе находит свое выражение в определенном культе предков, связанным, прежде всего, с различными церемониями и обрядами, совершаемыми при захоронении умерших людей.

Посмотрим, как материалы изученных нами могильников дают конкретное представление о культе предков в азелинском обществе.

2

Жизнь в загробном мире мыслилась азелинцами вполне реально. Поэтому естественно, что в погребальном обряде, культе предков, на-

шла свое отражение, как в зеркале, действительность, существовавшая в то время в их среде.

Когда умирал человек, его хоронили на общеродовом кладбище. Родовое кладбище, общее место погребения всех членов рода, является одним из определяющих факторов родовой организации. Оно символизировало единство рода не только в этом мире, но и в другом, загробном. Первобытный человек не мог себя представить вне рода. Путешественники и этнографы в многочисленных описаниях жизни первобытных племен всегда подчеркивают это. И говорят о том, что каждый член рода надеялся встретиться со своими сородичами в загробном мире. Хотя азелинское общество уже вступило в полосу распада рода, но родовые кладбища здесь, безусловно, еще имели место.

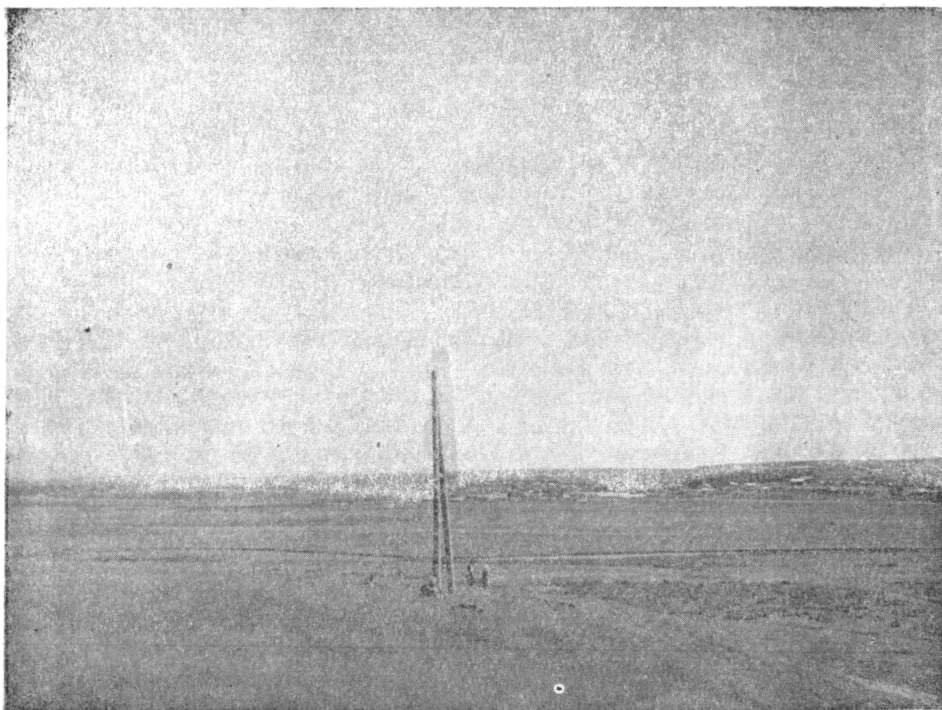

Рис. 43. Общий вид Азелинского могильника.

Общеродовой могильник находился, как правило, на какой-либо возвышенности. Суворовский могильник расположен на высоком гребне левого берега долины р. Буя, в 1,5 км от реки. С площадки могильника открывается прекрасный вид на всю окружающую местность, долина р. Буя просматривается километров на 10—15, вплоть до р. Вятки (рис. 1). Аналогичное положение занимает Азелинский мо-

гильник, площадка которого находится у края высокого и обрывистого левого берега р. Вятки (рис. 43).

Помещая умерших на высоких местах, первобытные обитатели стремились обеспечить умершим постоянную связь с оставшимися в живых. С «высоты» умершие могли «видеть» территорию рода, «наблюдать» и «участвовать» в жизни его членов.

Азелинские захоронения производились в обычных грунтовых ямах.

Могильные ямы взрослых погребений, как мужских, так и женских, имеют обычно у дна длину от 2 до 2,6 м. Ширина ям у дна также довольно устойчива — 60—80 см. Гораздо больше варьирует глубина могильных ям, но в большинстве они относительно глубокие. Глубину от 50 до 100 см имеют всего 14 могил, до 135 см — 9 и до 165 см — четыре. Следует оговориться, что могилы Азелинского могильника были несколько мельче, от 50 до 100 см.

Особо выделяется группа погребений подростков — девушек и юношей. Размеры могильных ям этих погребений несколько меньше могил взрослых: длина 2—2,3 м при глубине 70—100 см (Суворово, №№ 7, 10, 11, 14; Азелино, № 13).

Детские могилы отличаются также значительными размерами. Длина их редко 120—140 см (Суворово, №№ 6, 8, 9; Азелино, №№ 8, 14, 15), чаще же 150—180 см (Суворово, №№ 4, 15, 16, 21, 23, 26, 31). Ширина могил у дна обычно 40—60 см, а глубина 40—80 см, лишь одна могила № 15 из Суворовского могильника имеет глубину 120 см.

Как видно, по размерам могильные ямы достаточно четко разделяются на три возрастные категории. Приведенные выше размеры могил характеризуют, однако, лишь размеры ям у дна. При раскопках удалось проследить, что могильные ямы в верхней части обычно значительно больше. Правда, не во всех случаях это было достаточно четко или вообще зафиксировано, поскольку верхние слои на площадке могильников разрушены пахотой. Разница в размерах верхних и нижних частей могил связана с особой конструкцией их, вернее с устройством надмогильных сооружений. В погребении 1 (Суворово) могильная яма у дна имела размеры 240×80 см, а на глубине 40 см — 290×125 см, причем сокращение размеров шло не постепенно за счет скошенных стенок, а уступом в верхней части могилы. Аналогичные уступы-снижения наблюдались и в ряде других могильных ям (Суворово, №№ 5, 7, 13, 14, 17, 19, 24; Азелино, №№ 1, 5).

Прослежена еще одна интересная деталь в устройстве могил. Погребения 29 и 30 Суворовского могильника находились всего на расстоянии 65—75 см друг от друга и в верхней части имели общую яму размером 370×275 см. В погребениях 23, 26 и 28, того же могильника, в верхней части также была общая яма размером 300×280 см. В Азелинском могильнике в погребениях 10, 11 на глубину до 35—40 см была общая яма размером 265×195 см; в детских погребениях 16—18 была яма размером 175×140 см. По всей вероятности, такие же общие ямы имели и другие погребения (Суворово, №№ 4 и 5; 7 и 8; 11 и 16; 18, 19 и 20; 25 и 31; Азелино, №№ 13, 14 и 15; 19 и 20), но они были сильно разрушены и зафиксировать их четко не удалось. В погребе-

ниях 23, 26 и 28 Суворовского могильника очень хорошо прослеживается, как последовательно производились захоронения. Первоначально были погребены женщина (№ 28) и девочка (№ 26), последнее было, может быть, и несколько позднее. При их захоронении сверху была вырыта уже большая яма. Но затем при захоронении мальчика (№ 23) могила была вырыта в пределах большой ямы, так что частично перекрыла яму 28. Почти аналогично происходило заполнение площадки погребениями 13, 14 и 15 Азелинского могильника. Детские захоронения всегда находятся в ямах, почти вплотную примыкающих к могилам взрослых, а нередко и накрывают их могильные ямы (Суворово, №№ 4—5, 7—8, 25—31; Азелино, №№ 6, 19—20).

Такое расположение могил заставляет предполагать, что над могилой находилось какое-то сооружение, ограничивавшее определенную площадку. Поэтому, когда после основного, первого, захоронения производились в этом же месте, внутри ограждения, другие захоронения, более поздние могильные ямы частично или полностью перекрывали раннее захоронение. Ограждение над могилой было частично, на глубину 30—40 см, впущено в грунт, отчего в верхних горизонтах могильная яма в настоящее время и имеет гораздо большие размеры, чем у дна. Таким образом, многие азелинские захоронения представляли собой своеобразные земляные склепы.

Каковы были намогильные ограждения, трудно представить, но судя по тому, что здесь нет ни камней, ни чего-либо другого, надо полагать, что они сооружались из дерева.

У прикамских народностей, коми и удмуртов, еще в недавние времена на могиле ставили сруб в два—три венца, который сверху перекрывали двускатной или плоской крышей (Белицер, 1958, стр. 329). Такое намогильное сооружение почти полностью копирует обычные жилые помещения древнего типа. Сооружая на могиле «домовину», азелинское население считало, что после смерти душа человека будет обитать в таком же жилище, как и при жизни. В склепах азелинских могильников, перекрытых домовинами, захоронено часто несколько человек, скорее всего ближайших родственников, что связано с формированием внутри большой патриархальной семьи малой моногамной. При захоронении такой семье стремились обеспечить совместное обитание в загробном мире.

В могилах умершие укладывались вытянуто на спине, головой на север с незначительным отклонением к западу в Суворовском могильнике и с очень небольшим отклонением к востоку в Азелинском. В общем для обоих могильников характерна северная ориентировка умерших.

Руки чаще всего укладывались вытянутыми вдоль туловища, изредка согнутыми в локтях, с кистями уложенными на таз: обе (Суворово, № 30, Азелино, № 6, 8, 16—18, 20), только левая (Суворово, № 21, Азелино, №№ 2, 3, 10) или только правая (Суворово, №№ 3, 14; Азелино, № 1, 9).

Умерший укладывался в деревянный гроб, остатки которого в виде небольших фрагментов дерева обнаружены в целом ряде погребений.

Гроб представлял собой, вероятно, прямоугольный ящик. В разграбленной могиле № 27 (Суворово) железная кольчуга при захоронении была положена к стенке гроба и вследствие окисления железа спеклась в большой кусок с прямоугольной стороной, что и дает возможность предполагать — здесь был ящик, а не колода с округлым дном. У удмуртов в прошлом также хоронили в гробах, имеющих вид деревянных прямоугольных ящиков, боковые доски которых через просверленные отверстия связывались веревочками из лыка. (Ильин, 1926, стр. 65). Дно гроба в азелинское время выстилалось рогожей довольно мелкого плетения. Ширина полосок ее всего 5 мм. Остатки рогожи хорошо сохранились в нескольких погребениях (Суворово, № 5. 27; Азелино, №№ 1, 11). Может быть, рогожей обертывался весь труп при захоронении, но над костяком остатки ее пока не найдены.

На азелинских могильниках обращает на себя внимание отсутствие захоронений детей-младенцев в возрасте до 4—5 лет. А ведь детская смертность еще в недалеком прошлом была чрезвычайно высока. Для примера приведем несколько цифр. В конце XIX века в сельских местностях России из общего количества умерших до 48% составляли младенцы в возрасте до 2-х лет и дети от 2-х до 15 лет — около 20%. На одном из удмуртских могильников XVII века, исследованном антропологом М. С. Акимовой, из ста захоронений более шестидесяти принадлежали детям в возрасте до 7 лет. Совершенно естественно, что в первобытную эпоху детская смертность была не менее, если не более, чем в XVII—XIX веках.

Однако на азелинских могильниках, как и на многих других древних кладбищах Прикамья, нет захоронений младенцев, объяснение чего можно найти в ряде этнографических описаний погребальных обрядов. У многих первобытных народов младенцы обычно хоронятся по иному обряду, чем взрослые. Известный путешественник С. Крашенинников, посетивший в XVIII в. Камчатку пишет, что когда умирает взрослый «камчадалы трупы мертвых своих, привязав ремень на шею, вытаскивают из юрты, и почти на самой юрте бросают собакам на съедение»... А «младенцев хоронят в дуплеватых деревьях» (Крашенинников, 1949). Телеуты, по сообщению И. Г. Георги, прежде покойников сжигали или вешали на деревьях. А в XVIII в., когда их посетил И. Г. Георги, вешали трупы детей на деревьях, так как они ни в чем не грешны, а взрослых хоронили в гробах (Георги, 1876, стр. 165). Таких примеров особого обряда захоронения младенцев можно привести еще много по этнографическим материалам. Все это связано с представлениями об особой душе младенцев, отличной от души взрослых.

По представлению одного из дальневосточных племен — ульчей, каждый род имеет свое родовое дерево, на котором обитают и плодятся человеческие души в виде птичек. Птички-души питаются почками этого дерева, выют на нем гнезда и выводят птенцов. Как только птичка-душа попадет в тело женщины, она становится беременной. Когда ребенок ульчей умирал в возрасте до одного года, считалось, что душа возвращается на это же дерево, а затем снова попадает к той же женщине. Отсюда и своеобразный погребальный обряд за-

хоронения для младенцев. Их не хоронили, как взрослых, в земле, а завертывали в белую тряпочку и к ней пришивали крыло птички. Длинный конек нитки, которой пришивалось крыло, привязывался к руке матери. Тельце укладывалось в гроб, подвешанный на дерево. Ударом палки обрывали нитку, привязанную к руке матери. Тем самым обрывалась связь матери с душой ребенка, превратившейся в птичку и опять поселившейся на родовом дереве (Золотарев, 1939, стр. 40).

У азелинского населения, да и у других племен Прикамья, существовало, вероятно, нечто подобное в представлении о душе младенца, почему их и хоронили как-то особо, не вместе со взрослыми. Скорее всего это были тоже «воздушные захоронения», а может быть и трупосожжения. До сих пор ни у азелинского, ни у какого-либо другого древнего населения Прикамья младенческие кладбища не обнаружены, что и заставляет предполагать какой-то иной обряд захоронения младенцев, при котором до наших дней не сохранились какие-либо остатки.

4.

Почти во всех погребениях азелинских могильников были обнаружены какие-либо вещи. Лишь в двух случаях ямы оказались совершенно пустыми (Суворово, № 22 и ямы на уч. 0/9) и в двух при костяках не было вещей (Азелино, №№ 7, 19). Пустые ямы, по всей вероятности, вырывались в честь умерших где-то на стороне родичей, которых не могли доставить на родовое кладбище.

Вещи, находимые в могилах, разделяются на две группы: одну, наиболее многочисленную, составляют всевозможные украшения и принадлежности костюма, другую — сопровождающий инвентарь, состоящий из различных орудий труда, оружия и некоторых бытовых вещей.

Украшения расположены на костяке обычно так, как носились при жизни. Шапочки, украшенные медными накладками или бусами — на голове, наконечники — у затылка, ожерелья — на шее, височные подвески — у плеч, перстни — на пальцах, браслеты — на запястьях и т. д.

Украшения костюма и его необходимые принадлежности (пояс, застёжки) также расположены в том порядке, как украшали в свое время костюмы или употреблялись в них. Так, наборы, украшающие на груди нижнюю рубашку, лежат обычно непосредственно на костях грудной клетки. Сверху их частично перекрывают крупные бляхи, носившиеся на верхнем кафтане. Застёжки-сюльгамы лежат, как правило, в верхней части груди, роскошные передники — поверх всех вещей, в области таза. Женские пояса с многочисленными медными накладками, халцедоновыми дисками и эполетообразными застёжками лежат вокруг бедер. Лишь в мужских погребениях поясные наборы положены сверху на таз (Суворово, №№ 1, 15, 29, 30; Азелино, №№ 5, 12) или вдоль левого бока (Азелино, № 1).

Вещей, относящихся к украшениям и принадлежностям костюма, в могилах чрезвычайно много. В некоторых погребениях их было так много, что они почти полностью закрывали кости скелета (рис. 44, 45). Это говорит о том, что при захоронении умершего одевали в лучший костюм.

Такой обычай встречается у очень многих народов. У удмуртов. «когда покойник омыт, на него надевают праздничную белую одежду, на ноги новые портянки и новые лапти. Мужчине на голову надевают новую войлочную шляпу домашнего изделия, на руки иногда рукавицы... На женщину надевают соответствующие ее возрасту украшения» (Емельянов, 1921, стр. 7). И здесь, как видим, проявление заботы об умершем. Женский костюм украшался определенными вещами, соответствующими ее семейно-возрастному положению. Когда женщина умирала, ее и хоронили в том костюме, который должен был обеспечить ей определенное место в загробном мире.

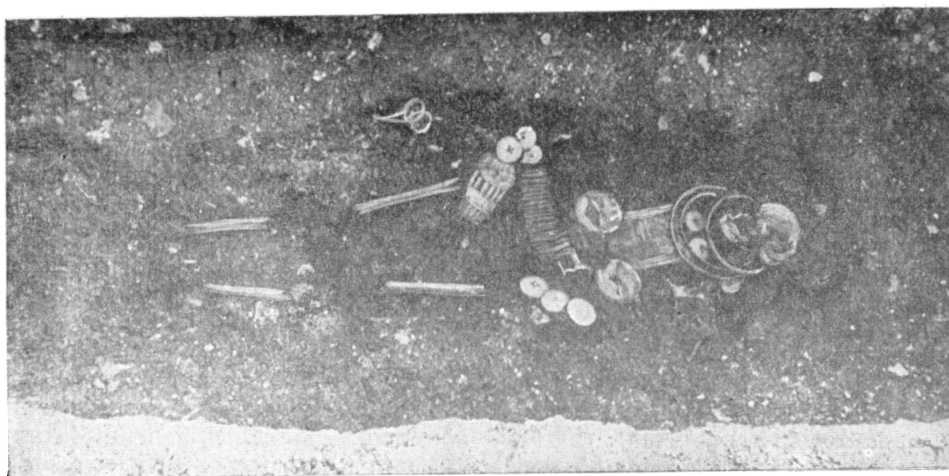

Рис. 44. Суворовский могильник. Погребение 28.

Сопровождающий инвентарь расположен в определенном порядке. Меч вместе с портупеей укладывался слева от умершего, вплотную к телу (рис. 39), иногда даже рука обнимает его (Суворово, №№ 1, 17, 30; Азелино, № 1). Здесь же, слева, у бедер лежат обычно железные кинжалы и ножи, встречающиеся почти во всех мужских могилах и изредка в женских (Суворово, №№ 3, 11, 28). Лишь в погребениях 17 и 29 Суворовского могильника эти вещи лежали справа, но в последнем слева находился нож, а справа кинжал, положенный сверху на грудь. Так же, на груди, лежали ножи в двух женских погребениях 10 и 11 Азелинского могильника.

Копья укладывались чаще с правой стороны умершего, острием к ногам. Лежат они обычно в верхней половине, так что для древка в гробу остается длина всего в 0,5—1 м (Суворово, №№ 1, 10). В погребении № 29 (Суворово) копьё лежало слева, а в погребениях 30 (Суворово) и 5 (Азелино) — у ног. В погребении 1 (Азелино) копьё было воткнуто сверху в засыпь могильной ямы. Все это свидетельствует о том, что древко копья, которое обычно имеет в длину не менее 1,5—2 м, при захоронении обламывалось.

Стрелы, от которых сохранились наконечники, находятся, как правило, в колчане. В могилах они лежат плотной кучкой слева от берцовых костей, остриями чаще всего в сторону ног (Суворово, №№ 1, 2, 10, 17, 29, 30; Азелино, №№ 1, 2, 12). Иногда в погребениях встречаются и единичные наконечники стрел без относительного порядка —

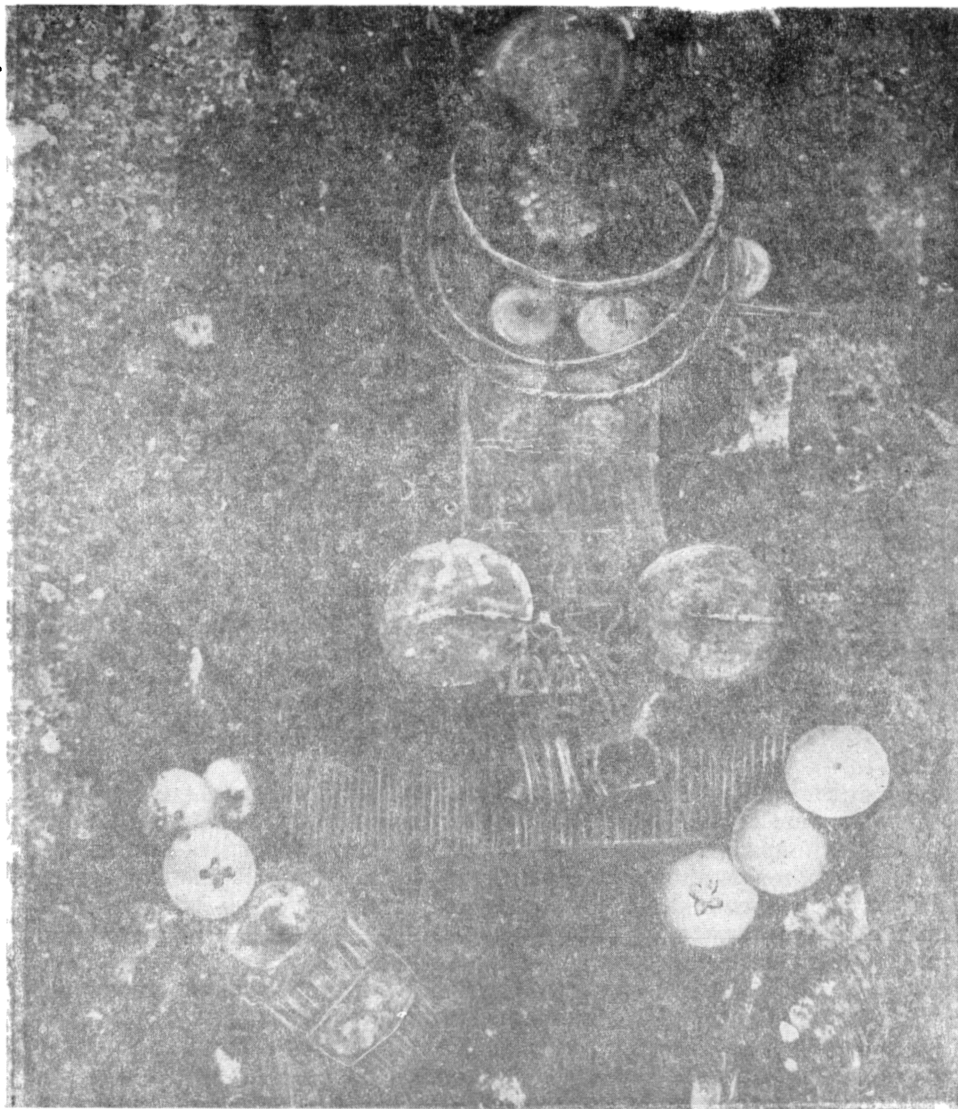

Рис. 45. Суворовский могильник. Погребение 28. Деталь.

на груди, у ног и в других местах. Вместе с наконечниками стрел лежат костяные втулки.

Железные топоры положены почти всегда справа у ног или у груди (рис. 39, 42, Суворово, №№ 1, 2, 10, 17, 23, 24; Азелино, № 12, 13), реже в конце гроба у ног (Суворово, №№ 15, 30; Азелино, № 5) и единично — слева у колена (Суворово, № 29, вообще в отношении этого погребения нетрудно заметить, что большинство вещей уложено в обратном порядке).

Боевой шлем в погребении 30 (Суворово) лежал в изголовье справа (рис. 41). Уздечки лежат справа у бедер (Суворово, №№ 1, 28; Азелино, №№ 1, 12), между ног (Суворово, №№ 10, 29; Азелино № 5), или слева (Суворово, № 30 — одна у головы, вторая — у бедер с мечом).

Особо следует отметить богатое погребение кузнеца (№ 1, Азелино), где многочисленный кузнечный инструмент и ряд других вещей (кольчуга, наральник) были сложены в южном конце могилы у ног (рис. 12 и 13). Другие вещи встречаются единично — скобель и штырь (Суворово, № 23), железные крючки (Суворово, №№ 17, 30), точильные бруски (Суворово, № 17), шилья (Суворово, №№ 19, 21; Азелино, №№ 9, 10, 11).

Все эти сопровождающие вещи находятся почти исключительно в мужских погребениях. В женских погребениях найдены лишь уздечка (Суворово, № 28), в нескольких случаях ножи (Суворово, №№ 3, 11 и 28; Азелино, №№ 3, 10, 11), шилья (Азелино, №№ 9, 10, 11; Суворово, №№ 19, 21) и наконечники стрел (Азелино, №№ 3, 6; Суворово, № 19).

В двух женских погребениях Суворовского могильника обнаружены оригинальные комплексы. В погребении 28 у ног была поставлена берестяная коробочка, в которой лежала кожаная шапочка, украшенная медными накладками. В изголовье погребения 5 стояли две берестяные коробочки с большим количеством заготовок украшений и ювелирным инструментом (молоточек, наковаленка, литейная форма и др.).

Снабжение умершего определенным инвентарем при захоронении должно было, по мнению азелинцев, обеспечить им в загробном мире то или иное положение, которое они занимали при жизни. Особенно ярко это стремление проявилось при захоронениях мужчин.

Эпоха великого переселения народов создала такую обстановку, когда военная организация являлась решающей в жизни населения. Поэтому при захоронении мужчин, прежде всего по сопровождающему их оружию, определялось их отношение к военной организации, на чем мы подробно уже останавливались в предыдущей главе.

Интересно, что обычные хозяйственные занятия населения — земледелие и разведение домашних животных, домашние ремесла — почти совершенно не находят отражения в погребальном обряде. Лишь выделившиеся из среды общины ремесленники сопровождают при захоронении полным набором инструментов и даже некоторыми предметами их производства.

Все это дает представление об определенном установившемся обычае, характерном для всего населения азелинской культуры, но во многом отличающемся от погребального обряда других племенных групп.

5.

Путь в загробный мир представлялся азелинцам, вероятно, как какое-то путешествие, связанное с преодолением определенных трудностей, препятствий.

Интересен такой факт. Во многих погребениях, где находились наконечники стрел в колчане, их количество кратно числу 7 и составляет 7, 14, 21 (Суворово, №№ 1, 10, 17, 30; Азелино, №№ 2, 12). В некоторых других могилах количество стрел, кратное 7, относится только к числу костяных наконечников общераспространенного типа и, кроме того, имеется несколько наконечников, как костяных, так и железных, других форм (Азелино, №№ 1, 20; Суворово, № 29).

Весьма вероятно, что количество наконечников стрел в погребениях, кратное семи, отражает то количество препятствий, которое должна преодолеть душа умершего, чтобы попасть в загробный мир.

В представлении сибирских эвенов душа человека отделяется от его тела, когда труп окончательно разложился. Тогда устраивались особые проводы души, во время которых шаман «увозил» душу умершего по особой мифической родовой реке в «нижний мир», в стойбище мертвецов-сородичей.

И вот на этом пути по мифической родовой реке, по ее берегам, жило семь мифических родовых старух — владычиц путей в нижний мир. С ними шаман советуется о дальнейшем пути.

Прибыв к истоку мифической родовой реки душа разыскивает на берегу родовое жилище душ, поселяется с ними и занимается обычной для людей работой: ловит рыбу, осматривает ловушки на зверя и птиц и т. д. (Анисимов, 1951, стр. 111).

Не менее интересно в этом отношении описание путешествия души в загробный мир у небольшой дальневосточной народности орочи. Здесь душе также приходится преодолевать семь препятствий (Аврорин, Козьминский, 1949, стр. 329—330). Сразу после смерти, по представлению орочей, душа человека отправляется в загробный мир по прямой дороге. Вскоре от дороги вправо отходит небольшая тропинка, ведущая в загробный мир для душ собак. Если умерший — легкомысленный человек, душа его из простого любопытства свернет на эту тропинку и придет в собачий загробный мир. Там ее собачьи души начинают щекотать и играть с ней. Отсюда вернуться душа человека уже не может. Положительный человек не свернет на тропинку, а идет прямой дорогой. Через три дня душа увидит на пути столик с кушаньями. Пообедав, она продолжает свой путь. Через сутки душа добирается до конусообразного корьевого балагана, в котором ночует. К концу следующих суток душа приходит на высокую скалу с вертикально направленным сквозным отверстием. Здесь она теряет сознание и через отверстие падает на землю загробного мира. Очутившись

в загробном мире, душа приходит в сознание и живет здесь пять поколений. После этого она отправляется вверх по реке в заоблачный мир, сначала в виде железного старика с посошком, затем превращается в железную стрелку, далее — в утку и, наконец, в самом верховье реки — в железного червяка, в виде которого проплывает через отверстие во внутренней небесной сфере и продолжает путь железной бабочкой.

Бабочка летит по «дороге угольного места» на лунную землю. В пути она решает, к которой из двух старух, живущих на лунной земле, она направится. Старуха выкармливает душу древесным углем, после чего душа принимает вид гриба-дождевика. Затем старуха сбрасывает ее с лунной земли на нашу землю, где душа попадает в какую-нибудь женщину и родится новый человек.

В этом оригинальном представлении отражено не только путешествие души в загробный мир, но и представление о новом зачатии человека. У некоторых других народностей для преодоления встречающихся на пути препятствий душа должна отдавать какие-либо вещи или стрелять из лука.

Вероятно, именно для преодоления таких препятствий при переселении в загробный мир и помещались в азелинских погребениях стрелы в количестве, кратном семи. Причем люди различного положения отдавали или пускали у каждого препятствия одну, две или три стрелы. По всей вероятности, от этого зависел успех их продвижения.

Наибольшее количество стрел — 21 находится лишь в самых богатых мужских погребениях (Суворово, №№ 1, 29, 30 и в 27, ограбленном, где их сохранилось только 16 экз.). Здесь также нашло свое отражение стремление богатых членов общины обеспечить себе лучшую жизнь и в загробном мире.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение нашего очерка остановимся еще на вопросе об исторических судьбах населения азелинской культуры.

Азелинское население представляло собой потомков местных нижекамских племен, история которых по археологическим материалам хорошо прослеживается по крайней мере на два тысячелетия вглубь.

Азелинскому периоду в развитии этого населения предшествовал пьяноборский (III до н. э.—II в. н. э.). Пьяноборская культура и ее население сформировались на основе нижекамского варианта ананьинской культуры, эпохи раннего железного века (VII—III вв. до н. э.).

В отношении формирования ананьинской культуры существуют различные точки зрения, поскольку эта культурная общность занимала огромное пространство: от самых низовьев Камы и Вятки на западе до предгорий Урала на востоке. На таком огромном пространстве, заселенном многими племенами, формирование культуры эпохи раннего железа, связанное также с отдельными передвижками древнего населения, естественно, не было единым.

Основу нижекамского населения ананьинской культуры, при всей сложности этого процесса в целом, составляло, вероятнее всего, предшествовавшее ему здесь население эпохи бронзы, так называемой приказанской культуры (II — начало I тысячелетия до н. э.).

Но немалую роль в формировании нижекамских групп населения ананьинской культуры сыграли пришлые племена восточного, скорее зауральского происхождения.

Нет надобности проследивать дальше линию развития нижекамского населения, да это и не входит в нашу задачу. Для нас важно подчеркнуть, что племена азелинской культуры являлись, в основном, потомками местных, нижекамских племен, издавна обитавших на обширных пространствах этого края.

В III веке в результате бурных и полных трагедий событий, разыгравшихся в Прикамье в эпоху великого переселения народов, пьяноборско-азелинские племена были заброшены в Волго-Вятское междуречье. И здесь азелинское население сохранило и дальше развивало свою самобытную культуру. Причем из всех прикамских племен именно эта группа подвергалась наименьшему воздействию пришлого населения и в относительно более чистом виде сохранила свою культуру. Это можно проиллюстрировать на ряде примеров.

Для пришлых групп населения весьма характерным обычаем бы-

ло сопровождение погребений частями коня (обычно это череп и ноги). Среди более ста азелинских погребений, исследованных до настоящего времени, обнаружено всего четыре таких случая — на могильниках Мари-Луговском (Халиков 1962, стр. 177) и Атамановы Кости (Кузнецов, 1884).

Не менее характерным в погребальном обряде пришлых племен был обычай класть в могилу украшения и другие вещи отдельно в берестяных сосудах или просто кучкой в изголовье или у ног умерших (см., например, в памятниках мазунинской культуры, Генинг, 1958). В азелинских погребениях таких случаев почти нет.

В эпоху III—V вв. во всех районах Прикамья получают широкое распространение своеобразные пряжки с так называемым нависающим язычком и вращающимся кольцом (близкие по типу к табл. IV—7—9). Азелинские мастера, хотя и усваивают общий принцип изготовления этих пряжек, но оформляют их по своему. Сохраняются свои типы гривен, особенно пластинчатых с узорами, и многие другие вещи.

При всем своеобразии азелинской культуры население ее, не жившее оторванно от всего окружающего мира, заимствовало целый ряд культурных достижений у своих соседей. Как уже отмечалось выше, к таким заимствованиям мы относим важнейшие орудия труда в земледелии — железный наральник, железный серп, косу и каменный жернов. Известное воздействие испытал и женский костюм. Шапочка-такья, подробно описанная в главе об одежде, получает у азелинцев широкое распространение. По единодушному мнению этнографов этот головной убор является специфически тюркским и имеет, безусловно, тюркское происхождение. И уже от тюрков его заимствовали другие народы, в том числе финно-угорские. Действительно, в пьяноборском женском наряде, довольно хорошо изученном благодаря обширным раскопкам, нет никаких следов такого головного убора. Поэтому мы и считаем, что в азелинской культуре он был заимствован. Азелинские находки такьи являются наиболее ранними среди финно-угорских народов Поволжья и Прикамья. Отметим, что остатки такьи были обнаружены и в древнеудмуртском могильнике у с. Полом (погребение 80, датируемое III—V вв., Генинг, 1958, стр. 94).

Заимствование и широкое распространение такьи в столь раннее время, причем не у одной, а сразу у нескольких групп населения, могло произойти, безусловно, лишь от ближайших соседей, и такими соседями были тюркские племена.

Не удивительно поэтому, что еще целый ряд украшений, как, например, передники, находят также ближайшие этнографические параллели у чуваш, являющихся как раз потомками древне-тюркских племен, пришедших в III в. н. э. с востока на Волгу.

Большой интерес представляет вопрос об отношении азелинского населения к этногенезу современных волго-камских народов.

Если рассматривать расселение азелинских племен в связи с территориями, занятыми позднейшими народностями Прикамья и По-

волжья, то наиболее вероятными потомками азелинского населения могли бы быть удмурты и марийцы.

Попытаемся рассмотреть, насколько имеющиеся в настоящее время материалы позволяют решить эту проблему.

Древнемарийские племена, судя по материалам, полученным главным образом в последние годы в результате работ Марийской археологической экспедиции, появились на левобережье Волги около IV—V вв. н. э. Здесь они заселили течение р. Ветлуги, а также, вероятно, центральные районы территории нынешней Марийской АССР.

Хотя культура этого периода и изучена еще весьма слабо, но материалы, полученные из раскопок поселений, позволяют достаточно четко связывать расселение древнемарийских племен с распространением в указанных районах плоскодонной керамики (Архипов, 1962). Могильники, которые позволили бы сопоставить культуру марийских племен с азелинскими, до сих пор в Поветлужье не обнаружены.

Для периода VI—VII вв., который следует за азелинской культурой, не выявлены пока ни марийские памятники, ни памятники преемственные в своем развитии с азелинскими.

Достаточно хорошо изучена в последние годы культура марийского населения IX—XI вв., представленная весьма яркими и своеобразными могильниками—Веселовским (Халиков и Безухова, 1960) и Черемисским кладбищем на р. Ветлуге. Ветлуга была основным центром формирования левобережных групп марийского населения. Но в это время появляются аналогичные памятники и на правобережье среднего течения р. Вятки. В отличие от ветлужских могильников, вятские — весьма небольшие. На Кочергинском могильнике М. В. Талицким (1941) было исследовано всего пять погребений. Наши новые раскопки в 1956 г. не обнаружили здесь больше могил. Не намного больше было погребений и на Юмском могильнике. Почти полная идентичность материалов ветлужских и вятских могильников IX—XI вв. позволяет говорить о проникновении небольших групп ветлужского (марийского) населения на Вятку в IX—XI вв.

А. Х. Халиков и А. Г. Архипов доказывают преемственность в развитии азелинской культуры и культуры типа Юмского и Веселовского могильников. Но единственным доказательством этих авторов является совпадение территории распространения азелинской культуры с территорией, занятой уже в историческое время луговыми марийцами. Едва ли можно считать не только убедительными, но и приемлимыми такие сопоставления для доказательства близости древнемарийских и азелинских племен, как «погребение умерших в нарядной одежде и положение в ногах или изголовьи орудий труда и украшений» (Халиков, 1962, стр. 180).

Эти черты, как известно, характерны для весьма широкого круга финно-угорских племен и не представляют что-либо специфического только для рассматриваемых групп. Столь же неправомерны сравнения нагрудников с шумящими подвесками (типологически весьма разных), обувных застежек, скульптурных фигурок коньков и весьма стилизованных коньковых шумящих подвесок и т. д.

Марийские могильники IX—XI вв. имеют целый ряд своеобразных черт погребального обряда, истоки которых не обнаруживаются в азелинских погребениях. Среди них: трупосождение наряду с трупоположением, пусть даже у небольшого числа погребений (Халиков, 1962, стр. 180), наличие в некоторых погребениях глиняных, металлических и деревянных сосудов, обвертывание трупа или остатков трупосождения меховой одеждой, обвязанной поясом, наличие на площадке могильников особых ритуальных площадок (кострища, ямы, сосуды).

Нет также и достаточно убедительной генетической связи в развитии отдельных типов вещей, специфических только для обеих групп памятников.

Между памятниками азелинской культуры III—V вв. и марийскими могильниками IX—XI вв. существует хронологический разрыв в три с лишним столетия, и пока этот пробел не будет заполнен археологическими материалами, анализ которых покажет процесс изменения азелинской культуры и перерастание ее в какую-то другую — преждевременно и весьма голословно утверждение о том, что азелинские племена участвовали в формировании «древнемарийских племен в луговой части волжского левобережья» (Халиков, 1962, стр. 179). Это может быть лишь рабочей гипотезой для дальнейших исследований.

Бесспорно, что между азелинскими племенами, заселявшими Волго-Вятское междуречье, и древнемарийскими, жившими по Волге и Ветлуге в III—V вв., устанавливаются контакты и связи, и эти группы населения испытывают определенные взаимные воздействия в развитии культуры. Но насколько оживленны были эти связи — судить пока трудно, за неимением фактического материала по культуре марийских племен. Прослеживаются, правда, некоторые общие детали в костюме азелинского и современного марийского населения. Так, весьма оригинальной головной убор, обнаруженный в погребении 10 Азелинского могильника, как уже указывалось, имеет большое сходство с головным убором «шимакш» у марийцев. Некоторое сходство обнаруживается и в ношении передника. Но насколько такой обычай был характерен для каждой группы и не был ли он заимствован от какой-то третьей — сказать пока с определенностью невозможно.

Вопрос об отношении азелинской культуры к предкам удмуртского народа решается несколько легче.

Удмуртская народность формировалась на территории среднего течения р. Чепцы. Здесь в III в. появляется группа племен, развитие культуры которых в дальнейшем удастся проследить вплоть до первых письменных сведений об удмуртах (Генинг, 1958). Таким образом, одновременно с существованием азелинской культуры в Волго-Вятском междуречье, на востоке от нее существует древнеудмуртская поломская культура. Между этими двумя соседними группами населения также устанавливаются какие-то связи. Прослеживаются общие черты и в женском костюме. Так, в удмуртских погребениях

III—V вв. имеются остатки шапочки-такьи, передника — столь типичные для азелинского женского наряда. Однако, как уже отмечалось, истоки этой моды мы видели на юге и среди тюркских племен.

Развитие наиболее западных групп удмуртского населения, находившегося в ближайшем соседстве с азелинскими племенами, изучено очень плохо. Возможно отдельные группы азелинцев и вошли в состав удмуртов, заселивших во второй половине I тысячелетия бассейны р. Кильмези.

В конце I тысячелетия н. э. наблюдается проникновение небольших групп удмуртов на Вятку, где они сталкиваются со встречным движением марийского населения с Ветлуги. Если показателем проникновения марийских групп населения служат небольшие могильники типа Юмского и Кочергинского, то остатки культуры удмуртского населения обнаружены на ряде городищ. Это керамика с решетчатощнуровым орнаментом, типично удмуртские вещи — костяные лопаточки, втульчатые наконечники стрел, своеобразные железные штыри, стоки и другие вещи (сравните: Архипов 1962, рис. 8, 2-4, 10; 9, 1; 12; Спицын, 1898; Генинг, 1962в, табл. VIII, IX).

Застали ли на Вятских землях марийцы и удмурты потомков азелинских племен — пока неясно, никаких следов какой-то третьей культуры здесь не обнаружено.

Азелинская культура была весьма самобытная, оригинальная и, несомненно, ее население должно было оставить весьма яркие следы в своем дальнейшем развитии.

Итак, по тем материалам, которыми мы располагаем в настоящее время, не может быть решен вопрос о том, в состав какой из современных народностей вошли потомки азелинских племен. Археологически население азелинской культуры прослеживается до начала VI в. н. э. Затем мы теряем его следы. Ни на территории Волго-Вятского междуречья, ни в других местах пока не удалось найти продолжение развития весьма оригинальной культуры этого населения.

Здесь перед археологами стоит очередная задача. Задача интересная, требующая новых поисков, новых исследований, которые, безусловно, увенчаются успехами и заполнят еще одну страницу древнейшей истории населения нашей страны.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПАМЯТНИКИ АЗЕЛИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

1. АЗЕЛИНСКИЙ МОГИЛЬНИК

В 1929 г. во время рытья ямы для установления столба электролинии у д. Азелино Малмыжского района были обнаружены древние вещи, поступившие в Малмыжский музей.

Место находки обследовал местный краевед И. Г. Худяков, расширивший яму и собравший еще некоторое количество вещей. Им было установлено, что вещи происходят из погребений и в данной местности находится могильник (И. Худяков, 1934, стр. 168—169).

Вещи, которые находятся в настоящее время в Малмыжском музее, происходят из двух весьма богатых погребений. Среди них необходимо упомянуть обломки эполеообразной застежки, халцедоновые кружки-накладки, часть подвесок от передника, обломки железного меча, медные подвески, обломки медной гривны, костяные наконечники стрел, наконечник копья и ряд других вещей (Смирнов, 1952, стр. 25).

Площадка, занимаемая древним могильником, находится на высоком левом берегу небольшого ручья к северу от д. Азелино. К юго-востоку от могильника протекает р. Шошма и с могильника открывается обширный вид на пойму этой реки, вплоть до ее впадения в Вятку (рис. 43).

Площадка расположена у самого края коренного берега поймы и занимает своеобразную стрелку, образованную небольшим логом, который врезается с восточной стороны в террасу.

Раскопки 1955 г. были начаты у самого края террасы. Рядом с ямой, где в 1929 г. был поставлен столб электролинии, и обнаружены вещи. Раскопки производились сплошным вскрытием площади. Южный край раскопа проходил по краю террасы.

Всего в ходе раскопок вскрыта площадь в 1080 кв. м (раскоп 45×24 м), однако погребения были обнаружены только в южной стороне (рис. 46), в основном, на участках линии «2» и частично «3». Кроме того, три погребения находились в восточной стороне на линии «4». На участках линий 5—8 не обнаружено никаких следов погребений. К востоку от крайнего погребения № 2 до границы вскрытой площади — 6,5 м. В западной стороне от погребения № 20 до края раскопа — 5,5 м. Таким образом, вокруг погребений вскрыта достаточная площадь пустого пространства, которая может указывать на то, что могильник раскопан полностью. Могильник был очень небольшой и содержал всего 22 погребения (20 вскрытых нами и 2 разрушенных в 1929 г.).

Поверхность на площадке могильника когда-то распахивалась, сейчас же заброшена и хорошо задерновалась. Верхний слой (20—25

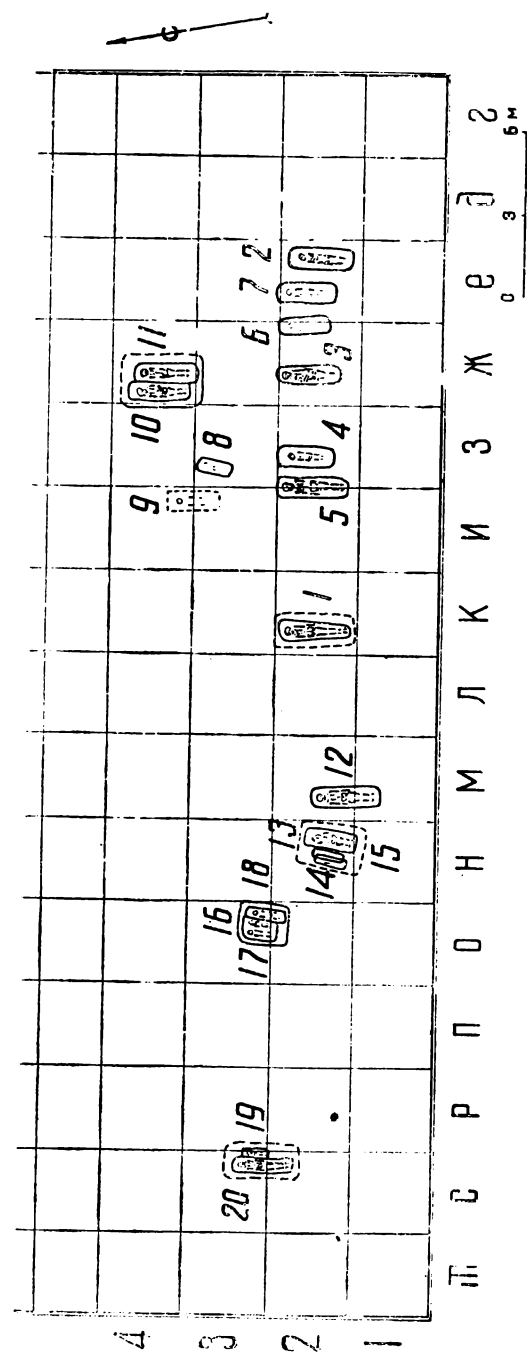

Рис. 46. Азелинский могильник. Общий план раскопок.

см) содержит много известняковых камней. Под этим слоем находится в восточной половине раскопа плотная глина, а в западной — очень мягкие мергелевые породы пепельно-белого и красноватого цвета.

Границы могильных ям обозначились хорошо уже после снятия первого или второго штыка. Никаких вещей вне погребений на всей площади могильника не обнаружено.

Погребение 1 (уч. К/2 рис. 12 и 47). Очертания могильной ямы обнаружались на глубине 30—40 см, южный конец ямы сильно сужался. Глубже могильная яма приняла вполне правильные прямоугольные очертания размером 260 × 70 см. Мужской костяк лежал вытянуто на спине на глубине 120 см, головой на С с небольшим отклонением на В. Правая рука слегка согнута в локте и кисть уложена на таз, левая — вытянута. На глубине 35 см в засыпе могильной ямы, в северо-восточном углу, был воткнут железный наконечник копья (табл. XIX — 3). На уровне ног на глубине 105 см — железная пряжка-застежка (табл. XXIII — 5). В верхней части груди две застежки-сюльгамы из меди (табл. VIII — 3) и несколько ниже, справа, медная сюльгама более крупного размера (табл. XXII — 4). Слева, вдоль бедренной кости — поясной набор из пряжки с железным кольцом и медной задней пластиной (табл. IX — 12) и 12 медных накладок (табл. XXII — 4). В области таза медный перстень, одетый на фалангу пальца (кольцо типа табл. I — 7), железный нож в ножнах с медными обоями (табл. XIX — 4) и несколько мелких медных украшений в виде пластинчатого полукруга внизу и маленьких медных треугольных пластинок, наклепанных на кожу. Это остатки от украшений кожаного кошелька. Здесь же был и железный крючок. На коленях чашечках обеих ног по медной пряжке-сюльгаме (табл. VIII — 3). Вдоль правой ноги — уздечка (рис. 7), ремни которой украшены многочисленными бляшками-полугорошинами и другими медными накладками (табл. I — 19; XVIII — 11, 12). Удила уздечки железные (табл. XIX — 9), трензеля из медных пластин (табл. XVII — 10). Уздечка имела также две пряжки: железную и медную (табл. XXIII — 9, 11). В нижнем конце берцовых костей на каждой ноге по железной пряжке (табл. XXIII — 7) и наконечнику ремня в виде прямоугольной пластинки. Слева у берцовых костей, в кучке, наконечники стрел, лежавшие остриями к ногам (3 железных и 13 костяных типа табл. XXI — 1, 4, 9).

В южном конце могильной ямы, у ног, большое количество вещей, преимущественно железных (рис. 12 — 2). Посредине могилы — кольчуга из мелких железных колечек (рис. 38 — 1). Кольчуга была перевязана и сейчас вся спеклась от ржавчины, в середине видны медные пряжки. Под кольчугой рогожа мелкого плетения (ширина полосы 5 мм). Рядом с кольчугой всевозможный мелкий инструмент: кривой нож для кожи, шилья, ложкарь или кочедык, резцы — циркульный и для гравировки, наковаленка (рис. 13) и другие вещи, совершенно испорченные ржавчиной, так что определить их форму и назначение не представляется возможным. Здесь же были молоток, напильник, коса, кузнечные клещи (табл. XXIV — 1—4), большая раковина каури со

сверлением (табл. XXIII — 1), точильный камень, костяной стержень, медная пряжка (табл. IX — 12) и железные накладки (табл. XXII — 6), кремь для высекания огня и куски железа. Поверх всего лежал большой железный сошник-наральник с обломленным концом (табл. XXIV — 5). Судя по этому вещевому комплексу, погребение принадлежит кузнецу.

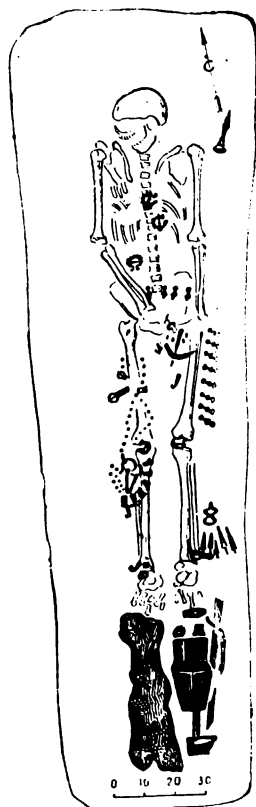

Рис. 47. Азелинский могильник. План погребения 1.

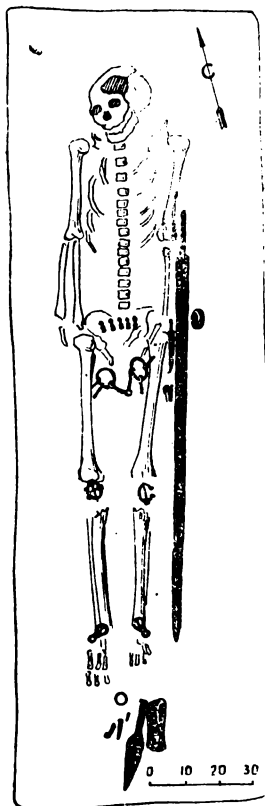

Рис. 48. Азелинский могильник. План погребения 5.

Погребение 2 (уч. Е/2). Могильная яма длиной 230 см и шириной 70—80 см. На глубине 65 см — мужской костяк, ориентированный головой на С с небольшим отклонением к В. Костяк плохой сохранности лежал вытянуто на спине, череп свернут вправо, правая рука вытянута вдоль скелета, левая кисть на тазу. Справа у локтевой кости костяной наконечник стрелы, 7 костяных наконечников в куче около левой бедренной кости и около стоп еще два наконечника (табл. XXI — 9). Около костей стоп ног медная пряжка (табл. IV — 3).

Погребение 3 (уч. Ж/2). Могильная яма размером 220 × 60 см.

На глубине 67 см костяк очень плохой сохранности лежал вытянуто на спине, головой на ССВ. Правая рука сохранилась плохо и положение ее не ясно, левая, очевидно, была согнута в локте и кисть положена на таз, где обнаружено несколько фаланг и на одной из них медный перстень (табл. II — 3). Справа, несколько заходя под таз, лежала эполетообразная поясная застежка, чеканенная из тонкой листовой меди и наклепанная на толстый слой бересты (рис. 4 — 1). Застежка рассыпалась. Вокруг костей черепа несколько стеклянных бус и небольшое медное колечко (табл. I — 8), а в конце ног костяной наконечник стрелы (табл. XXI — 9) и небольшая полоска из трех рядов мелких медных обоймочек (табл. IX — 6).

Погребение 4 (уч. 3/2). Могильная яма размером 205 × 75 см. На глубине 69 см — костяк плохой сохранности, ориентированный головой на ССВ. Руки вытянуты вдоль скелета. На груди справа несколько медных украшений и пастовые бусы (табл. I — 9). На средних пальцах обеих рук медные перстни (табл. II — 3).

Погребение 5 (уч. И-3/2, рис. 48). Могильная яма размером у дна 230 × 85 см углублена на 105 см. Покойник, ориентированный головой на ССВ, лежал вытянуто на спине. Руки вдоль скелета. С левой стороны — железный меч с обоюдоострым клинком длиной 84,5 см и шириной 5 см. Черенок, длиной 20 см, имел два отверстия для скрепления с деревянной рукоятью (табл. XIX — 11). Рядом с мечом небольшая бусина из халцедона, украшавшая ножны меча (табл. XXIII — 2). Сохранились отдельные фрагменты деревянных ножен, покрытых снаружи красной минеральной краской. К ножнам меча медной обоймочкой была прикреплена деревянная пластинка с небольшим стерженьком с колечком. Возможно, к колечку прикреплялся ремень портупей. Рядом с мечом у бедер — железный нож (табл. XVII — 5). Между бедренными костями, ниже таза — железные удила (типа табл. XIX — 9, кольца витые) с тремя медными трензелями (табл. XVIII — 9, 13), обрывки ремешков от уздечки с медными накладками (табл. I — 19; XVIII — 7, 12) и два медных кольца от концов ремней повода (табл. XVIII — 9). Пояс украшали 19 медных накладок (табл. XXII — 3). На обеих коленных чашечках лежали пряжки-сюльгамы (табл. VIII — 3), а на костях стоп — медные пряжки от обуви (табл. XXIII — 8). Здесь же была медная сюльгама (табл. VIII — 2), видимо, от пояса.

В ногах в могильную яму положены железные топор (табл. XXIV — 8), копые (табл. XIX — 2), два железных крючка и медное колечко (табл. X — 12). Под этими вещами сохранились куски дерева от гроба.

Погребение 6 (уч. ЕЖ/2). Могильная яма имела длину 190 см, ширину в северной стороне 60 см и в южной — 75 см. На глубине 67 см лежал костяк, ориентированный головой на ССВ. Череп свернут влево, к востоку. Кости рук согнуты в локтях и кисти уложены на таз. Около нижнего конца берцовых костей правой ноги 6 костяных наконечников стрел лежали остриями книзу (табл. XXI — 9, 11). На тазовых костях слева — медная пряжка от пояса (табл. IV — 8). Несколько ниже — обломки кривого железного ножа (вероятно, типа рис. 13 — 3) и медная накладка (типа верхней части табл. V — 3).

На правой руке — медный перстень из крученой проволоки.

Погребение принадлежит женщине. В засыпи могильной ямы с восточной стороны, на 30 см выше женского погребения, были обнаружены остатки костяка младенца, лежавшего головой также к ССВ.

Погребение 7 (уч. Е/2). Могильная яма имела длину 220 см. Ширина в северном конце 45 см, в южном 80 см. На глубине 50 см лежал костяк головой на ССВ, вытянуто на спине, кости рук уложены вдоль скелета. Вещей в погребении не обнаружено.

Погребение 8 (уч. З/3). Могильная яма имела длину 135 см и ширину в северном конце 40 см, а в южном всего 20 см. На глубине 48 см детский костяк лежал вытянуто на спине, головой на ССВ, кисти рук сложены на тазу. Около правой ключицы — две медные подвесочки и накладка (табл. I — 2, 19). Между фалангами пальцев — обломки медной бляшки.

Погребение 9 (уч. И/3-4). Могильная яма размером 190×73 см и глубиной 30 см. Покойник лежал вытянуто на спине, головой на ССВ. Правая рука слегка согнута в локте, кисть на тазовых костях. Слева между костями рук и таза — железный нож (табл. XIX — 5) в деревянных ножнах, обитых медной обоймой (табл. VII — 4), и железное шило (табл. XVIII — 14). На фаланге среднего пальца левой руки — медный перстень. Около правой кисти — железная пряжка (табл. XXIII — 11) и между бедренными костями — стеклянная бузина.

Погребение 10 (уч. Ж/4). На глиняном грунте большое темное пятно углубления размером 265×195 см. С трудом можно было различить две могильные ямы, расположенные почти вплотную друг к другу, так что в верхних горизонтах почва разрушилась и ямы слились. При углублении границы каждой ямы обозначились более четко. Западная яма — погребение 10 (рис. 49) имела размеры 222×68 см при глубине 65 см. Костяк женщины в возрасте около 20 лет лежал вытянуто на спине, головой на С, с очень небольшим отклонением к В. Череп лежал на правом боку. Левая рука слегка согнута в локтях, а кисть находилась на тазовой кости. Правая рука вытянута вдоль скелета.

В нижней части груди, справа — железный нож и шило (табл. XVII — 5). Остальные вещи в погребении относятся к украшениям костюма. На голове погребенной была одета шапочка, украшенная в направлении от лба к затылку полоской из медных накладок с колечками (табл. XXII — 1) и соединявшаяся сзади с наконником треугольной формы. Наконник сплошь украшен мелкими медными обоймочками (табл. IX — 6), нанизанными на ремешки, которые собраны лентами по три в ряд. Каждая такая лента из трех рядов обоймочек скреплена обжимными пластинками. В центре наконника — большая цилиндрическая бусина из синего стекла (рис. 32). Среди многочисленных медных обоймочек наконника есть штук 15—20 из золота. На груди — медная гривна (табл. XXII — 9). На среднем пальце левой руки — перстень (табл. II — 3).

Многочисленные бусы и медные вещицы на груди составляли одно нагрудное украшение. В верхней части этого набора, справа и слева, находились по три медных подвески (табл. I — 3), от которых спускались низки стеклянных бус, по краям черных, в середине желтых. Кольца подвесок соединялись медной цепочкой, от середины которой спускался набор из 2-х медных планок и медной подвески, сплетенной из проволоки с закрученными в спираль кольцами. Нижняя часть нагрудного набора состояла из 4 вертикальных рядов различных бус и бисера и одного горизонтального ряда бус, над которыми пришито по медному витому кольцу (табл. I — 8).

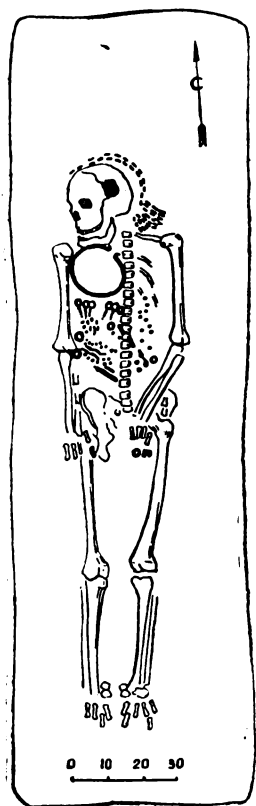

Рис. 49. Азелинский могильник. План погребения 10.

Рис. 50. Азелинский могильник. План погребения 11.

Погребение 11 ((уч. Ж/4 рис. 50). Могильная яма обозначалась четко лишь на глубине 40 см. Выше она сливалась с ямой соседнего погребения 10. Размер могильной ямы 223×67 см. Костяк жен-

шины 30—35 лет лежал на глубине 83 см вытянуто на спине, головой на ССВ. Обе руки вытянуты вдоль скелета. Погребение очень богато украшениями костюма. На голове погребенной была одета шапочка из ткани, по краю которой нашита полоска кожи, украшенная внизу лентой из накладок (табл. IX — 1), перемежающихся с обоймочками, и вверху лентой из трех рядов обоймочек (табл. IX — 6). Под затылочными костями и верхними позвонками — большой наконсник полукруглой формы, целиком обшитый вертикальными рядами медных обоймочек. В ширину их было 50 рядов, в высоту до 10 см. Обоймочки нашиты на тонкие кожаные полоски и собраны в ленты по три в ряд (рис. 31 — 1). Справа от черепа — височная спиральная подвеска из простой проволоки в 8 витков (табл. XXII — 2). На груди сверху — две медные гривны (табл. III — 2; XXII — 10). На правой руке — медный браслет, на левой — железный (табл. XXII — 12, 13). На пальце левой руки — медный перстень (табл. II — 1). Около кисти левой руки — плоский медный прут, один конец которого отломлен (браслет? табл. XXIII — 3), и две полоски из медных обоймочек (табл. IX — 6). В области живота на позвонках — железный нож и шило (табл. XVII — 5; XVIII — 14). Между бедренными костями — крупная эполетообразная поясная застежка из тонкой меди, наклепанной на берестяную пластинку. Крючок застежки из железа (рис. 4 — 2). Слева на груди, у руки, — медный футлярчик (рис. 8). На ногах сохранились железные пряжки и наконечники ремней от обуви (табл. V — 16; XXIII — 7). Остальная масса вещей — бусы и медные поделки — относятся к нагрудному украшению и поясному набору. В области живота, таза и около бедренных костей вдоль костяка лежала полоса из бус — пять голубых шестигранных крупных (дл. 1,5 см) в горизонтальный ряд и между рядами мелкий бисер красного и зеленого цвета, также в пять рядов (дл. 1,5 см). Таких чередований зафиксировано 17 и общая длина этой полосы бус около 50 см. В нижнем конце она заходит за эполетообразную застежку, лежавшую между бедренными костями. Половина бус украшала, вероятно, пояс. Нагрудные украшения состояли из трех наборов. Справа и слева — наборы из трех подвесок (табл. I — 3), вниз от которых свисали по краям низки бус и в середине медная цепочка. На концах этих низок висели круглые плетеные медные кольца с тремя напускными бусинами (табл. I — 9). Между этими наборами на середине груди свешивалась полоска из обоймочек с медной подвеской-пластинкой на конце (табл. XXII — 7). Сохранились остатки ткани от шапочки и кусочки тонкой светлой кожи под медным футлярчиком. Под головным убором лежала рогожа мелкого плетения. Здесь же сохранились остатки деревянного гроба.

Погребение 12 (уч. М/1—2, рис. 42, 51). Могильная яма длиной 260 см, шириной 80 см и глубиной 90 см. Костяк лежал вытянуто на спине, головой на С, с очень небольшим отклонением к В, руки вдоль тела.

Справа у черепа — три костяные втулки (табл. XVII—1, 2). Справа

из проволоки. На груди—медная гривна (табл. III—4) и две бусины.

Погребение 14 (уч. Н/2, рис. 52). Остатки костяка ребенка очень плохой сохранности находились на глубине 30 см, в 40 см к за-

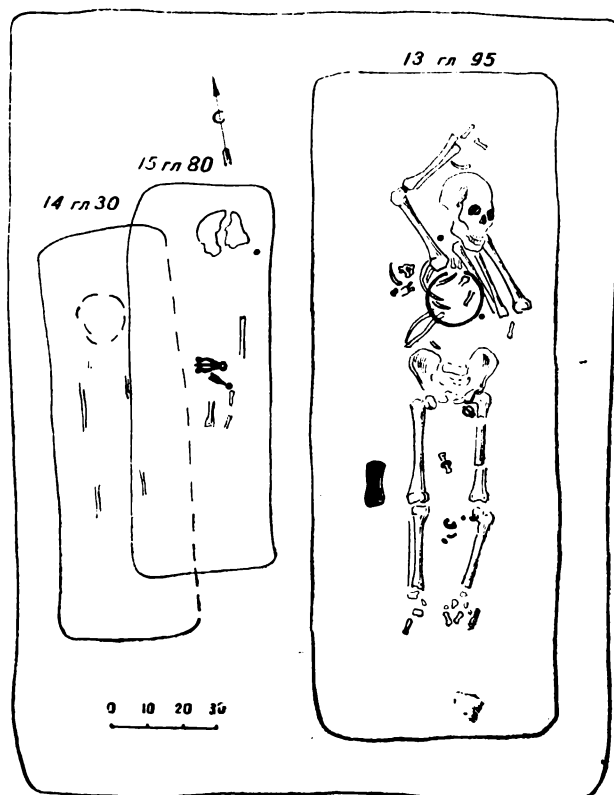

Рис. 52. Азелинский могильник. План погребений 13—15.

паду от могильной ямы погребения 13. Могильная яма размером 115×40 см частично перекрывала сверху могильную яму погребения 15, лежавшего на 50 см глубже. Костяк ориентирован на С, при нем несколько разрозненных вещей: обломки пронизки-трубочки, медного колечка и краснопастовые бусы.

Погребение 15 (уч. Н/2, рис. 52). Могильная яма размером 110×10 см находилась в 10 см к западу от могильной ямы погребения 13, под могильной ямой погребения 14. Детский костяк очень плохой сохранности лежал на глубине 80 см головой на ССВ. Слева от черепа — бусина и у таза — медная пряжка и наконечник (табл. V—16; XXIII—7).

Погребения 16, 17, 18 (уч. О/2, 3, рис. 53). На глубине до 30—40 см могильная яма имела размеры 175×140 см. В яме было три

костяка, из которых у двух западных—одна могильная яма, у восточного, вводного, яма несколько большего размера. Все костяки ориентированы головой на С. Восточный костяк (погр. 18) лежал на глуби-

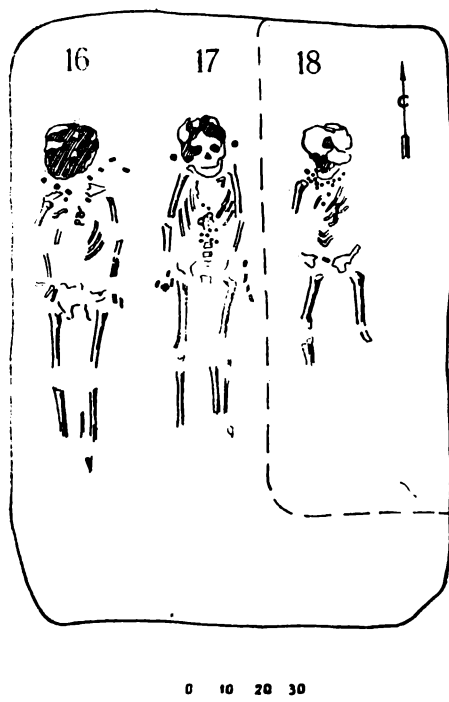

Рис. 53. Азелинский могильник. План погребений 16—18.

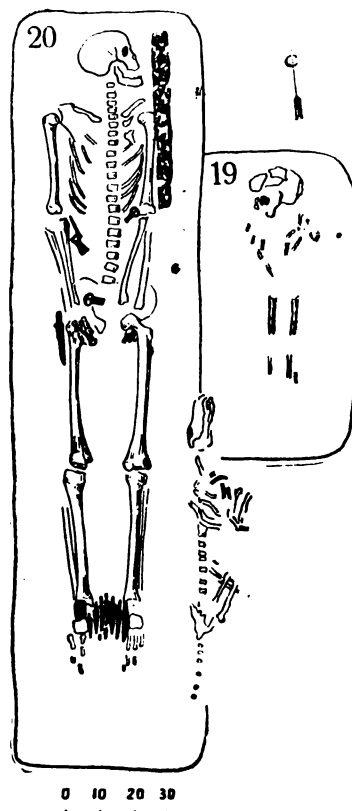

Рис. 54. Азелинский могильник. План погребений 19—20.

не 75 см, остальные на глубине 60 см. У всех трех руки слегка согнуты в локтях. По возрасту (судя по размерам костей) погребение 18 принадлежит самому молодому, соседнее с ним погребение 16—более старшему и следующее погребение 17 — еще более старшему. В погребении 16 по обе стороны от черепа — две бусины, на груди — три медные подвески (табл. 1—2), обломки железной вещи и несколько бус. На пальце правой руки — медный перстень из поясной накладки (типа табл. IX—5). На груди погребения 17—шесть медных подвесок (табл. 1—2) и несколько бус около черепа.

При погребении 18 около черепа, снизу, — бусы и на груди — медная подвеска (табл. XXII—7). У таза — обломок медного перстня.

Погребения 19, 20 (уч. РС/2—3, рис. 36, 54). В верхних 70-

ризонтах на глубине 20—25 см прослеживались неясные очертания большого углубления, под которым было два погребения. Длину могильной ямы погребения взрослого (№ 20) не удалось зафиксировать. Ширина ее в северном конце 55 см. У ног покойного она несколько шире.

Могильная яма детского погребения № 19 без вещей примыкает с востока к яме взрослого. Детское захоронение было совершено после взрослого на глубину 40 см.

Костяк погребения 20 лежал на глубине 90 см вытянуто на спине, головой на С, с небольшим отклонением к В. Руки слегка согнуты и кисти лежат на тазовых костях. В северо-восточном углу могильной ямы сохранились остатки обугленного дерева от гроба. В юго-восточной стороне могильной ямы лежал костяк собаки, положенной при захоронении между гробом и стенкой могильной ямы. При погребении найдены: в нижней части груди слева — медная пряжка (табл. IX—12) и справа — наконечник от ремня (табл. XXIII—6, 13), на тазовых костях — железная пряжка (табл. IX—12) и справа от таза — железный нож (табл. XVII—5), на фаланге пальцев правой руки (табл. XXII—8), между костями стопы, — 16 костяных и 1 железный наконечник стрелы и костяная втулка (табл. XVII—2; XXI—4, 9, 11, 19)

2. СУВОРОВСКИЙ МОГИЛЬНИК

В 1929 г. Антропологическая экспедиция МГУ обследовала древний могильник у д. Суворово на р. Вятке (Талицкая, 1952, стр. 25). Подробных сведений об этих обследованиях в литературе нет.

Могильник находится в 1,5 км к западу от д. Суворово Уржумского района Кировской области, которая расположена на левом берегу р. Буя, в 5—6 км от ее впадения в Вятку. Река Буй имеет очень неширокую пойму и долину. Местность кругом холмистая. К западу от д. Суворово поверхность постепенно повышается на протяжении почти 1,5 км, далее находится довольно пологий лог. В средней части этой возвышенности, на полпути от деревни до ее вершины, располагался древний могильник. Никаких естественных ограничений площадка могильника не имеет, поблизости нет ни ручья, ни лога, ни оврага (рис. 1).

Могильник стал известен у населения по целому ряду находок древних вещей и костей. Через площадку могильника проходила когда-то дорога в поля, имевшая довольно глубокую колею. Весной, а также во время дождей ручьи, стекавшие с гор, сильно размывали дорогу и на площади могильника разрушили несколько погребений, вещи из которых были собраны любителями древностей д. Суворово и переданы в Кировский музей.

Сейчас, за исключением полосы старой дороги шириной в 6—8 м, идущей с востока на запад, вся окружающая местность занята пашней.

Раскопки 1955 г. были начаты к югу от старой дороги и здесь обнаружено и вскрыто 31 погребение (рис. 55). К северу от дороги

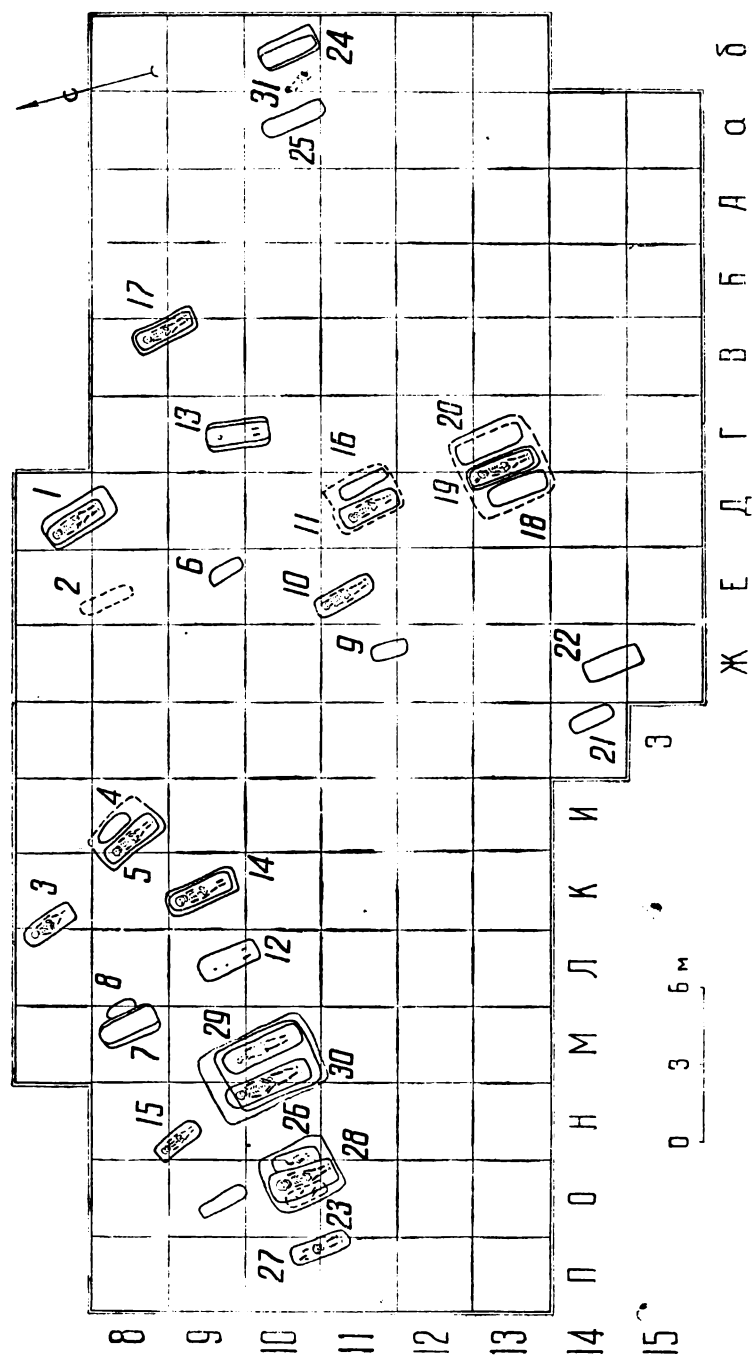

Рис. 55. Суворовский могильник. Общий план раскопок.

(не вскрыта полоса дороги шириной в 6 м) раскопки на площади размером 24×6 м не дали никаких признаков погребений.

Стратиграфия на всей площади раскопа однообразна: под слоем пахоты в 20—25 см лежит плотная темножелтая глина до глубины 60—80 см, глубже залегают прослойки мергелево-известняковой щебенки с плотной светлой глиной.

Погребение 1 (уч. Д/7—8, рис. 39, 56). Очертания могильной ямы правильной прямоугольной формы обрисовались на глубине 40 см. Длина могилы 290 см, ширина 125 см. Глубже яма сильно уменьшалась и у дна на глубине 127 см размеры ее были 240×80 см. Скелет, принадлежащий мужчине 40—50 лет, лежал вытянуто на спине, головой на ССЗ, руки сложены вдоль туловища.

При погребении были следующие вещи: слева вдоль костяка — меч (табл. XIX—11, черенок обломлен, длиной всего 7 см), у основания рукоятки которого — крупная халцедоновая бусина (табл. XXIII—2), железный набалдашник деревянной рукоятки находился на расстоянии 36 см от верхнего конца клинка. Это определяет длину деревянной рукоятки, от которой сохранилось несколько кусков, покрытых сверху красной минеральной краской. Клинок меча находился в деревянных ножнах, также окрашенных в красный цвет. Длина клинка 86 см при ширине 40—47 мм. Примерно у середины клинка — несколько медных накладок от ремешка (табл. V—10), укреплявшего меч, а в нижнем конце — обжимная обоймочка от футляра для проколки или шила. Возможно, что футляр был прикреплен к колчану, лежавшему рядом. В нижнем конце меча — железная пряжка-сюльгама (табл. VIII—3) и рядом с ней — 21 костяной наконечник стрел (табл. XXI—9). Около правой голени — железный топор-кельт (табл. XVI—1) и выше — железный наконечник копья (табл. XIX—1), рядом с ним на бедренной кости — уздечка (типа рис. 7), от которой хорошо сохранились кожаные ремни, обильно украшенные медными накладками (табл. 1—19), у стыков ремней — обжимными пластинами (табл. XVIII—6, 4 экз.), спереди — двумя подвесками (табл. V—13). Железные удила от уздечки (табл. XIX—8) имели на концах четыре медных трензельных петли (табл. XVIII — 10), а каждый из двух поводьев заканчивался медной пластиной с кольцом (табл. XVIII—9). На левой бедренной кости — большой железный нож с лезвием длиной 18 см (табл. XVII—5). Между коленными суставами — две большие бляхи-застежки (табл. IX—10), а на костях стоп обеих ног — железные обувные пряжки (табл. IX—12). На тазовых костях полукругом лежали остатки пояса с 32 медными накладками (рис. 21), справа — медная пряжка и слева — наконечник ремня (табл. IV—1; V—6, 19). На средних пальцах обеих рук — медные перстни (табл. II—1), рядом с кистью левой руки — медный браслет (табл. II—17), может быть, это кольцо от портупей меча?

Погребение 2 (уч. Е/7—8). Контуры могильной ямы обозначились только в ЮЮЗ части. В ССВ стороне могила разрушена. Здесь на разной глубине встречались фрагменты костей человека. В нераз-

рушенной части могилы на глубине 40 см у правой голени — железный топор, воткнутый в землю (табл. XVI—6), и у левой — костяной наконечник стрелы (табл. XXI—9) очень небольшого размера.

Погребение 3 (уч. КЛ/7, рис. 57). Могильная яма размером 220×66 см углублена до 55 см. На дне женский костяк в возрасте 30—35 лет лежал вытянуто на спине, головой на ССЗ, правая рука сильно согнута и кисть на животе, левая вытянута вдоль тела.

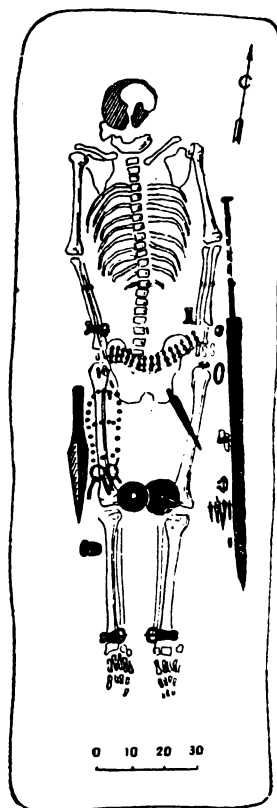

Рис. 56. Суворовский могильник. План погребения 1.

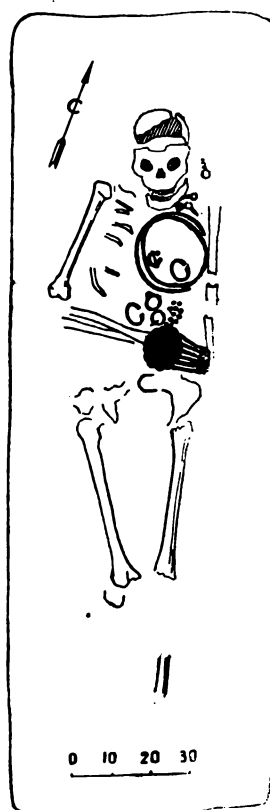

Рис. 57. Суворовский могильник. План погребения 3.

У таза — большая эполетообразная застёжка, конец которой обломлен и сюда приклепан кусок круглой бляхи (табл. VII—1). Выше застёжки, около правой кисти, — железный браслет (табл. II—19), два медных витых кольца (табл. I—8) и несколько бус. На груди — две медные гривны (табл. III—3, 5), в середине которых — медная

сюльгама и железный браслет (табл. II—12; VIII—3). С левой стороны черепа, у нижней челюсти, — три медные височные подвески (табл. I — 1) и небольшая подвеска, сделанная из поясной накладки. На правом плече — кусочек медной проволоки (иголка?). У левого бока — железный нож (табл. XVII — 5, длина клинка 10 см).

Погребение 4 (уч. И/8). Могильная яма размером 150×50 и глубиной 67 см. От скелета ребенка, лежавшего головой на ССЗ, сохранились лишь остатки черепа, ребер и верхних конечностей. На груди — медная гривна (табл. III—1) и стеклянные бусы. Справа — обрывок ленточки из трех рядов медных обоймочек (табл. IX—6).

Погребение 5 (уч. ИК/8, рис. 17, 18, 58). Могильная яма в верхней части вплотную примыкает к яме погребения 4. Размеры ее 267×110 см. В нижней части яма сильно сужается и уменьшается в длину (220×80 см). Глубина могилы 135 см. Костяк женщины лежал вытянуто на спине, головой на ССЗ, руки положены вдоль тела. Несколько выше головы на дне могильной ямы остатки двух берестяных сосудов (бураков или коробочек), в которых находились различные вещи. В одном сосуде — железный ювелирный молоточек, железная наковаленка (табл. XVII—6, 7), две медные заготовки, две небольшие палочки белого сплава (олово или свинец?), каменная литейная формочка для отливки мелких украшений (табл. XVII—9), сломанный железный нож и ряд других железных вещей, испорченных ржавчиной. В другом сосуде — масса медных украшений: накладки для пояса, планки с отверстиями от рамчатых нагрудников, спиральки, проволоочки, бляшки, шейная гривна и два браслета, сломанная лапчатая подвеска, стержни, много бус и бисера (табл. I—12, 16, 17, 19; II—12, 13; III—1; IX—5). В большинстве эти вещи испорчены ржавчиной, спеклись в один комок, от находившихся здесь же каких-то железных предметов.

Выше черепа и под ним огромное количество мелких желтых и красных бус. На голове покойной была одета шапочка из ткани, обшитой по краю полоской кожи, на которую прикреплены медные накладки с колечками (табл. IX — 4) и между ними по 15 рядов медных обоймочек (табл. IX — 6), по три штуки в ряд (рис. 23). Под затылочной костью черепа — остатки наконечника в виде полукруглого мешочка, сплошь обшитого лентами медных обоймочек. Ленты собраны из трех полосок и скреплены периодически обжимными медными полосками (табл. IX — 3). От висков до плеч спускались две нитки мелких синих и желтых бус. На конце этих ниток висели медные височные подвески (табл. I — 6), слева — четыре и справа — две штуки. Кроме того, сюда же подвешивались медные кольца (по 2 шт.) с напускными бусами (табл. I — 9). Вокруг шеи ожерелье из крупных синих и прозрачножелтоватых стеклянных бус. Спереди в составе ожерелья — две халцедоновые подвески в виде дисков с медными ушками (типа рис. 29). В верхней части груди три медные гривны (табл. III — 1, 4) и несколько ниже — медная нагрудная пластинка с изображением девяти фигур лошадок, по три в ряд (табл. XII). От локтей до плеч и по-

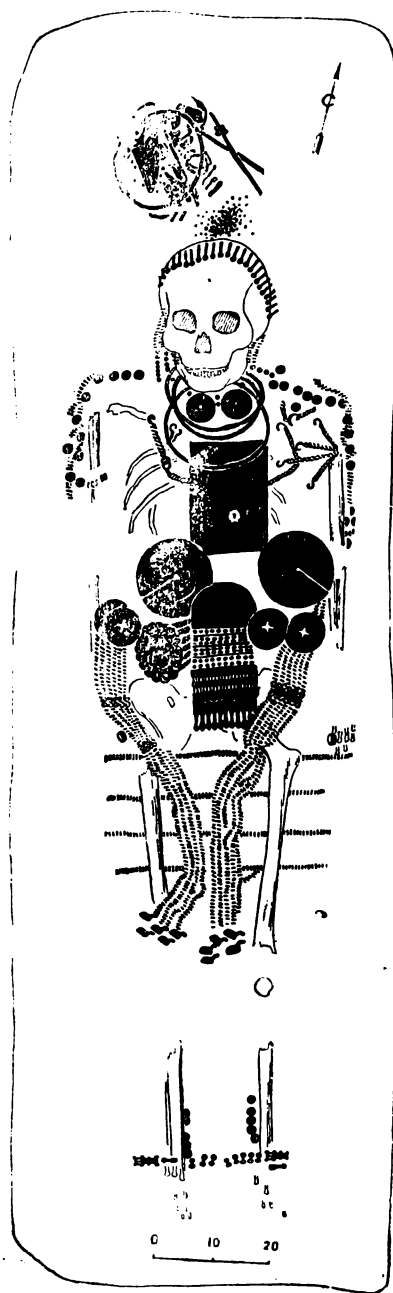

Рис. 58. Суворовский могильник.
План погребения 5.

перек спины, у воротника, к костюму был пришит ряд круглых бляшек (табл. 1 — 16), по обе стороны от которого пришито по полоске с медными обоймами (табл. IX — 6). В нижней части груди (рис. 18) на нагрудной пластинке с обеих сторон — две медные бляхи (табл. IX — 11), а между ними и на одной из них — верхняя пластина от передника, спускавшегося вниз до бедренных костей (табл. XV — 1). Под передником и под тазом — остатки пояса, справа имевшего эполетообразную застежку (табл. VI — 1). На бедренных частях пояса украшали с обеих сторон по два халцедоновых диска — накладки, прикрепленные крестовидными бляшками (табл. X — 9, 10). Вся остальная часть пояса сплошь покрыта медными накладками (табл. IX — 5, рис. 59). Под халцедоновые диски подложена толстая береста, окрашенная (прокопченная) в черный цвет, что дает молочно-белому халцедону особый синеватый красивый оттенок. Поверхность кожи пояса, довольно хорошо сохранившаяся, окрашена в яркокрасный цвет, очевидно, минеральной краской. От бедренной части пояса, где прикреплены халцедоновые накладки, вниз до колен с каждой стороны спускалось по пять тонких ремешков со сплошь нанизанными обоймочками. В верхней части ремешки скреплены поперечными планками (табл. X — 1, 3, 4), а в конце каждого ремешка — медная фигурка-уточка (табл. X — 6). На пальцах рук — три медных перстня (табл. II — 1, 3). Под бедренными костями, поперек могильной ямы — четыре ряда медных обоймочек, составлявших обшивку нижней части верхней одежды. Под берцовыми костями каждой ноги (рис. 35) — по 5 медных

бляшек в один вертикальный ряд (табл. X — 13), ниже которых, на пятке — прямоугольник из медных обоймочек (7 вертикальных рядов по 6 см высоты). У пяток были кожаные ремешки, украшенные медными накладками, а спереди — пряжкой с наконечником (табл. IV — 5; V — 7; 15). Во многих местах на дне могильной ямы сохранились остатки деревянного гроба, дно которого было выстлано рогожей мелкого плетения (ширина полосок 5 мм).

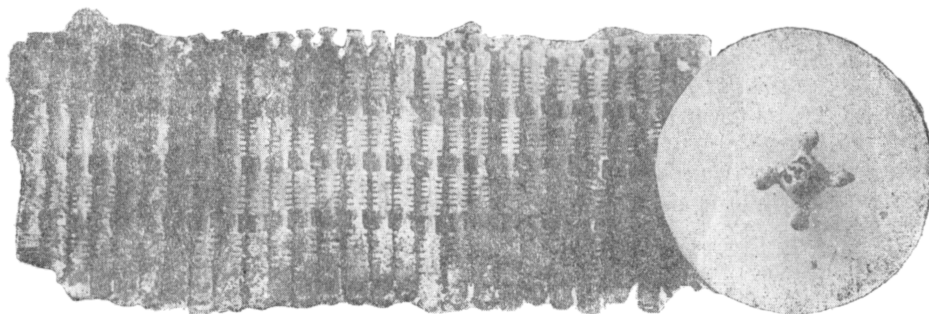

Рис. 59. Фрагмент пояса из погребения 5.

Погребение 6 (уч. Е/9). Могильная яма размером 130×46 см углублена на 80 см. Детский костяк очень плохой сохранности лежал вытянуто на спине, головой на ССЗ. На груди — медная подвеска (табл. I — 11) и у левого бедра — обломок медного пластинчатого перстня.

Погребение 7 (уч. М/8). Контуры могильной ямы почти правильной четырехугольной формы. Ширина ее в верхней части 100 см, длина 200 см. На глубине 105 см ширина могилы 55 см. Кости в беспорядке были смещены в северную половину могилы. Костяк лежал, очевидно, головой на ССЗ. Украшения также разбросаны по могиле без относительного порядка. В погребении найдены: бисер и бусы, разбросанные по всей яме, обломки медных спиральновитых височных подвесок (табл. I — 2), три медные фигурки уток и обоймочки (табл. IX — 6; X — 6), обломок железного наконечника стрелы и две железные пряжки (типа табл. IV — 2, но задние пластины несколько длиннее).

Погребение 8 (уч. ЛМ/8). Могильная яма размером 120×53 см вплотную примыкает в верхней части к восточной стороне могильной ямы погребения 7. На глубине 50 см несколько фрагментов от костяка подростка (ребра, бедренные кости), ориентированного головой на ССЗ. Около ребер — две застешки-сюльгамы (табл. VIII — 2, 3), а около левой бедренной кости — небольшое медное колечко из проволоки, согнутое в полтора оборота.

Погребение 9 (уч. Ж/11—12). Могильная яма размером 140×50 см ориентирована на ССЗ—ЮЮЗ. На глубине 47 см лежали остатки разрушенного детского костяка. Среди костей — мелкие обломки железных и медных вещей.

Погребение 10 (уч. Е/10—11, рис. 60). Скелет подростка лежал на глубине 80 см в могильной яме размером 230×80 см, ориентирован головой на С, с очень незначительным отклонением на З, руки вытянуты вдоль тела. Положение остатков скелета производит впечатление, что погребенный был сильно стиснут с боков и лежал в своеобразном ложе в виде корыта. Дно могильной ямы овальное. Кости рук значительно выше костей позвоночника. Вероятно, захоронение произведено в деревянной колоде.

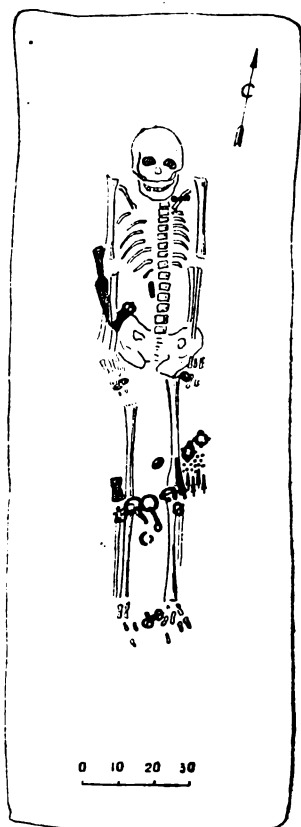

Рис. 60. Суворовский могильник. План погребения 10.

Около правой колена воткнут железный топор (табл. XVI — 8) рукоятью в сторону головы. Здесь же были железные удила (табл. XIX — 9), железная пряжка с медным язычком (табл. IV — 12), крупная стеклянная бусина и на каждой коленной чашечке по медной скульгаме (табл. VIII — 2, 3). Около левой голени — семь костяных наконечников стрел (табл. XXI — 9, 12, 16), обломки железного ножа, кучка желтых бус и две медные кольцевые подвески (табл. I — 10). Несколько ниже таза — медная поясная пряжка и наконечник ремня (табл. IV — 2; V — 18). На указательном и среднем пальцах правой руки и указательном левой — медные перстни (табл. II — 2, 6, 7), около правого локтя — железный наконечник копья, острием к ногам (табл. XIX — 2), и на левой ключице — медная подвеска (табл. V — 4). На правой стопе — железная обувная пряжка (типа табл. IV — 8, но без расширения на конце пластины).

Погребение 11 (уч. Д/11, рис. 61). Могильная яма размером 230×70 см. На глубине 90 см лежал костяк вытянуто на спине, головой на север, с небольшим отклонением на З, руки вытянуты вдоль скелета. Погребение принадлежит подростку-девочке. Сохранность костей очень плохая.

Вокруг черепа — большое количество мелких синих, желтых и позолоченных бус и на черепе — обрывки кожаной полости с медными обоймочками (табл. I — 15). Это остатки обшивки шапочки. Около нижней челюсти — медная подвеска (табл. V — 5), а рядом, в верхней части груди — медная гривна (табл. III — 5), пять височных подвесок (табл. I — 2) и семь медных кольцевых подвесок (табл. I — 10). В нижней части груди — прямоугольный рамчатый нагрудник из медных пластин и бус (табл. XIII, с обеих сторон которого по две медные бляхи (табл. VIII — 4). С правого бока, от бедер вниз, лежа-

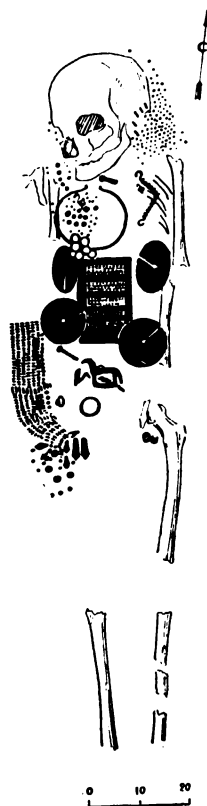

Рис. 61. Суворовский могильник.
План погребения 11.

ла широкая полоса из медных украшений — медных обоймочек (табл. IX — 6), нанизанных на 8 ремешков, на концах которых медные пластинчатые подвески (табл. I — 13). Поперек ремешков с обоймочками, в средней части, нашита кожаная полоска с медными пластинками (табл. I — 14). Вдоль полосы медных украшений можно было проследить несколько рядов бус. Все это вместе взятое, по всей вероятности, составляло украшение передника, сильно смещенного в правую сторону. Верх передника украшал, очевидно, конек (табл. X — 8), лежавший ниже нагрудника. У таза находились обломки железной пряжки, железного ножа, кольцо, стержень и подвеска (табл. V — 2; X — 11, 12). На указательном и среднем пальцах правой руки по перстню, на левой — еще три (табл. II — 3, 4, 10).

Погребение 12 (уч. Л/9—10). Темное пятно могилы на глубине 30 см было вытянуто в направлении СЮ и имело размеры 285×125 см. При дальнейшем углублении оказалось, что могильная яма глубиной 140 см расположена в направлении ССЗ—ЮЮВ. Размеры ее 250×80 см. На дне могилы — отдельные разбросанные кости человека и обломки различных вещей: медных накладок, бляшек, подвесок и железного ножа, пряжки, наконечники стрел (табл. I — 9, 16, 18). В таком же беспорядке в погребении стеклянные бусы. Таким образом, вполне ясно прослежено, что погребение уже раньше было раскопано.

Погребение 13 (уч. Г/9—10). Могильная яма размером 230×110 см. На глубине 80 см ширина могилы 70 см. Мужской костяк лежал вытянуто на спине, головой на ССЗ, руки вытянуты вдоль тела, но фаланги между бедренными костями. Здесь же был железный нож (табл. XVII — 5) и около коленных чашечек — два кусочка железа (возможно, от пряжки).

Погребение 14 (уч. К/9, рис. 62). Очертания могильной ямы в верхних горизонтах сильно нарушены. По направлению к погребению 5 было углубление, в котором найдена халцедоновая накладка и медная подвеска. На глубине 40 см размер ямы 280×100 см. У дна могильной ямы, на глубине 70 см, ее размеры 230×80 см. Восточная сторона погребения в средней части нарушена. Костяк подростка — девочки

лежал вытянуто на спине, головой на ССЗ. Половина левой руки, таза и ноги отсутствуют. Правая рука слегка согнута в локте.

Слева от черепа и под ним — масса мелких бус от головного убора. Ожерелье вокруг шеи состояло по бокам из 3 ремешков с медными обоймочками (табл. IX — 6), а в середине — из крупных бус и халцедоновой подвески (рис. 24). Слева от челюсти — медная сюльгама (табл. VIII — 3). На груди сверху положены две медные гривны (табл. III — 2, 3). Под гривнами — рамчатый нагрудник из медных пластин и длинных голубых шестигранных бус (табл. XIV), большинство которых разбросано по всему погребению. На нагруднике справа — пять и слева — три медных височных подвески (табл. I — 3, 4, 7). Выше нагрудника были две арочные подвески (табл. XI — 5). К правой подвеске снизу было прикреплено шесть ремешков, сплошь унизанных медными обоймочками. На расстоянии 6 см от подвески ремешки продеты в поперечную планку (табл. X — 2), скреплявшую их между собой. Ниже планки на 47 см ремешки свободно свисали и на конце каждого была медная уточка (табл. X — 6). Левая арочная подвеска имела, очевидно, такой же набор, но он исчез при ограблении могилы. Он него происходят многочисленные обоймочки и шесть медных лапчатых подвесок (табл. V — 1), разбросанных по погребению. Оба набора с арочными подвесками относились, вероятнее всего, к украшению передника.

Справа и слева от нагрудника и частично на нем — две бляхи-застежки (табл. VIII — 4). Третья такая же бляха-застежка — между берцовыми костями. С правой стороны таза сохранился обрывок пояса, сплошь украшенного медными накладками и халцедоновой накладкой-диском. (табл. IX — 5; X — 9). Вторая халцедоновая накладка с левой стороны пояса найдена в грабительском перекопе. От обуви сохранились обрывки тонкой кожи под пластинами, которые украшали носки (рис. 34). Интересно отметить, что пластины хорошо различались асимметрией носков правой и левой ноги. На пятках нашит прямоугольник из медных обоймочек (6 вертикальных рядов по 6 см длины). Ремешки обуви украшены сбоку медными накладками и спереди — пряжками и наконечниками (табл. IV — 5; V — 7, 15). Сзади, от обоймочек вверх, пришито по четыре медных бляшки (табл. X — 13). Слева от украшений обуви — медный браслет (табл. II — 14). В разрушенной части могилы найдены медная сюльгама (табл. VIII — 3) и кольцевая подвеска с цепочкой (табл. I — 7).

Погребение 15 (уч. Н/8—9, рис. 63). Могильная яма размером 165×75 см. На глубине 120 см лежал детский костяк, ориентированный головой на ССЗ. Руки вытянуты вдоль тела. На груди — медная гривна и застежка-сюльгама (табл. III — 5; VIII — 1), а несколько ниже — медная пряжка с наконечником (табл. IV — 10; V — 14). Около левого бока остатки деревянных ножен, украшенных медными пластинами (табл. XIX — 6). Здесь же — медная пряжка с наконечником (того же типа, что на груди) и ремешок с медными накладками (табл. V — 11 — 1 экз, 9 — 4 экз, 12 — 1 экз). В ножнах были же-

лезный нож и костяной стержень — проколка (табл. XVII — 5, 8). В южном конце могилы, у ног — железный топор-кельт (табл. XVI — 3).

Погребение 16 (уч. ГД/11). Могильная яма расположена всего в 30 см к востоку от погребения 11. Размеры ее 170×40 см. На глубине 40 см — фрагменты костей рук от погребенного, лежавшего головой на ССЗ. Остальные кости не сохранились. Приблизительно у таза — кучка бус, несколько выше — медный пластинчатый перстень, обломки железного ножа и шила.

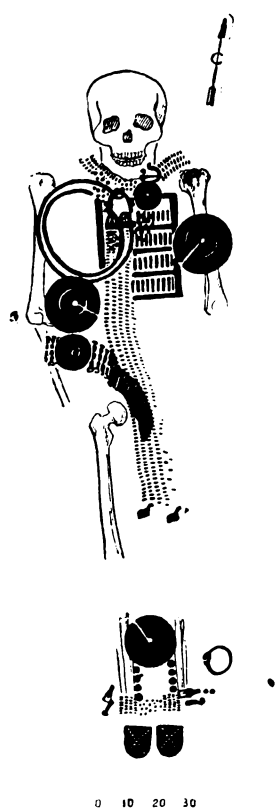

Рис. 62. Суворовский могильник.
План погребения 14.

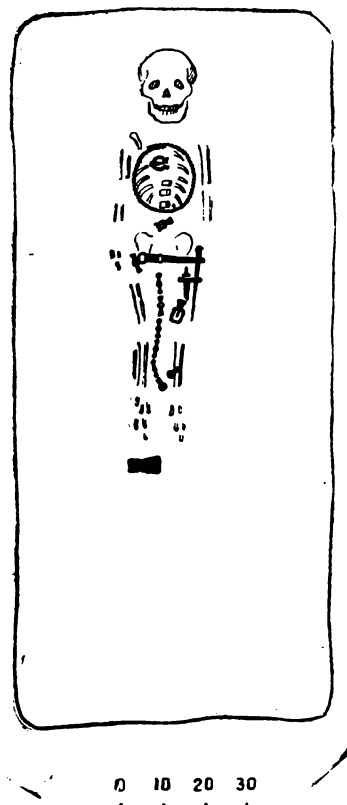

Рис. 63. Суворовский могильник.
План погребения 15.

Погребение 17 (уч. БВ/8—9, рис. 64). Очертания могильной ямы в верхней части значительно шире, чем у дна. Ширина ее здесь 80 см, а у дна — 55 см. Длина могилы вверху 250, а у дна 220 см, глубина 90 см. Костяк мужчины лежал вытянуто на спине, головой на ССЗ, руки вдоль тела, кисти на бедренных костях. У правой стопы — железный топор (табл. XVI — 5), у левого бока — железный меч

(типа табл. XIX — 11, длина клинка 74 см, ширина у рукояти 4,5 см, у острия — 3,5 см, длина черенка — 6 см). У конца меча — железный рыболовный крючок (табл. XVIII — 1), у голени справа — семь костяных наконечников стрел и три костяные втулки (табл. XVII — 1, 2, XXI — 9, 12). У рукоятки меча — крупная стеклянная бусина, украшавшая ножны. Около рукоятки меча на груди — еще два костяных наконечника стрел (табл. XXI — 9, 20) и несколько выше — бусина.

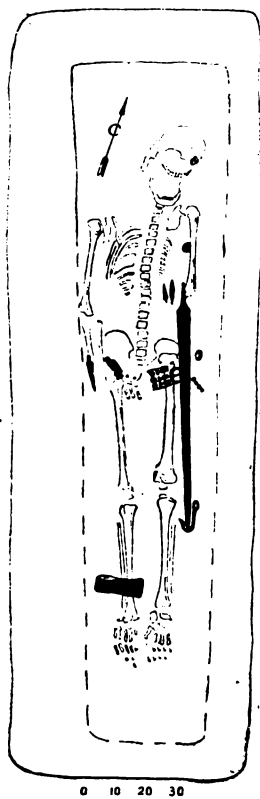

Рис. 64. Суворовский могильник. План погребения 17.

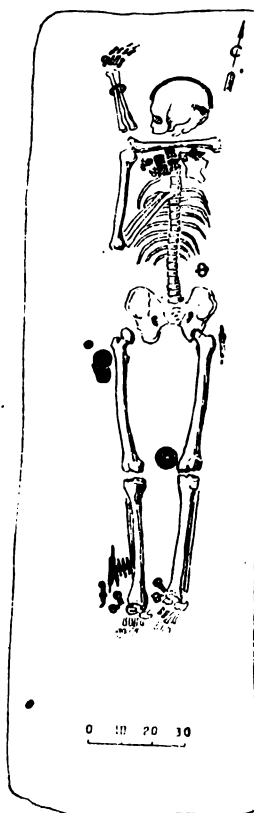

Рис. 65. Суворовский могильник. План погребения 19.

В средней части меча, у тазовых костей, в кучке сохранились остатки пояса: две медные пряжки (табл. IV — 12), 17 накладок (табл. IX—7), медное полукольцо для прикрепления ремешка ножен и наконечник ремня из обрубленных накладок (табл. IX — 5). Справа у бедер — крупный (13 см) железный нож и точильный камень (табл. XVII — 5, 10).

Погребение 18 (уч. Д/13). Могильная яма размером 220×80 см и глубиной 120 см. Костяк плохой сохранности лежал вытянуто

на спине, головой на ССЗ. На груди — несколько сломанных вещей: медные накладки и подвеска (табл. I — 10; IX — 2), железная пряжка, стеклянная бусина и 3 костяных наконечника стрел (табл. XXI — 8, 15). Между верхними концами бедренных костей — медная шумящая подвеска (табл. XI — 2), у левого колена — плоский халцедоновый кружок с медной крестовидной бляшкой (табл. X — 9, 10). Под кружком — берестяная подкладка. На нижнем конце берцовых костей — железные обувные пряжки (типа табл. IX — 12, но без узора). Судя по нарушенности расположения вещей и костей, могила ограблена.

Погребение 19 (уч. ДГ/12—13, рис. 65). Могильная яма размером сверху 255×80 см, а у дна, на глубине 125 см, — 210×60 см. Северо-западный угол могилы нарушен, очевидно, грызунами. Костяк лежал вытянуто на спине, головой на ССЗ. Череп свернут на правый бок. Левая рука, кости которой в полном анатомическом порядке, согнута так, что кисть лежит справа выше черепа. Правая рука также согнута и кисть около черепа. Очевидно, нарушение расположения костей рук следует приписать грызунам, причем это произошло в то время, когда труп еще не разложился.

На левой руке — медный перстень (табл. II — 6, обвит медной проволокой) и железный браслет (табл. II — 15), на правой — перстень (табл. II — 1). В верхней части груди, около шеи, полукругом лежали шесть медных шумящих подвесок (табл. XI — 1). На черепе, от лба до затылка — украшение головного убора в виде полоски тонких железных пластин с медными заклепками. У левого бока — железная пряжка (табл. VIII — 5) и рядом с тазом — железный нож (табл. XVII — 5). Около правой бедренной кости — крупная халцедоновая бусина (табл. XXIII — 2) и такая же накладка-диск с крестовидной бляшкой (табл. X — 9, 10). Под ними — куски бесформенного железа и дерева. У левой голени — халцедоновая накладка-диск (табл. X — 9). Около костей стоп обеих ног — по две железные обувные пряжки (типа табл. IV — 6). Справа от ног — куча вещей: 4 костяных наконечника стрел (табл. XXI — 15), согнутая железная пластинка с обоймой из проволоки и шило-проволока с широким основанием (табл. XVIII — 3, 5).

Погребение 20 (уч. Г/12—13). Очертания могильной ямы довольно значительны — 250×80 см. На глубине 135 см обнаружены остатки разрушенного погребения, ориентированного головой на ССЗ. Кости в большинстве смещены, непотревоженными остались лишь кости стоп в южном конце могилы. Среди костей в беспорядке лежали вещи: небольшие обрывки железной кольчуги, обломок кинжала в деревянных ножнах с медной обоймой, остатки железного шлема из цельного листа с отделкой тонким листовым серебром, что хорошо видно в местах склепки швов, навершие деревянной рукоятки меча из железа с медной накладкой в торце (табл. X — 10); фрагменты деревянных ножен с медными обоймами (типа табл. XIX — 4), две железные пряжки (табл. IX — 13 и типа IV — 2 сломана), кожаный ремешок с медными бляшками-полугорошинами (табл. I — 19), две крупные стеклянные бусины, халцедоновый диск-накладка с медной бляшкой (табл.

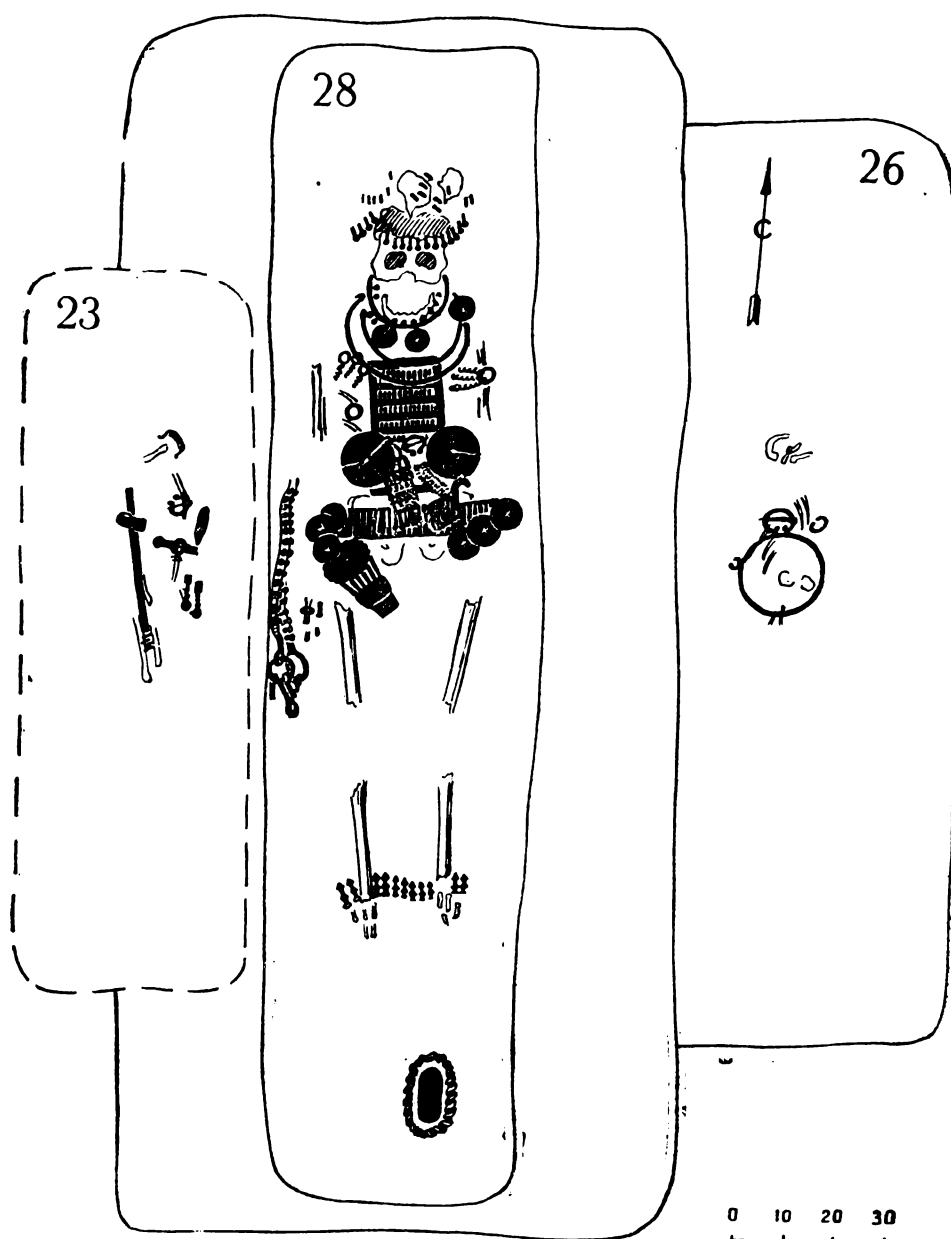

Рис. 66. Суворовский могильник. План погребений 23, 28 и 26.

Х — 9, 10), костяная бляшка-пластинка (табл. Х — 5), два медных перстня (табл. II — 8, 9) и 13 костяных наконечников стрел (табл. XXI — 7, 8, 9, 13, 14, 18).

Погребение 21 (уч. 3/14). Могильная яма размером 160×60 см и глубиной 45 см. Детский костяк плохой сохранности лежал головой на С, с небольшим отклонением к З. Левая рука слегка согнута, кисть на тазовых костях. Справа от черепа — сломанное железное шильце (?), между костями ног — у колен — две медные пряжки и две медные шумящие подвески (табл. IV — 6; XI — 3).

Погребение 22 (уч. Ж/14—15). Могильная яма размером 230×80 и глубиной 60 см ориентирована в направлении ССЗ—ЮЮВ. Могила оказалась совершенно пустой.

Погребение 23 (уч. О/10—11, рис. 66). На участке НО/10—11 после снятия первого штыка почвы (30 см) обозначилось большое пятно углубления размером 250×300 см. При дальнейшем углублении здесь обнаружено три погребения (23, 26, 28), из которых основным и наиболее ранним является погребение № 28, рядом с ним и вслед за ним произведено захоронение подростка — № 26 и последним — захоронение ребенка № 23. Могильная яма погребения 23 врезается в очертания могильной ямы 28. Размеры могилы 23 точно определить не удалось. На глубине 50 см лежали остатки детского костяка головой на ССЗ. Справа, около плеча, — железный топор (табл. XVI — 4) и остатки ножен в виде цилиндра (длиной 26 см) с медной обоймой и обжимными кольцами по всей длине. В ножнах был железный стержень. Слева от черепа — железный скобель (табл. XVII — 4), несколько ниже — медная скульгама (табл. VIII — 3) и обломок ножа. Слева у таза — две медные пряжки и наконечники ремней (табл. IV — 8; V — 14).

Погребение 24 (уч. 6/10). Могильная яма размером 220×90 см на глубине 80 см имеет ширину 50 см. Костяк лежал головой на север, руки вдоль тела. На левой руке — медный браслет (табл. II — 16) и у кисти — медная подвеска (табл. I — 10). Вторая подобная подвеска — около правой кисти. Между бедренными костями — железный нож (табл. XVII — 5), стеклянная бусина и сломанная железная пряжка. На коленных чашечках каждой ноги — по медной скульгаме (табл. VIII — 3). Около правой стопы — железный втульчатый топор (табл. XVI — 2).

Погребение 25 (уч. а/10). Могильная яма размером 235×70 см. На глубине 110 см остатки костяка (правая нога, часть руки и зубы), лежавшего головой на С с небольшим отклонением к З. В ногах бесформенные спекшиеся кусочки железа — остатки обувных пряжек (табл. IV — 12), наконечников ремней и, возможно, накладок.

Погребение 26 (уч. НО/10, рис. 66). Могильная яма размером 180×55 см (подробно см. описание погр. 23). На глубине 60 см — остатки детского костяка. На груди — медная гривна и скульгама (табл. III — 6; VIII — 2). На обеих руках — медные браслеты (табл. II — 18, второй экземпляр без орнамента).

Погребение 27 (уч. ОП/10—11, рис. 40, 67). Могильная яма размером 210×80 см и глубиной 105 см. Погребение разрушено, не потревожены только кости ног. Череп в середине могилы. Погребенный был уложен головой на ССЗ. В северном конце — большой спекшийся комок кольчуги, весом около 13 кг. Кольчуга лежала в конце гроболоды у продольной стенки и сохранила форму угла гроба (рис. 38—2). В противоположном конце гроба, у ног, лежал железный шлем (табл. XX—1, рис. 37—2). Остальные вещи были в беспорядке: 15 ко-

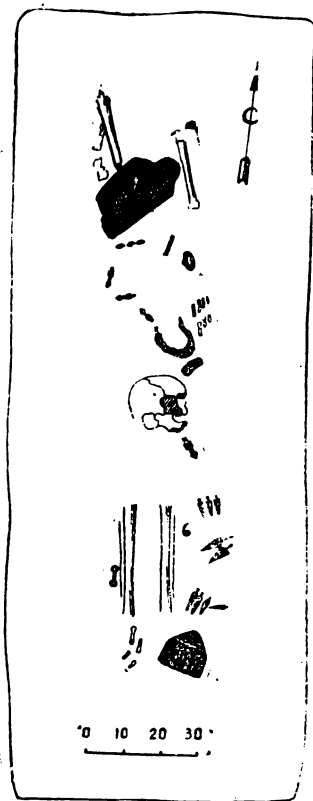

Рис. 67. Суворовский могильник. План погребения 27.

стоянных и 2 железных наконечника стрел (табл. XXI—2, 6, 9, 11), костяная втулка, точильный брусок (табл. XVII—2, 11), медные накладки (табл. IX—8), стеклянная бусина, обломки накладок от ножен и втульчатого железного шила (табл. XVIII—5), обломки накладок от уздечки, железный крючок. На кольчуге следы рогожи.

Погребение 28 (уч. О/10—11, рис. 44, 45, 66). Могильная яма имела сверху размер 240×110 см. У дна, на глубине 145 см, ее размеры 230×53 см (подробности см. в описании погребения 3). Женский костяк лежал вытянуто на спине, головой на ССЗ. Сохранность костей очень плохая.

В южном конце могилы — остатки берестяной коробочки овальной формы, в которой были кусочки кожаной шапочки с отделкой по краю из полоски медных накладок и обоймочек (табл. IX—1). Справа у бедер — уздечка с медными накладками, трензелями, железными удилами, аналогичная по устройству уздечке из погребения 30, но кольца удила крупнее, диаметром 5 см (табл. I—19; XVIII—7, 8, 10, 12; XIX—9). Остальные вещи от украшений костюма: на черепе — остатки шапочки, отделанной по краю обоймочками и накладками (табл. IX—1, 6) в обычном стиле. Верхний край этой полосы украшен бусами — по 4 синих стеклянных цилиндрических в ряд, между которыми — мелкий бисер (рис. 31—2). Кроме того, вокруг черепа и под-

затылочной костью — большое количество стеклянных бус, бисера и мелких медных обоймочек. Все это — остатки наконечника и украшения шапочки. Вокруг шеи — медная гривна (табл. III—5) с нанизанными крупными стеклянными бусами и тремя халцедоновыми кружками-подвесками спереди (рис. 29). Еще три гривны были на груди (табл. III—4, 5, 7). Рядом с гривнами, справа и слева, шесть медных височных подвесок (табл. I—1, 2, 4, 5), бусы и кольчатые подвески с на-

пускными бусами (табл. I—9). На груди медная нагрудная пластина, аналогичная пластине из погребения 5 (табл. XII), но орнамент вокруг не из трех рядов точек, а из двух. На нижних концах нагрудника с каждой стороны — большие бляхи-застежки (табл. IX—11), между ними — медная сьюльгама (табл. VII—1), левее — три ремешка длиной по 7 см, унизанные обоймочками, и на конце их скульптурная фигурка коня (табл. X—7), правее — арочная подвеска (табл. XI—4), от которой спускаются 5 ремешков (шестой ремешок утерян) с 12 нанизанными обоймочками и лапчатой подвеской (табл. V—1) на конце каждого ремешка. В середине ремешки перехвачены поперечной планкой (табл. X—1). Оба набора украшали передник, прикреплявшийся к груди медной сьюльгамой (рис. 25). Под украшениями передника — остатки железного ножа в ножнах (табл. XIX—5) и ниже — хорошо сохранившийся поясной набор (рис. 15). Кожа пояса окрашена в яркокрасный цвет, на спинной части сплошь покрыта медными накладками (табл. IX—5), на бедрах с каждой стороны по три халцедоновых накладки-диска с медными бляшками (табл. X—9, 10) и спереди — эполетообразная застежка (табл. VII—2). На пальце правой руки — медный перстень (табл. II—1). Сохранились остатки кожаной обуви, окрашенной в красный цвет, медные обувные пряжки обычного типа (сломаны), на пятках — прямоугольники из обоймочек (как в погребении 14) и ремешки с медными накладками (табл. IX—9).

Погребение 29 (уч. М/9—10, рис. 68). После снятия первого штыка обозначилось большое углубление размером 370×275 см. На глубине 50—60 см размеры ямы находились в пределах 285×210 см. Глубже обнаружены могильные ямы двух погребений (29, 30) на расстоянии 65—75 см друг от друга. Размеры могильной ямы погребения 29 у дна, на глубине 165 см, были 255×60 см. Костяк лежал вытянуто на спине, головой на ССЗ, руки уложены вдоль тела.

На груди — медная гривна (табл. III—4), у предплечья левой руки — железное копьё острием к ногам (табл. XIX—3) и ниже — железный нож (табл. XVII—5). Около правой руки на груди — железный кинжал в деревянных ножнах, окрашенных в красный цвет (табл. XIX—7). В нижней части груди, поперек костяка и кинжала, сохранились остатки кожаного пояса: медная пряжка, наконечник и 12 накладок (табл. IV—3; V—6, 17). Здесь же — еще одна пряжка (табл. IV—11) и медное колечко с деревом в середине от футлярчика или ножен. На тазовых костях — медная пряжка и наконечник в виде накладки с подвеской (табл. IV—9; V—3). На пальце правой руки — медный перстень (табл. II—11). У левого колена и несколько выше, между бедренными костями, — 4 накладки от уздечки (табл. XVII—6), а слева — 21 костяной наконечник стрелы (табл. XXI—9, 10), костяной стержень (табл. XXI—17) и железный топор (табл. XVI—9). В ногах — две медные пряжки и наконечники от обуви (табл. IV—7; V—16).

Погребение 30 (уч. МН/9—10, рис. 41, 68). Могильная яма размером у дна 260×69 см имела в изголовье небольшой подбой —

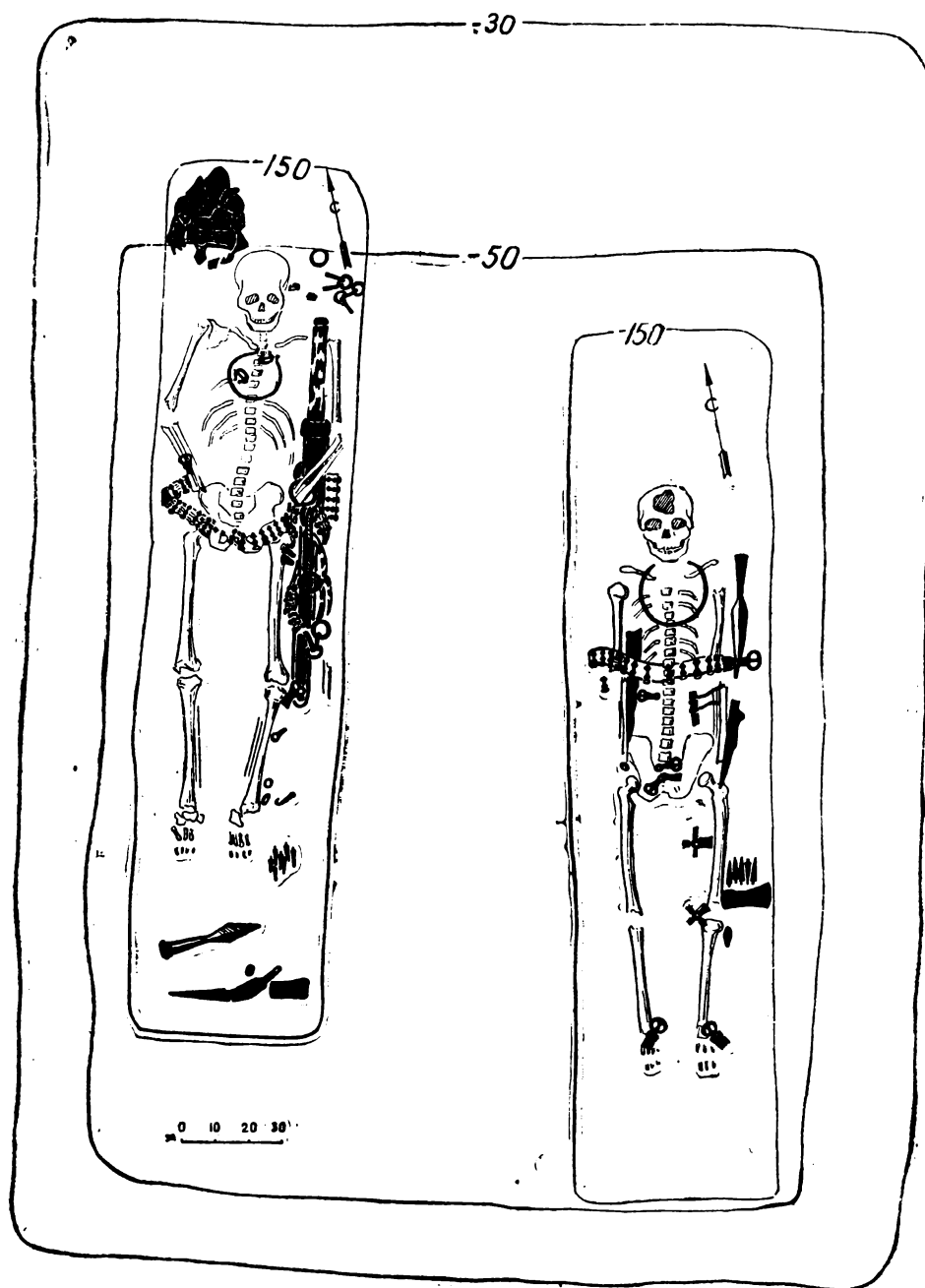

Рис. 68. Суворовский могильник. План погребений 29 и 30.

нишу глубиной до 25 см (подробное описание устройства могильной ямы дано в описании предыдущего погребения). На глубине 160 см лежал мужской костяк хорошей сохранности головой на ССЗ, руки согнуты в локтях и кисти на тазовых костях. В изголовье, справа от черепа, — железный шлем с медным ободом (табл. XX—2, рис. 37—1), слева — остатки удила из двух железных колец с двумя медными планками, но без мундштука (табл. XVIII—9, 10), и медное кольцо (табл. X—12). На груди — медная гривна и две сьюльгамы (табл. III—8; V—3). На тазовых костях сверху положен поясной набор из пряжки, наконечника, 32 накладок и длинной накладки (табл. IV—4; V—6, 8, 17). Кожа пояса по диагонали крест-накрест украшена процерченным узором (типа рис. 23). На левой руке — медный браслет и серебряный перстень (табл. II—5, 15). Левая рука обнимает меч, положенный сбоку. Клинок меча обоюдоострый длиной 83 см, шириной у рукояти 5,2 см. Деревянная рукоять меча, окрашенная в красный цвет, имела длину 30 см и ширину — 4,3 см. Верхний конец ее покрыт железной пластиной. Меч был в деревянных ножнах, окрашенных в красный цвет. Ножны сверху имели медную оковку (табл. XIX—10). От ножен здесь же был халцедоновый кружок (табл. X—9). Вместе с мечом положен кожаный ремень с сетчатым врезным узором, пряжкой, наконечником и накладками (табл. IV—5; V—6; IX—14), уздечка с медными накладками и удилами (табл. I—19; XVIII—6, 7, 9, 10; XIX—9) и кинжал в ножнах с бусиной. Несколько ниже меча — железная петля и у стопы левой ноги — медная пряжка, железный рыболовный крючок (табл. XVIII—2) и 18 костяных и 4 железных наконечника стрел (табл. XXI—2, 5, 4, 9, 11).

В южном конце могильной ямы — железный наконечник копья (табл. XIX—1), железный топор (табл. XVI—7) и железная коса (табл. XXIV—4). В очень многих местах могилы сохранились остатки дерева от гроба.

Погребение 31 (уч. аб/10). Очертаний могильной ямы не сохранилось. Между погребениями 24 и 25 на глубине 40 см — остатки детского костяка, ориентированного головой на ССЗ. На груди — медная гривна, 4 медные подвески и бусы (табл. I—10; III—4). Ниже — две медные шумящие подвески (табл. II—20) и кожаный пояс, сплошь покрытый медными накладками (табл. IX—5). С левого бока — медная эполетообразная застежка от пояса (табл. VIII—7). Пояс состоит из 2 кожаных полос — нижней толстой и верхней тонкой, окрашенной в яркокрасный цвет.

3. АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА АЗЕЛИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Описание памятников азелинской культуры, известных в настоящее время, приводится как по сведениям, имеющимся в археологической литературе, так и по результатам новых полевых обследований, проведенных в последние годы. Обследования памятников проводились Казанским филиалом АН СССР, Марийской и Удмуртской археологи-

ческими экспедициями. Многие из этих материалов публикуются впервые

Для каждого памятника приводится его административное и географическое местоположение. Нумерация памятников соответствует обозначениям на карте (рис. 3).

1. Тарасова пристань, городище. Тарасова пристань, дер. Кзыл-Юлдузского района Тат. АССР, правый берег р. Камы.

Городище находится в 1,5 км к ЮЗ от пионерлагеря Камского речного пароходства у д. Тарасова Пристань, на одном из мысов правого берега Камы. Площадка городища четырехугольной формы, размером 35—40×30—35 м, с запада укреплена дугообразным валом длиной 45 м, шириной 6—7 м и высотой 1 м и рвом шириной 2,5 м и глубиной 0,75—1 м. В северной части вала находится проезд шириной в 2,5 м. Площадка покрыта густым хвойным лесом. Культурный слой у вала достигает толщины 40 см. Экспедиция КФАН в 1955 г. под руководством А. Х. Халикова в шурфе у вала нашла 4 фрагмента от тонкостенных сосудов из глины с растительными примесями, а в обнажениях у склонов собрала 15 фрагментов грубых черепков от плоскодонных сосудов с примесью в глине дресвы и шамота. Судя по характеру укрепления и находкам фрагментов от тонкостенных сосудов, городище было сооружено в азелинское время, а затем использовалось населением именьковской культуры.

2. Черепашье городище. Черепашье, дер. Кзыл-Юлдузского района Тат. АССР, правый берег р. Камы.

Городище расположено к юго-западу от деревни, за оврагами, на мысу между обрывом р. Камы и одним из оврагов. Высота площадки над уровнем воды в р. Каме около 25 м. Площадка защищена двумя линиями укреплений, состоящих из валов и рвов. Внутренний ряд находится в 67 м от конца мыса, длина его 25 м, ширина вала 4—4,5 м, высота 1,5 м, ширина рва 3 м, глубина до 1,5 м. Наружная линия находится в 40 м от внутренней, длина ее 20 м, вал имеет ширину 8 м, высоту 1,2 м, ров — ширину 7 м, глубину 1,3 м. Площадка и укрепления густо поросли лесом. Городище обследовалось в 1955 г. А. Х. Халиковым. Культурный слой по северному краю достигает толщины 50 см. Здесь было собрано 6 фрагментов стенок сосудов с примесью в тесте толченых раковин и 7 обломков от грубых плоскодонных сосудов именьковского типа. По материалу городище аналогично городищу Тарасова Пристань, но отличается двойной системой укреплений. Возможно, что второй ряд укреплений возведен уже именьковским населением.

3. Урахчинские находки. Урахча, село Рыбнослободского района, Тат. АССР, правый берег р. Сумы — правого притока р. Камы.

В коллекции В. И. Заусайлова находилось несколько вещей, доставленных из деревни, в том числе сломанная эполетообразная застежка азелинского типа длиной около 15 см с овальной задней бляхой, по краю которой 18 полугорошинных выпуклостей и 7 соединительных жгутов (Тальгрэн, 1919, стр. 15).

4. Масловский могильник. Масловка, дер. Рыбнослободского района Тат. АССР, правый берег р. Ошняка — правого притока р. Камы.

В 1900 г. у деревни при земляных работах было вырыто до 19 костяков и собрано небольшое количество вещей III—V вв. Разведками 1956 г. по опросу местных жителей установлено, что вещи были найдены при расчистке площадки под амбар на берегу р. Ошняка, который строили помещики, арендовавшие земли у Родионовского института. При этих работах снесена значительная часть берега, разрушившая, вероятно, весь памятник.

В архиве А. А. Спицина¹ имеются черновые зарисовки вещей из могильника: оригинальная фибула (Шмидт, 1927), два железных проушных топора, железный втульчатый топор, три железных копья с листовидными перьями, железный двулезвийный меч, костяной наконечник стрелы с ромбическим в сечении острием и резким уступчиком к черешку, медное кольцо от пряжки лировидной формы с насечками по кольцу и длинным хоботовидным язычком (близкая по типу табл. IV — 1).

Все вещи в коллекции составляют обычный азелинский комплекс.

5. Шуранская находка. Шуран, село Лаишевского района, Тат. АССР, правый берег р. Камы.

В составе коллекции ананьинских вещей из городища Гремячий Ключ, добытых раскопками П. А. Пономарева, находится ожерелье из медной гривны с халцедоновыми подвесками-дисками (Тальгрэн, 1919, рис. 10). Вещь эта типично азелинская. При каких условиях она была обнаружена — остается неясным. Возможно, на городище находятся также остатки слоя азелинского времени.

6. Именьковское городище. Именьково, село Лаишевского района, Тат. АССР, левый берег р. Брыски — левого притока р. Камы.

Городище находится в 1 км к северо-западу от села, в излучине левого берега р. Брыски. Площадка размером 2700 кв. м имеет вытянутую форму длиной 95—100 м и шириной 25—30 м. Высота ее над уровнем воды реки Брыски в летнее время 6—7 м. С южной, напольной, стороны площадка защищена шишкообразным валом шириной до 30 м и высотой до 6 м, перед которым вырыт ров шириной в 25 м и глубиной 5,5 м.

Городище уже давно было известно в литературе, но сперва его описывали как курган (Стоянов, 1871, Шпилевский, 1877, стр. 385). В 1953—1954 гг. 5 отряд Куйбышевской археологической экспедиции под руководством Н. Ф. Калинина и А. Х. Халикова произвел широкие исследования на городище. Всего было вскрыто 1660 кв. м на площадке и сделан разрез вала. Раскопками установлено, что культурный слой на площадке достигал мощности 1 м, а у склонов — до 3 м. Культурные остатки относятся к трем разновременным комплексам. Первоначально площадка мыса была заселена в предананьинскую эпоху. Культурные остатки этого времени залежали, в основном, в северном конце мыса и под насыпью вала.

¹ Архив А. А. Спицина, ф. 5, д. 367, Ленинградское отделение Института Археологии АН СССР.

Второй этап заселения площадки относится к переходному времени от пьяноборской к азелинской культуре. В этот период и был сооружен впервые вал весьма незначительных размеров. Культурные остатки пьяноборско-азелинского переходного времени, однако, тоже незначительны. Уже в IV в. городище было захвачено пришлым именковским населением. К этому времени относится сооружение мощного вала и рва и накопление основной массы культурных остатков. Материалы городища подробно опубликованы его исследователями (Калинин и Халиков, 1954, стр. 226, 1960).

7. Ковалинские находки. Ковали, село Тюлячинского района, Тат. АССР, правый берег р. Меши — правого притока р. Камы.

В коллекции Заусайлова (Хельсинки) находится несколько вещей поступивших из села: две кольцевые застёжки позднепьяноборского типа (Тальгрэн, 1919, табл. II — 1; рис. 69 — 1, 2), стеклянные бусы, эполетообразная застёжка длиной 24 см со слегка овальной бляхой, имевшей по краю 13 полугорошинных выпуклостей и 8 соединительных жгутов (рис. 69 — 5), каплевидная подвеска (Тальгрэн, 1919, табл. VIII — 6), бляха-застёжка (Тальгрэн, 1919, табл. I — 26; рис. 69 — 3) и железный наконечник стрелы (рис. 69 — 3). Найдки из Ковалей дают смешанный пьяноборско-азелинский комплекс, относящийся к наиболее раннему периоду азелинской культуры.

В коллекции Заусайлова (Хельсинки) находится несколько вещей позднепьяноборского типа: застёжка-сюльгама, сапожковая пронизка, часть височной подвески и крупная бляха, местом находки которых указана Ананьинская дюна (рис. 69 — 6—9).

8. Калкомерские находки. Калкомерка, дер. Пестречинского района Тат. АССР, левый берег р. Меши — правого притока р. Камы.

В 80-х годах прошлого столетия из деревни в музей Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете поступили две медные серьги—подвески, украшенные спиральными колечками.

Кроме того, значительное количество вещей из деревни находилось в коллекции Заусайлова: спаренная полупронизка, сапожковая пронизка, височная подвеска, ажурная подвеска (Тальгрэн, 1919, табл. II — 2, 3, 6, 5), бляшка с двойным ушком. накладка в виде четырех полугорошин (типа, Спицын, 1901, табл. I — 9, II — 14), медные украшения пояса. (Тальгрэн, 1919, табл. I — 15), браслет из круглого стержня и бронзовая трубка, толщиной с карандаш, с круглыми отверстиями по обе стороны. Все предметы имеют аналогии в памятниках позднепьяноборского и азелинского типа. По всей вероятности, вещи происходят из разрушенных погребений могильника переходного времени от пьяноборской к азелинской культуре.

9. Кибачинская находка. Кибачи, село Лаишевского района Тат. АССР, небольшой правый исток р. Меши — правого притока р. Камы.

По сообщению М. Г. Худякова, в коллекции Лихачева находилась эполетообразная застёжка азелинского типа, доставленная из села Ки-

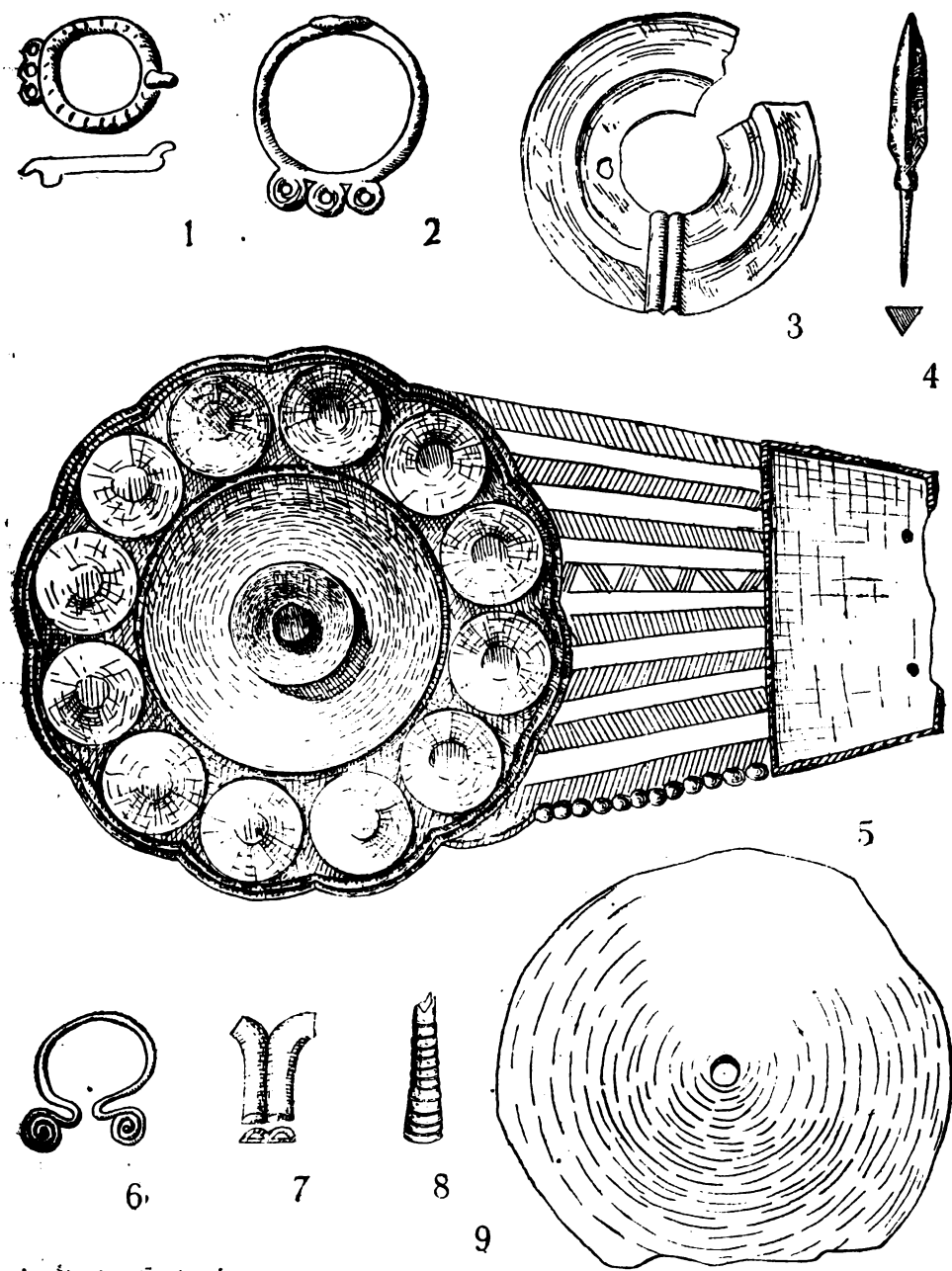

Рис. 69. Вещи из разрушенного могильника у с. Ковали. (1—5) и находки с Ананьинской дюны (6—9).

бачи (Худяков, 1929, стр. 77). В каталоге Лихачевского музея¹ имеется перечень находок, найденных «на кладбище в д. Кибачи»:

1. Медные украшения в виде двух сложенных сапожков — 4 экз.
2. Медные украшения в виде трубочек, украшенных поясками — 4 экз.
3. Круглые бляшки с ушками — 4 экз.
4. Выпуклые медные бляшки — 8 экз.
5. Медные кружочки с отверстиями разной величины в середине — 5 экз.
6. Медные кольца, одно сломано — 2 экз.
7. Медные продолговатые подвески — 2 экз.
8. Медное украшение с двумя отверстиями — 1 экз.

В фондах Государственного музея Татарии найти эти вещи не удалось.

Большинство вещей, судя по их описанию, относится к позднepyноборским типам. В общем, этот комплект содержит, как и находки из Калкомерки и Ковалей, наиболее ранние вещи азелинской культуры.

10. Ташкeрменские находки. Ташкeрмень, село Столбищенского района Тат. АССР, правый берег р. Меши — правого притока р. Камы.

Около села в разное время были найдены различные вещи, поступившие в собрание музея Общества археологии, истории и этнографии, коллекцию В. И. Заусайлова и др.

Ко времени азелинской культуры среди этих вещей относятся:

1. Обломок эполетообразной застежки азелинского типа (Тальгрeн, 1919, стр. 5—8).
2. Медная птицевидная пронизка верхнекамского типа (Тальгрeн, 1919, стр. 32, табл. V—16).

11. Ашиязское городище. Ашияз, село Атинского района Тат. АССР, правый берег р. Ашита — левого притока р. Илети (левый приток р. Волги).

Городище находится в 1 км к ЮВ от с. Ашияз и в 1,5 км к ЮЗ от с. Кубяны, на высоком берегу реки Ашита.

Площадка его занимает треугольный мыс верхней террасы, обращенный острым углом к югу. Сохранившиеся укрепления в виде земляных валов и рвов защищают городище с севера двумя линиями. Наружный вал дугообразной формы имеет протяжение 36 м, ширину 3—4 м, высоту 0,5—1 м. По внешнему краю вала находится ров шириной 2—4 м и глубиной не более 1 м. Северная линия обороны прорезана четырьмя проездами.

Южная линия обороны отстоит от северной на 44 м и также состоит из рва и вала, имеющих протяжение около 45 м. Южный вал и ров — древнее северных, что заметно по худшей сохранности, по расплывчатым очертаниям. Видимо, древнейшей частью городища является южный мыс длиной 60 м, шириной 38 м (площадь около 1900 кв. м.).

В 1956 г. Н. Ф. Калинин производились небольшие раскопки на

¹ Хранится в архиве Государственного музея Татарии в г. Казани.

площади между северной и южной линиями обороны. В раскопе обнаружена яма четырехугольной формы размером $4 \times 2,5-3,5$ м и глубиной до 1 м. Второй раскоп был заложен в одном из проездов северного вала. Здесь обнаружены небольшие остатки деревянных конструкций. Вещей при раскопках почти не найдено, за исключением нескольких фрагментов лепной керамики. Н. Ф. Калинин относил первоначальное сооружение городища к середине 1 тысячелетия н. э. (Халиков, 1958).

12. Соловцовское городище. Соловцово, село Дубьянского района Тат. АССР, правый берег р. Сулы — правого притока р. Казанки (левый приток р. Волги).

Городище расположено в 1 км к востоку от села на мысу между оврагами, по одному из которых протекает руч. Чонджирка. Площадка четырехугольной формы, размером 6 тыс. кв. м, укреплена с востока и частично с севера валом высотой до 2 м. Длина сохранившегося вала 90 м.

Культурный слой на площадке, толщиной всего в 7—10 см, содержит мелкие включения углей, кусочков обожженной глины. Разведками экспедиции КФАН в 1956 г. под руководством Н. Ф. Калинина обнаружен лишь 1 кремневый скол. По характеру укрепления и размерам памятника его можно отнести к середине 1 тысячелетия н. э., когда в этих районах было распространена азелинская культура.

13. Айшинский могильник. Айша, село Дубьязского района Тат. АССР, р. Крылайка — правый приток р. Казанки (левый приток р. Волги).

В 1891 г. В. И. Заусайлову было передано несколько вещей из д. Айши. Тогда же он посетил место находки и произвел небольшие раскопки. В крутом, почти отвесном, обрыве берега реки на глубине 1,25 м был найден сильно истлевший костяк. При костяке обнаружено большое количество украшений. В коллекции из могильника находятся: около 50 мелких бусин из желтого, синего и зеленого стекла; около 20 сердоликовых и янтарных бус; синяя бусина с подражанием фигурке скарабея; 3 крупные бусины диаметром 22—30 мм из халцедона, стекла и глины; подвеска в виде птички; подвеска в виде конька, под животом которого два колокольчика, а ноги соединены жгутом; такой же конек без колокольчиков; большая подвеска с арочной основой, украшенной по нижнему краю S-образными узорами, аверху, под аркой, — тремя фигурками лошадок, идущими влево; три колесовидные подвески со «спицами» в середине, на одной, кроме того, — три подвески-лапки; нагрудная подвеска в виде кольца с тремя напускными бусинами; застежка типа сюльгамы из круглой проволоки с загнутыми концами; медные планки, склепанные по две от нагрудника, к этому же нагруднику относятся узкие медные пластиночки с отверстиями и многочисленные бусы; большое количество поясных накладок в виде тонких медных пластин прямоугольной формы с насечками по краю, может быть, от пояса же происходят четыре халцедоновых диска, диаметром 5—6 см, с отверстиями в центре для

крепления к поясу; две эполетообразные застёжки: одна длиной 19 см с овальной задней бляхой, по краю которой 18 полугорошинных выпуклостей и 8 соединительных жгутов, другая, длиной 15,6 см, с овальной задней бляхой, имевшей 14 полугорошин и 9 соединительных жгутов.

Материалы могильника представляют хороший комплекс украшений азелинской культуры. Вещи из могильника вместе со всей коллекцией Заусайлова находятся в музее г. Хельсинки в Финляндии, подробно опубликованы А. М. Тальгренем (1920) и описаны также в монографии А. П. Смирнова (1952, стр. 80).

14. Казанский (Старостекольный завод) могильник. Казань, левый берег р. Волги.

На дюне к западу от железнодорожного вокзала, между городом и р. Волгой, в местности называемой «Старый Стекольный завод» в 1892 г. был открыт могильник. В дневнике В. И. Заусайлова, собравшего вещи, записано, что при копке траншеи было выброшено 7 костяков, лежавших на глубине от 1,25 до 1,4 м. В коллекцию собранных здесь вещей входили: куски шейных гривен из бронзы, 5 эполетообразных застёжек (целых и в обломках), поясные накладки, подвески нагрудные и подвески-пластинки от передников, круглые нагрудные бляхи-застёжки, пластины-рамки от нагрудника, 20 халцедоновых дисков диаметром 21 мм, бусы из стекла и халцедона, бронзовая рукоять ножа, 2 обоюдоострых железных меча, 2 втульчатых наконечника копий, железный кельтообразный топор, два железных проушных топора.

Эполетообразные застёжки в коллекции сходны по технике: задние бляхи у них овальной формы, мало выпуклые. Общие размеры и детали приведены в таблице.

№ п/п	Общая длина	Количество жгутов	Колич. полугорошин на задней бляхе	Рисунки у Тальгрена
1	20,5	7	17	1—24
2	18,1	8	22	1—25
3	12,3	7	13 ?	1—26
4	?	9 ?	?	1—27

Вещи относятся к азелинской культуре III—V вв.

Коллекция из могильника вместе с другими вещами коллекции Заусайлова была куплена Национальным музеем Финляндии, где хранится и поныне. Материал довольно полно опубликован А. М. Тальгренем (1919, 1920).

Новые раскопки на могильнике были предприняты с участием Н. Ф. Калинина в 1928, 1950 и 1953 гг. Следов погребений не найдено, собрано лишь несколько кремневых отщепов, наконечник стрелы и незначительные фрагменты болгарской керамики XIII—XIV вв.

15. Сюкеевский (Чачлы-Кул) могильник. Сюкеево, село Камско-Устьинского района, правый берег р. Волги.

Могильник находится в 3,5 км к юго-востоку от с. Сюкеево, на берегу р. Волги. В 1927 г. небольшие исследования на нем проведены Н. Ф. Калинин. В погребениях были найдены: эполеообразная застежка азелинского типа, пластины от расшитого нагрудника, типа найденных на Суворовском могильнике в погребениях II и IV, часть круглой нагрудной бляхи, шейная гривна, принадлежности пояса. Материал подробно опубликован его исследователем (Калинин, 1929, стр. 113—116).

В 1949 г. Н. Ф. Калинин вновь осмотрел местность, где расположен могильник, отметил, что площадь его значительно разрушена оползнем и размывами. При зачистке обнажения была собрана лишь керамика, содержащая в тесте примеси толченой раковины, а также без нее. Следов погребений не обнаружено.

16. Мари-Луговской могильник. Мари-Луговая, д. Волжского района Марийской АССР, левый берег р. Волги.

Могильник находится на западной окраине деревни у края коренного берега р. Волги, русло которой проходит в настоящее время в 2 км к югу. Площадка могильника разрушалась в половодье размывом реки. Еще до революции здесь производились раскопки местными крестьянами по заданию земского начальника. В 1929 г. исследованием могильника занималась Е. И. Горюнова, установившая, что могильник расположен на месте остатков более древних поселений. Кроме того, на этом же месте, частично разрушая азелинские погребения, находился позднее марийский могильник.

Из вскрытых Е. И. Горюновой 14 погребений семь относились к азелинскому времени. Захоронения произведены в ямах овальной формы, глубиной от 65 до 70 см. Погребенные ориентированы головой на север, ногами к реке. Е. И. Горюнова отмечает, что в трех случаях захороненные лежали на левом боку, однако, по приведенному плану одного из таких погребений (№ 8), совершенно определенно можно заключить, что это обычные погребения, где умершие лежат вытянуто на спине.

В одном случае отмечено, что при погребении в могилу были положены ноги животного (овца?). В погребениях собрана довольно хорошая коллекция вещей азелинского типа: железные втулчатые топоры, наконечники копий и стрел, удила, ножи, бронзовые гривны, перстни, пряжки, поясные накладки, сюльгамы, нагрудные бляхи, халцедоновый диск и стеклянные бусы. От местного населения получена эполеообразная застежка азелинского типа.

Материалы раскопок опубликованы исследователем могильника (Горюнова, 1934 а).

В 1956 г. новые раскопки на могильнике производил А. Х. Халиков. Им вскрыто 45 погребений азелинского времени. Результатам этих работ посвящена подробная публикация (Халиков, 1962; Архипов, Халиков, 1960, № 2).

17. Каракулинское городище. Каракулино, дер. Вятско-Полянского района Кировской области, правый берег р. Вятки.

Городище находится вблизи деревни на мысу, между двумя логами. Площадка его, имеющая форму вытянутого с севера на юг треугольника, возвышается над р. Вяткой на 85 м. С юга площадка укреплена валом и рвом, имеющим проезд. Городище открыто Марийской археологической экспедицией в 1956 г., когда и собрано несколько фрагментов лепной керамики (Архипов, Халиков, 1960, № 385).

18. Могильник Атамановы Кости. Мари-Малмыж, село Малмыжского района Кировской области, правый берег р. Вятки.

Могильник, открытый в 1877 г. С. К. Кузнецовым, находится в 4 км от села в сторону дер. Ахпай. По описанию С. К. Кузнецова, могильник расположен на второй, заросшей травой узкой террасе (ширина от 6,5 до 10,6 м), тянувшейся между все более и более обмываемых весеннею водою берегом р. Вятки и обрывисто поднимающейся береговой горой. Длина могильника не превышает 32 м. Естественной границей могильника на севере является Кужинерский, а на юге Бахмутов (или Ахмутов) овраг (Кузнецов, 1884, стр. 104).

В 1881 г. С. К. Кузнецов раскопал на могильнике одно погребение. Костяк лежал вытянуто на спине головой на юг, с вытянутыми вдоль туловища руками. С правой стороны скелета около руки и ноги находилось по паре лошадиных ног, копытами на север, а рядом с человеческим черепом — череп лошади, мордую обращенный к югу. Около черепа были найдены: точильный брусок с отверстиями, железные пряжка, нож и шило, а на груди — бронзовая подвеска в виде конька (Кузнецов, 1884).

Гораздо больше вещей С. К. Кузнецов собрал на поверхности и приобрел у местного населения. Среди этих вещей несколько оригинальных скульгам, пряжка с длинной, до 10 см, задней пластиной, бляшки с выпуклой поверхностью, обрамленной насечками, лапчатая подвеска, трапециевидная подвеска, эполетообразная застежка, железный кельт высотой в 5,5 см; нагрудная бляха из золотистого сплава. Эта коллекция опубликована А. А. Спициным (1901, стр. 8—9; табл. V). В 1888 г. на могильнике вел дополнительные раскопки П. А. Пономарев, результаты которых остались неизвестными. Возможно, из этих раскопок происходят три целых и три обломка круглых нагрудных слегка выпуклых блях диаметром до 8 см с отверстием в центре и обломки двух эполетообразных застежек, хранившихся вместе с коллекцией С. К. Кузнецова в музее Общества археологии, истории и этнографии (ныне в гос. музее Татарии) и описанные М. Г. Худяковым (1917, стр. 21).

В целом могильник дал ранне-азелинский комплекс вещей.

19. Атамановы Кости, городище. Мари-Малмыж, село (см. № 18).

На верхней площадке коренного берега реки Вятки над площадкой могильника, между оврагами, С. К. Кузнецов отмечает остатки древнего городища, на котором местное население находило медные и железные вещи, а также обломки глиняной посуды, (Кузнецов, 1884, стр. 405—406).

20. Малмыжские находки. Малмыж, гор. Кировской области, правый берег р. Вятки.

Из города происходят два халцедоновых диска и медная подвеска в виде стилизованных гусиных лапок.¹

21. Азелинский могильник. Подробное описание см. в приложении 1 настоящей публикации.

22. Сунцевский могильник. Сунцево (Шишкино), дер. Малмыжского района Кировской области, правый берег р. Вятки.

Могильник находится к востоку от деревни, у подножья горы, в пойме р. Вятки, на левом берегу небольшого безымянного ручья. Высота террасы всего 3—4 м над уровнем воды ручья, а ширина ровной площадки от берега ручья до подножья горы всего 5—6 м.

Могильник стал известен по погребению, вырытому в 1919 г. во время сооружения окопов (Худяков, 1929, стр. 75).

В 1934—1936 гг., по словам местных жителей, при устройстве на речке «прорвы» (очевидно, плотины) был найден костяк, около которого обнаружили браслет, бусы и другие вещи.

В 1955 г. могильник обследовал В. Ф. Генинг. В зачистке берегового обнажения были обнаружены остатки двух костяков, ориентированных головой на запад с небольшим отклонением к югу. При одном костяке, находившемся на глубине 20 см, вокруг черепа обнаружены крупные шаровидные бусы из синего стекла, а также бусы в виде цилиндриков со срезанными боками и трехзвеньевая красно-кирпичного цвета. От второго костяка сохранился лишь череп, рядом с которым найдены бусы того же типа и медная накладочка от венчика головного убора (типа табл. XXII—1).

23. Хлюпинский могильник. Хлюпино, д. Уржумского района Кировской области, правый берег р. Вятки.

В бывший Шурминский музей были доставлены две медные подвески (близкие по форме к табл. XI—4), выпавшие где-то в поле вблизи деревни.

24. Воробьевский могильник. Воробьи, село Шурминского района Кировской области, правый берег р. Вятки.

Могильник находится у края высокого коренного берега р. Вятки на южной окраине села. Площадка могильника, ограниченная с восточной стороны оврагом, в настоящее время вся занята постройками.

Могильник был открыт в 1919 г. при оборонительных работах. Среди многих вещей, собранных при рытье траншеи, находилась эпохетобразная застёжка позднепьяноборского типа, длиной 30 см, с 11 жгутами и 19 полушарными выпуклостями на задней бляхе.

В 1927 г. М. Г. Худяков раскопал на могильнике 4 погребения. В двух костяки лежали головой к северу, к реке, и в двух — к югу. Хорошая коллекция вещей из могильника подробно опубликована М. Г. Худяковым (1929). Вскрытые погребения относятся к раннеазелинскому времени.

25. Тюм-Тюм могильник. Тюм-Тюм, дер. Шурминского района Кировской области, правый берег р. Вятки.

¹ Архив ИА АН СССР, ф. 2, д. 88, 1925.

В 1931 г. О. Н. Бадер производил разведочные раскопки на могильнике у берега р. Вятки. Было вскрыто несколько позднемарийских погребений и два или три разрушенных погребения азелинского типа. Из вещей к последним относятся: обломки эполетообразной застёжки, медная пряжка, перстень из свернутого в цилиндр листка меди, покрытого штриховым узором (рис. 70), две медные гривны из прутков четырехгранного и круглого сечения, медные пластины от рамки нагрудников (табл. XIII, XIV), медные скульгамы и бляшка со спиральным узором.

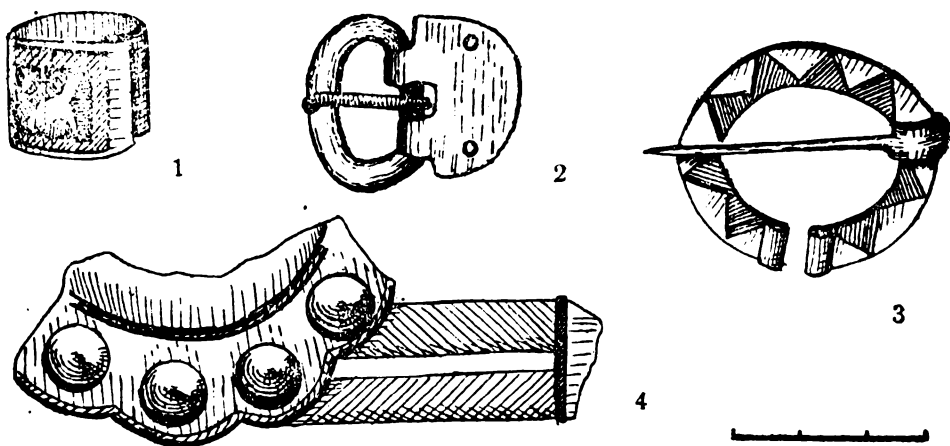

Рис. 70. Вещи из могильника Тюм-Тюм по раскопкам О. Н. Бадера.

26. Вичмарский могильник. Вичмарь, дер. Кильмезского района Кировской области, левый берег р. Кильмези — левого притока р. Вятки.

Могильник расположен по верхней части склона высокого левого берега р. Кильмези, занятого огородами деревни. На могильнике неоднократно велись небольшие раскопки в 1915—1921 гг. местными краеведами (И. А. Мошковцев, О. А. Забудский) и в 1927 и 1930 гг. археологами М. Г. Худяковым (1929) и Е. И. Горюновой (1934). В общей сложности вскрыто около 30 погребений. Костяки лежали вытянуто на спине, головой к югу с небольшими отклонениями. В нескольких погребениях отмечались находки глиняных сосудов и присутствие в насыпи могилы углей, золы и обожженной глины. В раскопе Е. И. Горюновой на глубине 20 см обнаружено «скопление мелко раздробленных пережженных костей и там же находились обломки плоского дна и стенки глиняного сосуда» (Горюнова, 1934, стр. 156). По всей вероятности, это остатки трупосожжения, типа известного в именьевской культуре (Генинг, 1960, 1962а). Отмеченные своеобразия не исключают в общем азелинского характера всего могильника.

27. Шурминские находки. Шурма, село Кировской области, правый берег р. Вятки.

Из села происходят два халцедоновых диска,¹ типа часто находимых на азелинских могильниках.

28. Красный ключ, могильник. Красный ключ, д. Уржумского района Кировской области, правый берег р. Уржумки — правого притока р. Вятки.

В 1929 г. сотрудникам экспедиции Антропологического института сообщили о находке погребения с бронзовыми украшениями близ выселка из Красного ключа, находящегося между г. Уржумом и пос. Цепочкиным (Талицкая, 1952, стр. 24). По всей вероятности, именно из этого погребения происходило несколько вещей авелинского типа, хранившихся в Уржумском музее.

29. Шевнинское городище. Шевнино, дер. Уржумского района Кировской области, правый берег г. Уржумки — правого притока р. Вятки.

Городище находится в 500 м к северу от деревни, на мысу, между двумя глубокими оврагами. Площадка городища укреплена дугообразным валом и рвом. Длина площадки, включая укрепления, — 128,8 м, ширина у вала — 58 м. Вал имеет высоту 1 м, при ширине у основания — 7 м. Ров — шириной 5, 6 м и глубиной 60—70 см. Культурный слой толщиной 15—25 см содержит мало вещей. Марийская археологическая экспедиция в разведке 1956 г. собрала небольшое количество фрагментов лепной керамики (Архипов, Халиков, 1960, стр. 110).

30. Сабуяльское городище. Русский Сабуял, дер. Уржумского района Кировской области, р. Ашланка — левый приток р. Уржумки — правого притока р. Вятки.

Городище находится в 0,5 км к северо-западу от деревни, на левом крутом берегу р. Ашланки. Площадка треугольной формы ограничена с восточной и западной сторон крутыми оврагами. С севера она защищена дугообразным валом. Размеры площадки: длина — 44 м, ширина у вала — 32 м, у юго-восточного конца — 12 м. Вал, длиной 25 м, имеет высоту до 1,5 м и ширину у основания — 6 м. Культурный слой незначительной мощности. Марийская экспедиция в 1956 г. собрала здесь небольшое число фрагментов лепной керамики из глины с примесью толчных раковин (Архипов, Халиков, 1960, стр. 110).

31. Куш-Бияморское городище. Куш-Биямор, деревня Мари-Турекского района Марийской АССР, р. Уржумка — правый приток р. Вятки.

Городище находится в 0,5 км к востоку от деревни на мысу, образованном склоном надлуговой террасы и оврагом. С южной стороны площадка защищена валом. Длина площадки — 80 м, ширина — 50 м. Культурный слой не обнаружен во время разведки Марийской экспедиции 1956 г. (Архипов, Халиков, 1960, стр. 112).

32. Чапаевское (Минина Гора) городище. Чапаево, деревня Уржумского района Кировской области, правый берег р. Вятки.

Городище находится в 1,5 км к востоку от деревни на мысу, укрепленном двумя рядами валов и рвов. Длина площадки — 120 м, ши-

¹ Известия общества Археологии, истории и этнографии при Казанском университете, т. VI, вып. 2, 1888, стр. 78.

рина — 50 м, площадь 6000 кв. м. Марийская экспедиция в 1956 г. обнаружила на площадке лишь медную пластину (Архипов, Халиков, 1960, стр. 109).

33. Буйское городище. Буйский Перевоз, село Уржумского района Кировской области, р. Кужинерка — правый приток р. Вятки.

Городище находится к западу от села за небольшим ручейком Кужинеркой (рис. 2, 71). Площадка его занимает высокий мыс у берега

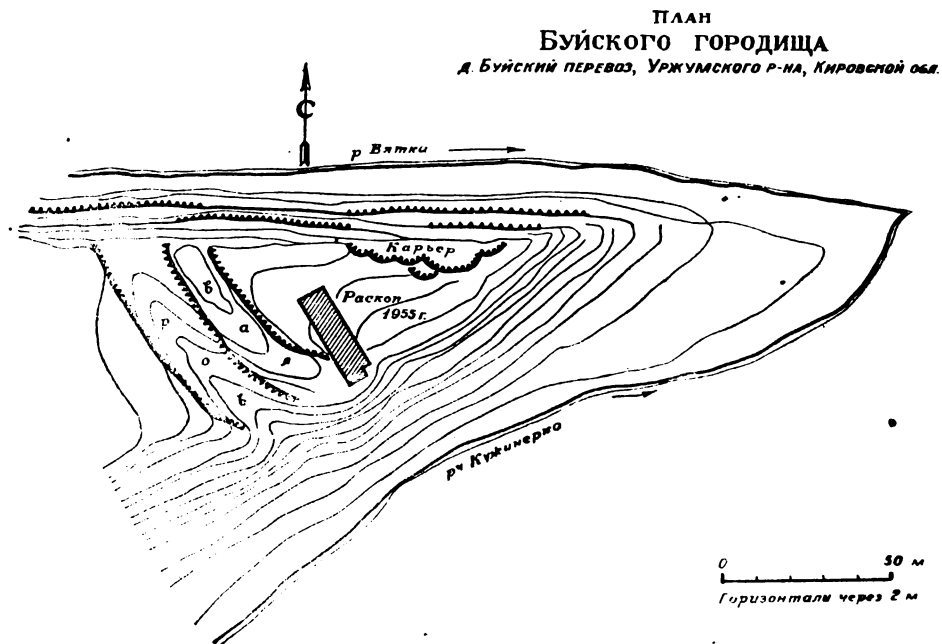

Рис. 71. План Буйского городища на р. Вятке.

реки Вятки, склон к которой, повидимому, несколько разрушен. Площадка имеет сильное понижение поверхности к югу. С юго-запада она ограничена валом и рвом. Длина площадки, имеющей очертания треугольника, по вятскому берегу — 95 м. Наибольшая ширина — 40 м. Вал городища достигает высоты 2—3 м с внутренней стороны, а ров перед ним, при ширине около 20 м, имеет глубину до 1—2 м.

Городище впервые было исследовано в 1888 г. А. А. Сплицыным (1893, стр. 53—54). В 1929 г. его осмотрел М. В. Талицкий, который высказал предположение, что кроме основного, ананьинского слоя, городище содержит еще один, более поздний (Талицкая, 1952). Последнее достаточно хорошо удалось подтвердить при раскопках, произведенных на городище в 1955 г. Удмуртской археологической экспедицией под руководством В. Ф. Генинга (1958). В южном углу у вала было вскрыто 270 кв. м площади городища. На площади раскопа ко времени азелинской культуры относятся несколько кострищ и остатки разрушенного горна, о котором свидетельствуют находки обломков глиняных сопл (рис. 11), тиглей и льячек (рис. 14 — 4, 5) и небольшое

количество шлака. Разрез вала у южного склона обнаружил четырнадцать различных прослоек, свидетельствующих о трехкратном возведении этого укрепления. Последний раз вал был насыпан в азелинское время, когда прежний, ананьинский, уже сильно оплыл и представлял собой лишь небольшое всхолмление, покрытое у склона довольно значительным слоем с культурными остатками, смытыми с площадки городища.

Из вещевого материала к азелинскому времени относится небольшая коллекция керамики. Сосуды все круглодонные в виде традиционных прикамских чаш. В глине незначительная примесь толченых раковин и песка. По шейке — орнамент в виде ямок круглой, продолговатой или треугольной формы и, реже, из отпечатков шнура (рис. 5).

Из других вещей азелинского времени здесь собраны: железная мотыга (рис. 9), медные накладки и пронизка (рис. 14 — 1—3).

34. Суворовский могильник (см. подробное описание в приложении 2 к настоящей публикации).

35. Бурьгинское городище. Бурьгино, дер. Советского района Кировской области, правый берег р. Немды — правого притока р. Пижмы (правый приток р. Вятки).

Городище находится вблизи деревни на крутом скалистом мысу, выходящем к р. Немде. Площадка сравнительно небольшого размера укреплена мощным валом и рвом. Поверхность площадки весьма неровная, изрытая многочисленными старыми раскопками. Здесь копал в 1864 г. П. В. Алабин (1865), затем в 1883 г. А. А. Спицын (1893, стр. 144) и в 1887 г. — П. А. Пономарев.¹ Но ни один из этих исследователей не оставил описания раскопок, отмечались лишь частные находки шлаков и остатков кузниц. В 1957 г. городище было осмотрено нами. Площадка густо заросла лесом и вся изрыта множеством ям. Тогда же было собрано небольшое количество керамики азелинского типа. К этому времени относятся и некоторые вещи из коллекции А. А. Спицына. Но основная масса находок с городища относится к IX—XI вв. В старой литературе это городище фигурирует иногда под названием Нижневотского или Немдинского.

36. Кичминские находки. Кичма, село Пижемского района Кировской области, р. Немда, правый приток р. Пижмы — правого притока р. Вятки.

В Государственном историческом музее в Москве хранится коллекция вещей (инв. № 49612) из села Кичминского Уржумского уезда, доставленная, вероятно, еще до революции. В составе этой коллекции находятся:

1. Серебряная гривна с пластинчатым трехгранным ободом и замком в виде петли и крючка (типа МАР № 25, табл. XVIII — 1).

2. Цельнолитая медная пряжка (типа МАР № 26, табл. XXXIII — 1, но задняя пластина квадратная и с насечками по краю).

¹ Известия общества Археологии, истории и этнографии при Казанском университете, т. VI, вып. 2, 1888, стр. 78.

3. Две медные пронизки в виде гладких трубочек длиной 3 см с ободками по краю (типа МАР № 26, табл. XXXVIII — 5).

4. Медная подвеска в виде конической трубки с ободками по краю и тремя выпуклыми полосками в середине.

5. Миниатюрное медное «навершие» в виде овального разомкнутого кольца с поперечными насечками и втулкой.

37. **Ижевское (Жеребцовское) городище.** Степинская, дер. Пижемского района Кировской области, правый берег р. Ижа — правого притока р. Пижмы (правый приток р. Вятки).

Городище находится между дд. Городище и Степинская на мысу, образованном крутой надлуговой террасой берега реки и оврагом. Площадка имеет трапециевидную форму, вытянутую с севера на юг. С юго-восточной и южной сторон площадка ограждена дугообразными валом и рвом. Длина площадки по западному краю 80 м, наибольшая ширина — 60 м. Культурный слой на площадке городища по результатам обследования Марийской экспедиции — отсутствует. На склонах его мощность 15—30 см.

Городище неоднократно подвергалось раскопкам, но описаний их нет. Наиболее полная коллекция была собрана А. А. Спицыным (1893, стр. 147—149). Среди вещей IX—XI вв. находятся и несколько предметов азелинского времени.

В Яранском музее хранятся две эполетообразные застёжки азелинского типа, найденные на городище (рис. 72). Малая имеет длину

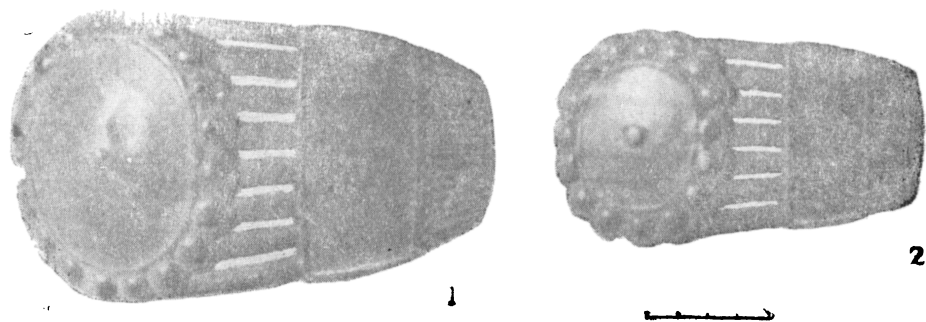

Рис. 72. Эполетообразные застёжки из Жеребцовского городища.

12,5 см, задняя бляха овальная с крупным умбоном и 16 полушариями по краю. Соединительные жгуты плоские, короткие, всего их семь. Передняя пластина широкая с десятью полосками вместо шнуров. Большая застёжка длиной 15,5 см с овальной задней бляхой, имеющей 21 полушарие по краю, соединительные жгуты (8 шт) плоские с елочными насечками. Передняя пластина широкая, по краю 19 полосок вместо ложного шнура и 17 кружков у перехода к главному полю. Обе представляют собой поздние экземпляры эполетообразных застёжек азелинского типа. В 1961 г. раскопки на городище проведены Марийской археологической экспедицией (Архипов, 1962).

38. Еманаевское городище. Шанеево, дер. Тужинского района Кировской области, правый берег р. Пижмы, правого притока р. Вятки.

Городище находится между дд. Шанеево и Городище на мысу, образованном краем надлуговой террасы и оврагом. Площадка имеет треугольную форму и с юго-запада защищена валом длиной 52 м. Ров совершенно заплыл. Городище исследовалось А. А. Спицыным, среди собранных им вещей имеется и ряд азелинских (Спицын, 1893, стр. 149—150). В 1957 г. Марийская экспедиция обследовала городище. Шурф, заложенный на площадке, материала не дал. (Архипов, Халиков, 1960, стр. 165).

39. Безводновский клад. Безводное, починок бывш. Яранского уезда.¹

В 1868 г. рядовой Петухов нашел клад вещей, в составе которого были:

1. Эполетообразная застежка длиной 15,5 см и шириной 6,8—8 см с семью соединительными жгутами и передней пластиной с 13 полосками, имитирующими шнур. На овальной задней бляхе по краю 20 полушарий.

2. Медная шумящая подвеска, общие размеры 21×13 см. Верхний щиток в виде арки, внутри которой три фигурки лошадей, идущих влево. По нижнему краю — девять цепочек с подвесками в виде бутылочек.

3. Трехзвеньева подвеска длиной 9,5 см (типа Генинг, 1958, рис. 39 — 14).

4. Медные бляшки с насечкой по окружности и таким же крестообразным узором в центре. По нижнему краю у одного экземпляра подвешено четыре бутылочных подвески, у другого — три.

5. Две медные подвески в виде высоких колпачков с отверстиями сверху и ободком по нижнему краю.

6. Медная коническая подвеска с одним ободком по нижнему краю и несколькими — по верхнему.

7. Медная пронизка с ободками по краю.

8. Две крестовидные бляшки, одна из них с насечкой (типа табл. X — 10).

9. Два халцедоновых диска диаметром 5,5 и 4 см (типа табл. X — 9).

10. Две халцедоновые (?) шаровидные бусины крупного размера.

Вещи опубликованы Аспелиным (1877, №№ 788—801). А. А. Спицын обследовал место находок и установил, что все они были найдены в виде небольшого отдельного клада и никаких следов погребения не обнаружено.

40. Верх-Верескинские находки. Верх-Верески, дер. Атнинского района Тат. АССР, левый берег р. Илети.

В 1947 г. учитель Верх-Верескинской школы Шамкин Х. Г. доставил в Государственный музей Татарии несколько бронзовых вещей,

¹ В бывшем Яранском уезде имеется несколько населенных пунктов с таким названием. В 1957 г. Марийская экспедиция произвела расспросы о кладе и находках в нескольких деревнях, но установить, где он был найден, не удалось.

найденных учащимися школы в овраге посреди деревни, где местные жители берут песок для печей.

В составе коллекции находятся следующие предметы:

1. Умбоновидная бляшка, обрамленная шнуровым бортиком, с горизонтальным ушком сзади. В нижней части — четыре петли, на которых висят крупные подвески ромбической формы с шишечками по углам и в центре.

2. Крупная колесовидная бляха диаметром более 6 см с ушком в центре на левой стороне и семью петлями снизу, на которых висят бутыльчатые подвески. Бляха обрамлена полугорошинами и двойным шнуровым жгутом, в центре — умбончик, соединяющийся «спицами» с наружным кольцом.

3. Пластина из двойных спиралек с двумя бутыльчатыми подвесками.

4. Многочисленные мелкие обжимные накладки в виде полугорошин на острых концах.

41. **Елховское городище.** Сюкеево, село Камско-Устьинского района Тат. АССР, правый берег р. Волги.

Городище находится в 4, 5 км к юго-востоку от села и занимает мыс между берегом Волги и Елховым оврагом. Площадка прямоугольной формы, размером 40×20 м, с северо-восточной стороны защищена валом и рвом длиной 24 м. Ширина вала в основании 17,5 м, высота 2 м. Ров с наружной стороны имеет ширину 12,5 м и глубину 2,5 м.

Обследование городища проведено в 1949 г. Н. Ф. Калинин, который установил, что в нижнем горизонте культурного слоя, имеющего мощность 30—40 см, присутствует керамика с примесями толченых раковин в тесте и округлым дном. Этот комплекс относится Н. Ф. Калинин ко времени Сюкеевского (Чачлы-Кул) могильника. Верхний горизонт культурного слоя содержит материал именьковского типа (Калинин и Халиков, 1954, стр. 43—44).

ЛИТЕРАТУРА

- Аврорин В. А. и Козьминский И. И. 1949. Представление орочей о вселенной, о переселении душ и путешествиях шаманов, изображенные на «карте». Сборник Музея Антропологии и этнографии. Т. XI, Л.,
- Алабин П. В. 1865. Заметка о вятских древностях. «Вятские губернские ведомости», № 72.
- Анисимов А. Ф. 1951. Представления эвенков о душе и проблема происхождения анимизма. Сб. Родовое общество. Труды института этнографии. Нов. серия, т. XIV, М.,
- Архипов Г. А. и Халиков А. Х. 1960. Материалы к археологической карте Марийской АССР. Йошкар-Ола.
- Архипов Г. А. 1962. Городища I тысячелетия. Труды Марийской археологической экспедиции. Т. II, Йошкар-Ола.
- Аспелин. 1877—1884. Aspelin S. R. Antiquites dy Nord Finne-Ougrien Helsingfors. Т. I—V.
- Белицер В. Н. 1958. Очерки по этнографии народов Коми. Труды института этнографии. Нов. серия, т. XLV. М.,
- Белицер В. Н. 1951. Народная одежда удмуртов. М.,
- Воробьев Н. И. и др. 1956. Чуваши. Этнографическое исследование, ч. 1. Чебоксары.
- Генинг В. Ф. 1956. Исследования Удмуртской археологической экспедиции в 1955 г. Журнал «Молот», № 1, Ижевск.
- Генинг В. Ф. 1958. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск.
- Генинг В. Ф. 1959. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа. Труды Казанского филиала Академии Наук СССР. Серия гуманитарных наук, 2. Казань.
- Генинг В. Ф. 1959а. Удмуртская археологическая экспедиция. Краткие сообщения Института истории материальной культуры, вып. 74, М.,
- Генинг В. Ф. 1960. Селище и могильник с обрядом трупосожжения доболгарского времени у с. Рождествено в Татарии. Материалы и исследования по археологии СССР, № 80, М.
- Генинг В. Ф., Стоянов В. Е. 1961. Итоги археологического изучения Удмуртии. Вопросы археологии Урала, вып. 1, Свердловск.
- Генинг В. Ф. 1962. Узловые проблемы изучения пьяноборской культуры. Вопросы археологии Урала, вып. 4. Свердловск.
- Генинг В. Ф. и др. 1962а. — Генинг В. Ф., Стоянов В. Е., Хлебникова Т. А., Вайнер И. С., Казаков Е. П., Валеев Р. К., Археологические памятники у села Рождествено. Казань.
- Генинг В. Ф. 1962б. Тураевский могильник в Нижнем Прикамье. Вопросы археологии Урала, вып. 2. Свердловск.
- Генинг В. Ф. 1962в. Мыдлань-Шай — удмуртский могильник VIII—IX вв. Вопросы археологии Урала, вып. 3, Свердловск.
- Георги И. Г. 1876. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. Ч. II, СПб.
- Горюнова Е. И. 1934. Вичмарский могильник. Проблемы истории докапиталистических обществ. № 9—10, М. — Л.
- Горюнова Е. И. 1934а. Мари-Луговской могильник и селище. Проблемы истории докапиталистических обществ. № 9—10, М. — Л.
- Емельянов А. И. 1921. Курс по этнографии вотяков. Вып. III, Казань.
- Золотарев А. М. 1926. Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск.

Ильин М. И. 1926. Похороны и памятники вотяков д. Купченево Белебеевского кантона Баш. республики. «Вотяки». Сб. по вопросам быта, экономики и культуры вотяков, кн. I, М.

Калинин Н. Ф. 1928. Памятник пьяноборской культуры близ с. Мордовские Каратаи. Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, т. XXXIV, вып. 1—2, Казань.

Калинин Н. Ф. и Халиков А. Х. 1954. Итоги археологических работ 1945—1962 гг. Труды Казанского филиала АН СССР, серия гуманитарных наук, I Казань.

Калинин Н. Ф. и Халиков А. Х. 1960. Именьковское городище. Материалы и исследования по археологии СССР. № 80, М.

Крашенинников С. П. 1949. Описание земли Камчатки. М. — Л.,

Крюкова Т. А. 1956. Материальная культура марийцев XIX в. Йошкар-Ола.

Кузнецов С. К. 1884. Атамановы кости. Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, т. III, Казань.

Левашова В. П. 1948. Два сосуда из курганов Омской области. Краткие сообщения Института истории материальной культуры, вып. XIX, М.

Мажитов Н. А. 1959. Курганный могильник в деревне Ново-Турбаслы. Башкирский археологический сборник. Уфа.

Мажитов Н. А. 1959а. Поселения бахмутинской культуры. Башкирский археологический сборник, Уфа.

Смирнов А. П. 1952. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. Материалы и исследования по археологии СССР, № 28, М. — Л.

Спицын А. А. 1893. Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии. Материалы по археологии Восточных губерний России. Вып. I, М.,

Спицын А. А. 1901. Древности бассейнов рек Оки и Камы. Материалы по археологии России, № 25, СПб.

Стоянов А. 1871. Отчет о раскопках древних могил и курганов Казанской губернии. Приложение к протоколам Общества естествоиспытателей при Казанском Университете.

Тальгрэн 1919. Tallgren A. M. Collection Zaoussoilov t. II, Helsingfors.

Тальгрэн А. М. 1920. Два могильника железного века в Казанском уезде. Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, т. XXX, вып. 3, Казань.

Талицкая И. А. 1952. Материалы к археологической карте бассейна р. Камы. Материалы и исследования по археологии СССР, № 27, М.

Халиков А. Х. 1958. Марийская археологическая экспедиция 1956 г. Труды Марийского Научно-Исследовательского института. Вып. XI, Йошкар-Ола.

Халиков А. Х. и Архипов Г. А. 1959. Марийская археологическая экспедиция 1957 г. Труды Марийского Научно-Исследовательского института, вып. XIV, Йошкар-Ола.

Халиков А. Х. 1962. Очерки по истории железного века Марийской АССР. Труды Марийской археологической экспедиции, т. II, Йошкар-Ола.

Худяков И. Г. 1934. Азелинский могильник. Проблемы истории докапиталистического общества, № 7—8, М. — Л.

Худяков М. Г. 1917 г. Древности Малмыжского уезда. Труды Вятской ученой архивной комиссии, вып. I—II, Вятка.

Худяков М. Г. 1929. Воробьевский и Вичмарский могильники. Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском Университете, т. XXXIV, вып. 3—4, Казань.

Худяков М. Г. 1936. Пережитки группового брака и матриархата в Поволжье (у мари и удмуртов). Сб. «Вопросы истории доклассового общества», М. — Л.

Шмидт 1927. Schmidt A. V. Kačka. Helsinki.

Шмидт А. В. 1929. Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии Наук. Приложение к журналу «Хозяйство Башкирии», № 8—9, Уфа.

Шпилевский С. М. 1877. Древние города, Казань.